

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 13

Тольятти
2017 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Художник номера: Дмитрий Перегудов

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Сентябрь 2017 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Виталий НАУМЕНКО	6
Янис ГРАНТС	11
Ольга БРАГИНА	18
Андрей КОСТИНСКИЙ	23
Вадим БАЛАБАН	28

ПРОЗА

Сергей БРЕЛЬ. <i>Пеликан в пустыне</i>	34
--	----

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Эдуард УЧАРОВ	45
Эдуард УЧАРОВ. <i>Стихи</i>	52

ОКРЕСТНОСТИ

Вадим Гнатовский. <i>Посмертный улёт Феди Помидора</i>	56
--	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Елена БОГАТЫРЕВА	60
Роман ПОЛУЭКТОВ	64
Василий ЧЕРДАКОВ	67

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Авторы из Пензы. Предисловие Антона Шумилина	69
Сергей ЖИДКОВ	71
Анна МАРТЫШИНА	75
Владимир НАВРОЦКИЙ	78
Марина ГЕРАСИМОВА	81
Юлия АРЯМОВА	83
Вера ДОРОШИНА	84

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТСКРИПТУМ

Сергей СУМИН. ФРАГМЕНТЫ. И.Ю.	87
Игорь ЮГАНОВ Из книги " Бога почти нет "	93

МЕЖДУ СТРОК

Творчество авторов литстудии ВУиТ

Константин	99
Слава ТРОШИН	100
Анна БИЛЕТЧЕНКО	101
Алина НАУМЕНКО	103
Scum Swamp	104
Роман ПОЛУЭКТОВ	105
Сергей СУМИН	107

АРХИВ

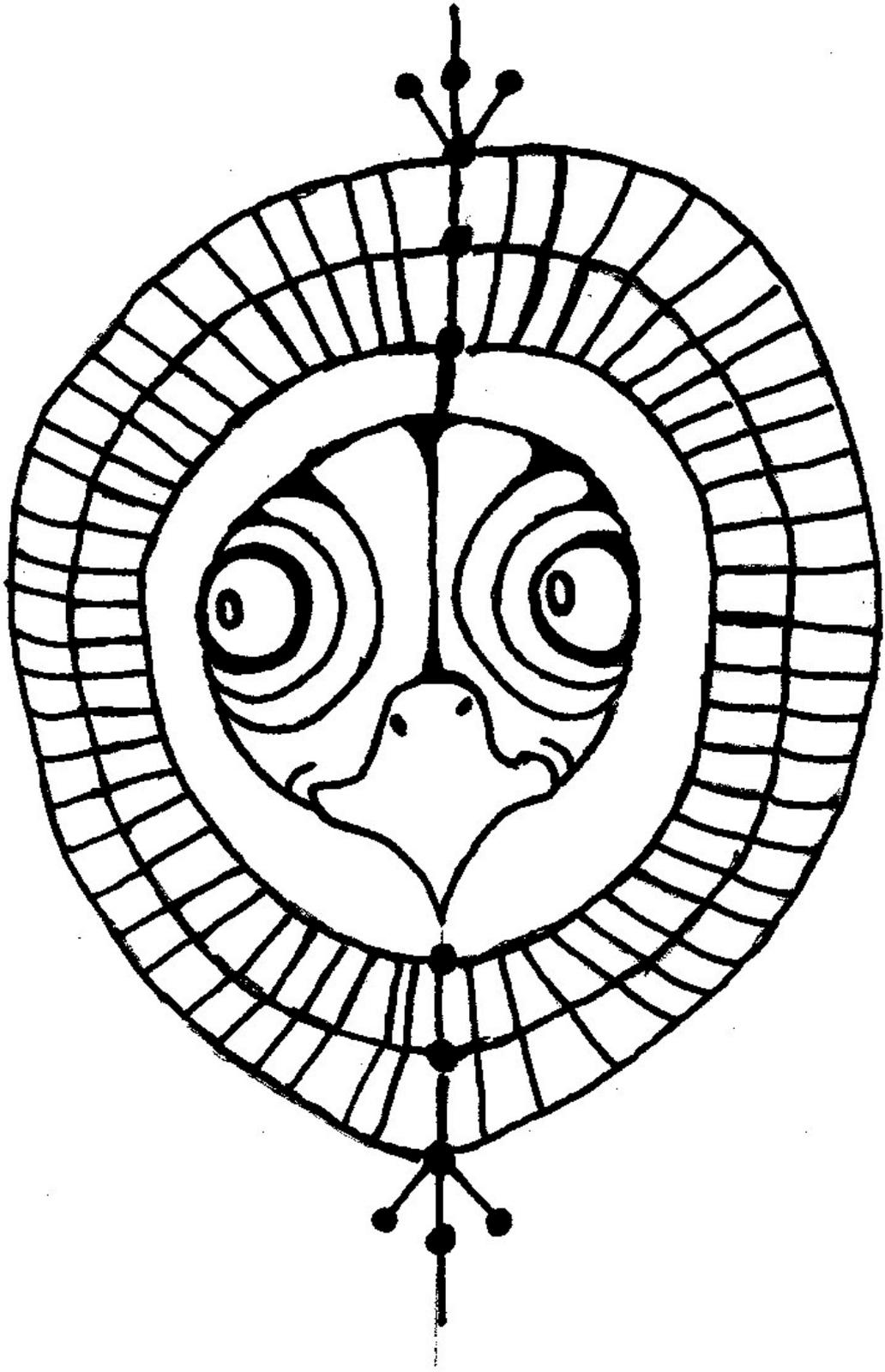
Георгий КВАНТРИШВИЛИ . «Я здесь ведь был когда-то...»: Лев Зилов и Ставрополь-Волжский	109
Лев ЗИЛОВ. <i>Стихи.</i>	115

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Сергей ПИДЕНКО. Короткое лето белорусского языка. Три поэта.....	130
Анатолий СТАНКЕВИЧ. <i>Стихи.</i>	131
Ян ЗБАЖИНА. НАЧНЫЯ МАТЫЛІ (Афоризмы)	134
Алесь БОКАЧ. Вечны верш.	136

МИР – ЧУЖБИНА

Мей-мей Берссенбрюгге (Mei-mei Berssenbrugge) Перевод Галины Ермошиной	137
КНИГА ЗА КНИГОЙ	141
АВТОРЫ	152

ПОЭЗИЯ

Виталий Науменко

***

С чем же сравнить тебя, выщербленная пластинка?
Пепел, ложащийся к праху стгоревших сосен?
Веки-то приоткрой: это весна ли, осень,
Жизни моей слабая паутинка
Прямо перед глазами.

Я твою руку помню,
Все эти пропасти, музыка не смолкает.
Ветер хрипит, что ему, он-то знает:
Кот да бесшумно да молоко лакает.

Больно и страшно, страшно
Позже, намного позже. Это
Август, ну то есть лето, спето, конец куплета:
Смерть или всё сначала: Первая сигарета?
Не пошла, поцелуй, дальше смех, а не имя,
Помнишь, как мы с тобою улицу перебежали?

Руки б соединить, чтобы промеж руками
Ровная, стройная музыка дребезжала!

Стонет пластинка, стонет,
Подойдешь – отвернётся.
Ветер устанет, заткнется радиоточка в вагоне,
А если да феникс да птица да нас догонит,
Мы же проснемся. Мы же проснемся? Правда?

Будут: толкучка, давка, музыка, отголоски парада,
А пока это просто девочка возле ларька, пьяная и красивая,
сама над собой смеется.

ПОЭЗИЯ

***

Город покрылся инеем,
Прозой иных времен,
Город теперь без имени,
Прописью – мой район.

По коридорам города
Нечего нам бродить,
Бывшие мы и гордые,
С гонором мы и с говором –
Только куда ж нам плыть?.

Так затихает музыка
Улиц и площадей,
Запотевает узкое
Стеклышко от людей.

Что-то всегда кончается,
Только вот мы живем,
Прошное повторяется,
Даже снесенный дом.

***

Кошки под машины прячутся,
ребята на коробке ребячатся,
а если кто к тебе лицом поворачивается,
может и погорячиться.
Делай вид, что ты из темноты, из пустоты
или вообще это совсем не ты
и забывай их лица.

Люди сделаны из одного материала,
сколько б ни дали, всё-то им будет мало.
Как умереть и начать сначала,
просто не зная зла?
Ты-то и сам перешел дороги
этим и этим, и очень многим,
не переступишь через пороги
без лодки и без весла.

ПОЭЗИЯ

Вот и случилось – какая жалость!
Что-то внутри у тебя сломалось.
Ты разлюбил людей или слишком любил,
радуясь, плача, будто бы кто просил.

***

Я ничего не знаю о тебе,
Я только знаю вкус прикосновенья.
Из избранного: азбука и бред –
Всё то, что составляет поколенья.

Но чтобы стать не галькой, а волной,
Я должен эту жизнь прожить еще раз,
И вспомнить, как о многих, об одной,
И это повод, чтоб закончить повесть.

Хотя, постой, я знаю о судьбе,
Про женщин с воспаленными глазами,
Про то, что говорила ты себе,
А я себе – про ангелов меж нами.

Они молчали и за нами шли,
Среди переметнувшегося эхо,
Тогда под небом не было б земли,
Когда бы мы не клянчили успеха.

В себя поверить – это легкий труд,
Куда сложнее вести себя так праздно,
Как будто между нами не пройдут
Так безмятежно и однообразно.

***

Л.
Я не слышал тебя много лет,
а как будто бы несколько дней.
Если держишь последний билет,
то тогда он любого прочней.

ПОЭЗИЯ

Я стою возле партии лиц,
а вагоны уносятся прочь,
мельтешат;
словно перепись птиц
мне стучится в глаза в эту ночь.

Хорошо, что с тобою уже
мы прожили всё наше житьё,
и забыли
сквозь гул этажей
даже имя и семя своё.

Наша память – наброски имён,
потому что людей больше нет.
Остается безлюдный перрон,
где идёт за вагоном вагон,
оставляя чеканный след.

Что-то есть между бликов вдали,
но стоит на другой стороне,
и я чувствую в серой пыли,
как стучит мое время во мне.

***

Мы поссорились навсегда – как же здорово, тебя нет,
Остаются зачатие льда и навязчивый мертвый свет,
Как бродящие по дворам и любители мелодрам.
Уходите отсюда все, допивайте свои сто грамм.
Как заложники той войны, где убитые влюблены
В тех убитых, которых тут не найдешь, хоть врубай салют.
Оставайся такой, как есть – это доблесть твоя и честь.
Если не за что похвалить, значит, я буду дальше жить.

Я люблю голубой простор, книги, марки, открытки, спорт.
То, что ценится на развес, вызывает мой интерес.
А любовь – это крик и всхлип до пропажи, пока не влип
В пустоту, где никто нигде плохо держится на воде.

ПОЭЗИЯ

***

Первая трава просит родственника:

«Дай мне крови своей, дай мне крови дочери своей».

Он говорит: «Забирай всю мою кровь, но не дам я тебе крови дочери своей».

На больших детских площадках веселятся дети.

Мимо них ходят люди. Другие прибывают доски.

Стон травы им не слышен, как и ничто на свете.

Что тогда остается? Выписки и отголоски.

Вот и стой, где остался, впиваясь взглядом,

Научись, как все, выражаться матом в любом народе.

За тобой не приходят, не ходят рядом,

А спешат домой при любой погоде.

Нам не надо с музыкой объясняться,

Мы читаем вывески, останавливаемся у доски почета.

Нам такие сны каждой ночью снятся,

Будто знают о жизни и смерти что-то.

А другая трава говорит: «Где моя сестра?

Ты не дал ей крови, как обещал?»

Дыр-бул-щыл,

Колыхайся, моя тайга, о своем поем, все пройдет с утра.

Янис Грантс

СТЕБЕЛЁК

жена рожает, а этот хмырь
плетётся через пустырь.
пинает жестянку, жуёт стебелёк.
на сердце хмыря залёг
тяжёлый камень, а три стака –
навозного коньяка
желудок вертят как бигуди.
я говорю: иди.
иди к жене. бросай стебелёк.
бросай жестянку. беги со всех ног
в роддом – тут ближе – через овраг.

а хмырь отвечает так:

И Т.Д. И Т.П.

собака выдыхает носом пар.
господь всех тварей вылепил попар –
но что с того? одна. (бежит). одна.
(от жёлтого до жёлтого пятна).

и многомногомногомного дней
никто под хвост не шляется за ней.

но вот февраль (морозно и т.д.),
танцуют что-то типа па-де-де
два пса вокруг собаки-носом-пар
(чем дальше в лес, тем яростней угар).

облаян пегий. рыжий весь при ней.
и так проходит пара-тройка дней.

а дальше – материнство и т.п.
(у теплотрассы, там, где кпп).

собака выдыхает носом пар,
сосками подметая тротуар.

ПОЭЗИЯ

МАЛЕНЬКИЙ

Словно цветочек маменькин
Двух с половиной лет,
Пальчик сосёшь, мой маленький,
Чмокаешь сладкий свет.

Слюни пускаешь вязкие,
А на ресничках – дрожь.
С мишками и раскрасками
Сквозь пелену плывёшь.

Где-то над нашей спаленкой
Тают плевочки звёзд.
Что тебе снилось, маленький?
Холокост.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕНГСТОНЕ ХЬЮЗЕ

Блюз

подражание

заляпаны грязью ботинки. так что ж –
не ехать совсем никуда?
заляпаны грязью ботинки. мне что ж –
не ехать совсем никуда?
зачем ты мне старую песню поёшь,
мол, губят людей поезда?

пускай на коленях дыряв габардин
и твид истончал на локтях.
пускай на коленях дыряв габардин
и твид истончал на локтях.
стенай – не стенай – а уеду один,
без вечных твоих «куд-кудах».

ПОЭЗИЯ

а то, что по лавкам – голодные рты,
так это, не бойся, учту.
три сына и дочка – голодные рты.
не бойся, родная, учту:
получишь почтовым три доллара ты,
как только поймаю мечту.

в ботинках из грязи, дырявый на свет –
из ветхого шёл своего.
чумазый, подпитый, дырявый на свет –
из дома ушёл своего.
три доллара? как же! ни доллара нет,
ни цента с тех пор от него.

Билет

по мотивам

был бы билет, а куда – плевать.
самый дешёвый лишь бы.
ты наскребёшь на билет? (плевать!
плюхнуться в поезд лишь бы).
ну, а куда паровоз помчит,
это мне знать излишне.

жаль, ты была только ночь одну
самой любимой в мире.
что ж, ты была только ночь одну
самой желанной в мире.
как же не хочется, крошка, мне
драпать на все четыре.

навсегда и на все четыре.

Дорога

почти перевод

шёл человек по дороге,
а рядом шёл его мул.
шёл человек по дороге
и в размышленьях тонул:
кто я – погонщик мула
или с рождения мул?

мул ковылял по дороге,
а рядом – погонщик его.
мул размышлял по дороге:
я в здравии или – *того*:
кто же я: мул на дороге
или погонщик его?

и только дорога знала:
идут человек и мул.
но только она не знала,
который из пары – мул.

и солнце светило вяло.
и северный ветер дул.

МИМО

мимо парикма... и чебуречной,
попешая. даже – торопясь.
(все на нём посчитаны увечья,
все с ним по-простому – на вась-вась).

книжка медицинская порхает
дугая, как доводы сторон.
это всё наследственность плохая
(сам себе рассказывает он).

ПОЭЗИЯ

не такой, каким задуман мамой.
(да и где она четвёртый год?)
но зато не пьёт ваще ни грамма,
но зато – влюбился и поёт:

пусть меня не знаешь ты покуда,
о моя голубка белых крыл!
всё равно с тобой навеки буду...

(слов не помнит,
а мотив – забыл).

ПЛЁНКА

так покарябана плёнка,
что не лицо у ребёнка,
а решето.
это не я. или, может,
я. или – нет. или всё же
я. или кто?

нужен ответ? нет, не нужен.
время не тронуло лужу,
таксу, пальто.
только лицо у мальчишки
в дырах каких-то и шишках.

(я или кто?)

ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ

...то есть: от сих до сих.
старший у вас – Косых.

драных не брать мешков.
слышишь меня, Пашков?

не покладая рук.
понял меня, Коржук?

и – без твоих понтов.

ладно, сказал Портнов.

ВОВСЕ

цой, который жив, не умер.
ну, и умерший – воскрес.
двух живых имеем в сумме
вовсе мёртвых цоев без.

вити (каждый в одиночку)
чешут песни по стране.
и несутся им цветочки
на могилу вовсе не.

неподвластная дурману
близнецов седая мама
телевизору вот-вот
вовсе бошку оторвёт.

ПОЭЗИЯ

ЯДВИГА

облетают листья с книги
вечной бабушки ядвиги.
облетают на паркет.
(нет его. в помине нет).

у ядвиги –
только книги.
только – голос. и – душа.
а другого – ни шиша.

нет ни фикуса ни в бочке.
ни ночной и ни сорочки.
ни собачки на замке
и ни пёрышка в руке.
да и рук-то нет у ней.
и коленей.
и бровей.

ПОЭЗИЯ

Ольга Брагина

***

так ли нужно скучать в декорациях сломанной карусели пустых песочниц
заброшенных гаражей нового века дрожащего века
улиц имени неизвестных
тусклый фаянс балерины Второй империи детство в смоле крылья
не шевелятся

смола липнет к пальцам
так ли нужно скучать по началу книги бумажный форзац вскрывая
там где теплится памятное ничто пульсирует связным текстом
здесь должна быть мораль рыба с тушеной морковью кротовий глаз
мезальянсом
с плотью земли пересыпая из пустого в порожнее из холодного в теплое
измельчая

так ли нужно делать опись предметов не увиденных по дороге
слов утративших смысл еще до прочтения
чувств от которых душа темнее и проще
прозрачных предметов лишних предметов в этом пейзаже

***

жизнь как череда непонятых слов расставаний до встречи просроченных
счетов дешевого портвейна
вечных соседских ремонтов холодного солнца весны глубокомысленных
фраз на стенах чужих домов
лучших вечеринок сезона повода зачекиниться рядом
чтобы память обманывала тебя сглаживала неровности асфальта
погрешности восприятия реки смыслов
утренний общественный транспорт простые истории от которых уже
даже не скучно
кто отправил тебя сюда перепроверять бесполезные факты разбивать
любимые чашки
плакать над плодами чужого ума консервировать вишни
в произвольном порядке никто не возвращается отсюда не сбивает
настройки всё что остается

ПОЭЗИЯ

***

элегия

теперь moncher и жизнь совсем не то что мир нам кажется ликом
строкой и лыком и каким-то людям что проходят мимо нас
и Бунюэль всё ищет угол под которым этот глаз
казаться будет лужею простой в любом озерном крае
здесь можно просто жить в десятом кадре умирая
а можно и не жить с успехом тем или другим успехом
привязан к бытию как белый шум к помехам
и всё-то не смешно что ты городишь нам
и дворник смочит ртуть и вынесет весь хлам
диван пружиной вперед корзину и картонку
форель целует тонкий лёд и думает что тонко
теперь moncher и жизнь не лёд не мёд не соль не пепел
никто конечно не придет тебе напильник в хлебе
что камень брошенный в фонтан не поднесет дрожащей
и горький йод для теплых ран не подавали чаще

***

любовь которую необходимо найти одна навсегда и после
прописанная классиками реализма голливудскими фильмами
с одинокими звездами разведенками алкоголичками в главной роли
уже не действует конечно на этом пути встречаются трудности
ну а кому сейчас легко кому сейчас весело без причины
афоризмы великих людей раскавыченные цитаты
любовь которую необходимо найти выращивать как чайный гриб на
подоконнике
никаких эмоциональных перехлестов лишних движений
чтобы не треснуло стекло только питательная среда от всего есть польза
простота в обращении функциональность простота в обращении
ты научишься читать все инструкции потом научишься даже писать нечто
подобное
сопоставлять детали не заметные глазу понимать вместо слов
ничто существует ширится и растет в трехлитровой банке

ПОЭЗИЯ

***

наша земля полна пыли черепков незакрашенных деталей здесь никто
не умрет

читать по слогам "Кошкин дом" выговаривать "к" с трудом
мир труд май красный флажок новые босоножки
камушек в солнце летит закрой глаза понарошку
железный занавес на окне горло в тепле сериал про доброго колли
только прививка жить говорят не намочить кололи
грецкий орех щипцами для тонкого лба и крепкой печали
свежую кровь для конечной юности назначали
красный флажок бант на затылке "перекис водню" ножи и вилки
проходи мимо не ищи место где есть тишина море по локоток
белой акации пепельный оттиск и полезный белок
раз два три выбирай теперь что-то другое
пока закон тяготения не оставит память в покое
камушек в солнце летит скачи за ним на одной ноге и никого там не
оказалось
вот оно плавится капает растопленным молоком на новый сарафан
в вот обертка обещала совсем другое
беги туда разбивай коленки мертвые жуки в коробочках
наша земля полна всем и даже тепло

***

Амалия едет в своем шарабане в Рязань молча пьет валерьяну
ей грустные песни извозчик поёт рифмы путает спьяну
на юге черешня цветет а в столице подледного лова
пустой красноперкой на пресненский лёд перебраться готова
и кровью соленой дышать и внимать повеленьям пророка
плохая жена безответная мать и крючок в сиплом горле жестоко
как маятник снова качнувшийся вспять по разорванной вене
берлинской лазурью под веком смешать бывшей нежности тени
и грустные песни извозчик поёт где пучина могила
какой там по счету уже поворот что когда-то кого-то любила
теперь и не верится даже рука утопает в коричневой сарже
последней заставы печаль далека сердца линия глаже

ПОЭЗИЯ

***

уехать певчим спасть с голоса давать уроки музыки
великой княжне Марье Павловне Бортнянский пишет свои концерты
воротился ли государь из Вероны спрашивает режет вены
коллекционирует упаковки от нембутала
государь не воротился из Вероны здесь только его портрет
жизнь проходит в пустых обещаниях счастья чтении катехизиса игре
в кулички
в повторении пройденных рифм на зубок память прощает после
но никуда он не исчезнет отсюда будет глядеть отечески прямо в душу
хорошо ли ты вел себя читки требуя несерьезной
но сегодня есть только то что и ничто другое
не омрачает дух древних дубрав совесть приказчиков
говорят на нашей памяти не было такого лета обмениваются табаком
никто не воротился обратно не выходил за двери

***

может быть не о чем вспоминать руки волосы голос
карта на которой отмечен парк переход подземный зеленые насаждения
мы вдыхаем разреженный воздух пустых высоток кислый уголь
подземных станций
слова которые некому сказать почему всё заканчивается словами
ничего не значащие подробности каждой любви разбитые коленки
молох зеницы
они приходят сюда ради забвения редукции гласных падения вер
в одиннадцатом
детская горка песочница ржавые реки спрячь в ладони это
копченое стеклышко
смотри внутрь солнца не отвечай на звонки со знакомых номеров
простое счастье прописано нам косые линии бреда проступают
сквозь кожу
которая помнит только чужую

ПОЭЗИЯ

***

на твой др фейсбук советует пожелать тебе всего наилучшего
я никогда не умела поздравлять людей с днем рождения
самого лучшего самого ненужного пустыня ширится сама собой говорили
но сейчас только тепло и простор и высокая пенка
наверное я могла сделать вид что ничего нет существование не обязывает
к словам
не развязывает язык не скрадывает коммуникативные навыки ничего
простые вещи это сложные вещи это снова простые на твой др
фейсбук советует перебирать камушки под небом каменную корку
бородинского крошить голуби
верят что да клюют асфальт вместо друг друга

***

замерзшие оранжады "Титаника" кольца с надписями по кругу
о вечной любви
морепродукты щекочут твои лодыжки холод простых чисел после запятой
нет ничего пишущая машинка в багаже кофры прогулки
так они простынут в багажном отделении простыни скошенные лавандой
сухими пайками города где все мертвы но тело хочет
праздновать Рождество
распинать белый мел открыток адрес расплывается на твоей руке
номер дома
дом превратился в леденец превратности исторического процесса
я не помню где я живу где дети с зеркалами солнечные зайчики
простые пространства
и на последней ноте земля исчезает словно ее никогда не было под ногами
не сносила три пары туфель три пары шнурочков шелковых ровных петель
пока пришла сюда
в сердцевине цветка находится цветок в сердцевине

Андрей Костинский

Ко(R)фе

Твои нежные пальцы
держали иглу
и зашивали мешочек
с моим сердцем.

Ты цепляла
этот мешочек на солнце
и, когда высыхало сердце,
молола.

Я будил тебя поутру
запахом молотого сердца,
подавая напиток (ко(r)фе)
в постель.

Ты целовала меня в лоб,
пила кипяток,
отворачивалась
и спала дальше.

К тому времени,
когда порошка
оставалось на одну заварку,
в моей груди
отрастало новое сердце.

И всё повторялось снова.

И всё повторялось снова.

И всё повторялось снова.

И всё повторялось снова.

Но однажды я спрятал мешочек,
и тебе стало грустно.

Ты взяла меня в руки
и долго трясла,
но сердце в груди
не успело ссохнуть
до тарахтящей горошины.

ПОЭЗИЯ

И тогда...
Тогда ты заплакала!
Я же подставил мешочек,
через него процедил
дюжину слёз
в твою любимую чашку,
протянул солнцу –
слёзы твои испарились,
оставив кристаллик соли,
через который теперь
ты меня и рассматриваешь.

Ерь

Избный сор выметен в вметель.
Месячный нос перебит на нон(.
Разбежалобно воет, известно кто – зверь.
Не жди хорошего ни оттмы, ни от бонз.
Зая... заечка... за й чишь!..
Секундарово распрощался с меняющей цвет...
Спас царь-батюшку!.. дороже персидской парчи!.,
о которой ц.-б. тот не свед.
– Человек... ты кто?.. тыкнул бы тебя не тут...
Попугая видел-видал я во Франции...
А ты дворянин?.. В снеге проклятья растут
в зависимости от самосознания нации...
я тебе пожалую... напomini о себе...
захочешь – моего коня, вражью дочку или отчество на Ем...
Я ещё полежу... шибко север вошёл в хребет...
Я... царские щёки... ещё успею... наем...
— — —

Вся Великая Доль, Стынь и Непробудная Ерь,
одинокость мира расширяя рождением Эха,
согревалась тулупом в зарождавшую мир метель,
среди которой увидел я Человека.

ПОЭЗИЯ

***

И дантову, и львиную минуя –
что половину? – лучшую из них! –
я в лес входил, где кипарис и туя
сжимают на тридцатый шаг огни.
В горящую смолу луны макая
палицу-посох, вовсе не боюсь
ни опалиться, ни задверья рая,
ни за незавершенную жизнь мою.
Я в жизнь входил, не зная, что границы
не созданы ну разве что для сна.
Разведывая, словно карты, лица –
своё искал, стирая имена.
И вот сейчас, когда уже не надо,
прогрело солнце до самих костей,
чувствительных на говоренье «Радость»... –
я стал одною из не мы X теней.

ШОВ

(Касабланка)

Этот шов расходится десятки раз.
Кровит.
Сладко болит.
До смеха.
Касается раны бывший раб.
– Глубже копни, неумеха!

Я прижигал рану углём,
вынутым из горячей рукописи.
Чёрный свет в меня проникал угрём,
разравнивался до листа,
сворачивался,
будто тубусом
я был ему.

ПОЭЗИЯ

На чёрном листе этом
чёрным маркером
были помечены схроны радости.
И как иксканнерно ни рассматривать,
не найти ни один о них в этом аде стих.

Из-подо шва – шина тишины.
Ти-ши-на.
Подо швом подошвы
подошлый хлеб из хляби.
Когда-льбо из сулеи выпьется мера вина
та, которая была водой, или была бы.

Посолони вспять.
Солнце, зазря помование гасла, меркло.
Порато, порно держа меч,
заполдня западню запада упредил.
Смотря "Касабланку",
слушая Шнитке,
читая Беркли,
вижу отверзное сердце,
прошитое ЕЮ, в груди.

В БОЛЬНИЦЕ

В этой бóльнице хирурги уволены=оволены.
В операционной разбиты лампы и кафель.
Все пробирки кровью моей заполнены.
Ждёт тебя, доктор Каин, твой брат. А ведь
ты тоже был когда-то его пациентом.
Он пичкал тебя от простуды помётом пичужным.
И смеялся при этом. И плакал при этом. При этом
теле. Душу дорацивал в кунсткамерной колбе. Простужно
не говорил. Зачем озвучивать холод? И верил,
что если вдруг в бóльнице всё поменяется,
брат разобьёт свою колбу, лишь бы спасти его первым –
задолго до деления мира на пятницы...

ВТОРОЙ

Не знаю, кто поселился вчера во мне.
Лишь помню – прошлой прозяблой ночью,
из тела вышед, я долго бродил при луне,
себя по звёздам рассредоточив.

А когда вернулся в себя, оказался внутри не один.
Тот, Второй, не представился. Он только раздвинул рёбра,
расширил вены и приказал: “Породи
меня спасающий протообраз”.

Боясь, что не справлюсь с непрошенным гостем, раскрыл
небу и недрам запаянную капсулу боли
пребывания здесь, среди чаек и крыс...
Я из жизни себя уволил.

Прилипал белый пух, опускающийся с тополей,
к запечённым, как яблоки, шепчущим что-то губам.
Прожигали глаза электродные сварки лучей.
Ангел – только какой? – вытирал кровь крылами со лба.

Кто-то пел и на чём-то старинном играл.
Кто-то под ноги воду живую парным молоком подливал.
Тот, Второй, кто во мне поселился вчера, ликовал.

И я знал – уже знал – кто из двух ожил утром воскресным,
кто остался во мне, кто погиб и кому были песни.

***

В зеркало смотрю – себя перевёрнутого вижу я,
будто оно ложкой зачерпнуло меня и предлагает мне же.
К ногам – голове ли – ластится кошка рыжая.
Но у головы – ног ли – пламя свечи саван ночной режет.

Протягиваю руку ладонью вверх навстречу,
но тот, кто в зеркале, кладёт на неё свою ладонь.
Я говорю ему что-то. Обратно – обратные речи.
Я молиться боюсь. Но больше – если будет молиться он.

Вадим Балабан

7

* * *

1.

орлы над полем делают курлы
а в профиль всё из греческого теста:
до середины было интересно
потом ещё сильнее. сяду в кресло
осеннее из дарственной золы.

2.

не занимая ангельских речей
с бумагой перемешанных случайно
я вынимаю души из печей
снимаю насты снежные с плечей.
не легче но теплей необычайно.

3.

когда бы знать какая светотень
достанет кольт из долгого кармана
я вовремя бы выскочил с экрана
во время криминальных новостей
из головы Вадима Балабана.

4.

но жизнь порежут кадрами. из линз
плывут глаза водой на процедуры.
сейчас над полем бройлерные куры.
я вкалывал – чтоб от температуры
или на хлеб. но кадры порвались.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

нафильтрую воды – окажется яблочный спас.
дорогие мои москвичи
куличи бы у вас не прошли по союзу.
я готов вычитать – уж довольно воды
но меня до сих пор не нашли.

потайные труды. трезвятся в наколках глаза.
перспектива закона – ключи.
намолчи и прощай ковылять на дорогу.
но заточка звонка и засохли бинты
и спину не могут никак расстрелять.

а ни первый ли класс: замешкалась осень в мешке
полтора миллиона травы –
татарвы золотой ксерокопии – это свобода
и из сцепки ушей и из вытяжки глаз
а из клетки реветь на подкоп.

захлебнись выводи коня на степную доску
(ответственный принцип везде –
в борозде) продолжай откупоривать вены
только помни: в подземной земле крокодил
неизбежно возляжет с тобой.

до обратных зеркал заимка с проточной струной
...не бывает вещей вообще
...на плаще у пилота следы и расплата.
только кто бы извне впопыхах помыкал
натвердив в голове лебеды.

всё прошло и настало нет ничего в рукаве
ни руки ни копья ни хера.
(...с топора наварить – без наваря противно).
и когда отмотается слов береста
поджигать чтоб отсохли слова.

вот и всё. мы упали в эту сырую москву
(половина стакана тому)
в колыму на урале хрипя в нечистотах
зажимая безрукостью правой карпа
ну а левой гребя от себя.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

память – странная шутка
должно тебя помять.
жутко во тьме кровати.
платья снимая сложно
ты начинаешь врать.

так пророняя слово
ночь говорит в чердак
словно скрестив ресницы
птицы спешат помочь
стиснув прореху рта.

где на седьмом колене
сломан уклад – одни
тени рыдают вниз
из полевой соломы
вырезанной родни.

* * *

играли на баяне
порвали фортепьяно

из каждого угла
шуршат анчутки
из каждого угла
каждого гостя
и будто Гоголь
подмигнул из каждого

а те курносые
порвали фортепьяно
думали баян
а это фортепьян

повалили фикусы
засидели кактусы
ах вы мухи
разъе~~ти~~ иху мать.

ПОЭЗИЯ

---

* * *

рыбки вверх. подношение к столу.
вялотекущих вид безупречен.
аверху или в снегу
много смеющихся женщин.

половина восьмого хлеба
тарелки испаряющихся супов.
между треками рыбки вверх
поплавками. всё готово!

или молниеносно в июле
или поезд параллельно для
но всегда выполнены кастрюли
и скорости необходимые всегда.

а что до связи – так рыбки вверх
птички тают в бликах-облатках.
и обнажает душевный снег
под солнцем нищих в палатках...

* * *

семь смертей – и где же это
выставить в уме
или хочет/ся злодей
раз из пистолета

или осень ровно станет
в лунку из-под суши
всё равно узбек закосит
глазками устанет

и на долгую линейку
попадут ресницы
как на книжную наколку
длинную копейку

—

середина половины
сдерживает пальцы
промычит в потьме скотина
с сеном кокаина.

ВИДЕОПОЭЗИЯ

чёрно-белый мужик в очках
открывает дверь
идёт кормить
чёрно-белую собаку

собака вяло помахивая хвостом
чавкает чёрно-белую пищу

мужик в очках
затаскивает дрова в чёрно-белый дом
растопив чёрно-белую печку
курит

уже раздетый мужик в очках
снимает чёрно-белые очки
ложится спать
и складывает чёрно-белые руки
как покойник

со стороны чёрно-белых ног
повалил чёрно-белый дым

всё в дыму
мужик помер
дальше ничего не понятно.

ПРОЗА

Сергей Брель

Пеликан в пустыне

Когда тебе семнадцать, кто бы тебе рассказал, как всё будет на самом деле!

Хотя бы в ближайшие годочков пять-шесть – на большее прикидывать не стоит. Там, может, третья мировая война разразится или что-нибудь еще в этом духе. Но теперь, когда у меня есть моя дочурка, а скоро ещё прибавление, я надеюсь, до таких ужасов не дойдёт.

Нам ведь с Рубеном очень славно живётся. Конечно, не буду идеализировать нашу семейную жизнь. Иногда мы с Гаяне на него орём, а он орёт на нас – своих ненаглядных женушку и доченьку. Но это ж не всегда. Главное, что теперь о том, *другом*, я практически и думать забыла.

О том – это, получается, о герике.

*

В семнадцать лет я была просто хорошей девочкой. Даже почти не бухала. Мы с ДЗЧ – прошу любить и жаловать: моя подруга Машка, или «Дремуче-Заблудший-Человек», иногда позволяли себе разве что пропустить бутылочку-другую лакинского пивка. Да и то, с тех пор как Машка повадилась к Братьям во Христе и стала Дремуче-Заблудшей, она в этом отношении оказалась мне больше не товарищ. Не знаю, что Машка в своих Братьях нашла? – ну, белые рубашечки, ну, галстучки наутюжены, ну, родом – из Ю-ЭС-ЭЙ... Не такой уж дремуче-заблудший наш городок, чтобы морочить здесь нам всем голову своим Христом. У нас, между прочим, есть собственное офигенное Православие. Уж не стану распространяться, как какой-нибудь последний экскурсовод, о храме Покрова и разных распрекрасных соборах, которые сам Андрей Рублёв расписывал.

В десять лет я, например, самолично нарисовала Успенский храм. Рисунок долго висел над кроватью. Купола, кресты, облачка на небе, всё как в природе. Потом кому-то подарила. В детстве вообще любила я читать, рисовать, играть на скрипке. Помню, как мы с отчимом ездили в соседний Суздаль и выступали там в церкви, в смысле – переделанной в концертный зал. В Советском Союзе так ведь многие храмы переделывали.

ПРОЗА

Отчим у меня, между прочим, спец! Профессор по ботанике, книжки пишет, музицирует. Студентки его любят. И даже очень... Он со мной много возился, а ведь у них с мамой есть собственный сын. Это я теперь хорошо осознаю – что значит «свой»...

Так вот, в десять лет я была девочка что надо, в четырнадцать стала ещё лучше. Носила хиповские фенечки, зубрила англиш... Влюблялась, понятно. Мой суженый был очень скромный. Мы ходили в походы на Нерль в компании, загорали, ныряли, в общем, всячески глумились. Он и поцеловать-то меня не всякий раз решался.

*

Наверное, всё началось с того, что я разуверилась. То есть, потеряла веру в Бога. Это случилось как раз в одиннадцатом классе. Пошла я перед алгеброй в Успенский попросить «четвёрку». Молилась, всё честь по чести. И что же? – Трояк!

Спрашивается: где же он, Бог?

Потом пошли другие экзамены, выпускной вечер, вступительные в институт. Всё как-то закрутилось, мы стали прилично бухать, курить. До этого я вообще не пыхтела – вы не подумайте! Пару раз только попробовала травку. Так, – показалось, – ничего особенного! Всё шло путём у Сокола.

А SoKol это и есть я – Соня Колобова с улицы Соколова-Соколёнка. Забавное совпадение, правда? Люблю я разные совпадения и знаки.

Помню, как сейчас один из них, весьма зловещий. В мае, на Последнем звонке.

Если ехать по Загородному шоссе, то за Клязьмой у нас имеются отличные пруды. Один побольше, а другой – поменьше. Приезжайте, сами убедитесь, что не вру!

Так вот двадцать пятого числа все одиннадцатые классы аккуратно ломанулись туда.

Дело в том, что у большого пруда больше разной растительности, ну, в смысле интима для молодёжи. Там все места быстро забили. И наш класс

ПРОЗА

притулился у меньшего прудика. Он очень мелкий, обычно в нем даже невозможно искупаться. С другой стороны, мы ж пришли бухать, а не к заплыву готовиться. Но те, что на большом водоёме, видно, решили совместить. И одна чикса, видать, не рассчитала сил.

Её выловили через два дня только, в платье этом школьном, и с колокольчиком на груди – все ж на последний звонок цепляют на грудь колокольчики.

Я даже всплакнула, узнав про ту чиксу. Вот как судьба-то распорядилась! Ну что ж, чиксу ту не вернёшь, а жить надо. Когда в июле мы с ДЗЧ сдали вступительные, то взяли лакинского – не для разгону, а так, на всякий пожарный, – и кисли на городском валу у Старых Ворот, болтая ногами.

И вдруг на наши ножки клюнули два пацана. Таких даже не пацана, а нормальных дяденьки. Я чуть завидела их и говорю: «Машка, хочешь угощу?» Она сперва вроде даже забыла о своих Братьях и повелась. То ли на дяденек, то ли на выпивку.

Дяденьки представились филологами из Москвы и быстро приобрели шампанское в киоске напротив Ворот. Распили мы его из пластиковых стаканчиков, заели московской шоколадкой. Ребята эти стали зазывать нас вместе прогуляться. Но Машка высосала шампанское и зашипела: «Кого ты слушаешь, какие они филологи, эти фраеры? Давай быстрее сваливать...». Видимо, алкоголь мою подругу заинтересовал, а не возможность приключения. Я тогда отпустила её на все четыре стороны и пошла с Веней и Вадиком бухать коньяк «Белый аист». Веня и Вадик звали «фраеров», как их Машка окрестила.

Над Дмитровским собором сгущались сумерки. Ребята делились со мной соображениями по поводу древнерусской архитектуры, Рублёва, и даже романа «Преступление и наказание». Я ещё говорю им: «Я тоже бы могла... убить, как Раскольников». А они мне: «Иди, убивай, дурилка! Кого ты зарубить собралась?» Но так любовно, не в обиду...

Хотели мы уже было направиться к ним в гостиницу, в смысле продолжить бухать, но меня туда не пустила суровая женщина администратор, ещё, видать, советских нравов. И тогда ребята из солидарности предложили мне всю ночь кататься на их «Жигулях», хотя им, кажется, уже не очень-то и хотелось. Эх, девяносто четвертый год... Шампанское и «Жигули», вот что могло искусить практически невинную провинциальную чиксу!

И знаете, Вадик меня развёл. Все впаривал, какие у меня ясные глазки и т.п. Ещё ему очень понравилось моё прозвище – SoKol. Но самое интересное, что, когда он меня развёл, он ничего такого со мной не сделал, хотя другу-Вене пришлось час гулять вокруг тачки, наблюдая за рыбаками на речке Содышке. Не то что бы Вадик оказался чересчур скромным – просто не захотел мне пор-

ПРОЗА

тить биографию. Поэтому поцелуями-обжиманиями дело и началось, и закончилось.

А утром они меня подвезли до девятого квартала и говорят напоследок: «Соколёнок, хорошая ты девчонка, не будь только такой дурилкой! И приезжай в Москву в гости».

Знаете, мне это стало не сразу понятно, что Вадик действительно благородно поступил, не захотел мне жизнь ломать. Напротив, после той ночи я стала подумывать, что из меня растёт никудышная женщина: бухать со мной коньяк и говорить о классиках – пожалуйста, а дальше – извините...

Тогда и стала я покуривать. Это весело: попыхтел и катаешься по главной улице на тралике.

*

Потом появился Гоша, и закрутилась любовь. Насчёт себя, как женщины, я уже не переживала. Гоша работал, я зубрила в институте, хотели через год пожениться.

Но тут меня дёрнуло связаться с бандитом. Симпатичный такой. Женат, двое бэби. Подошёл на дискотеке и говорит: «Ну что ты выламываешься почём зря? Поедем ко мне, потолкуем!». Поедем – так поедем. Бандиты, между прочим, умеют вести беседы не хуже, чем филологи. Рассказал он мне тогда всё. Законная чикса перестала его трогать, при всей её красоте. Не говоря о том, что она совсем не умела слушать. А со мной он менялся. Не поверите – даже признался, что тоже три года на скрипке играл.

Плохо только, что я залетела от него. Пришлось мне всё рассказать маме и сделать аборт. А потом и Гоша всё узнал. Самое интересное, он меня простил. Даже не врезал. Вот если бы он мне изменил – я бы уж не стерпела, поверьте!

Всё бы ничего, да как-то захожу я к Машке-ДЗЧ домой, а у неё развешаны картинки made in Братя. Там такой младенец, смотрит вроде как из-за стекла, лицо размыто, и ладошку к стеклу прижал. И написано: мол, я вас люблю, папа с мамой, хоть вы меня и убили.

Совсем не классно я себя в тот момент ощутила.

Шла от Машки по направлению к Старым Воротам, потерянная такая. Смотрю – церковь Александра Невского – я же сказала в начале, что в нашем городишке целая пропасть этих церквей? Был жаркий апрель, близко к Пасхе, и много народу теснилось в храме, начиная от самых дверей. Когда я вошла, меня прямо прижали к одной иконе – похуже той картинке на стене у ДЗЧ. Там и мать заблудшую изобразили, и хирурга с пачкой денег в кармане халата (а ведь это так и было, на счёт денег), и младенца, которого он пронзал словно бы копьём.

ПРОЗА

Мне было душно и страшно, бабули толкали меня в спину, а с улицы жарило апрельское солнце. Я вырвалась из этой преисподней и дёрнула к одному приятелю в районе Загородного.

«Есть у тебя, – говорю, – трава?» А он мне отвечает: «Давай кончать с травой, Сокол. Мне покруче зелье подкинули. Баян имеешь? Ну если нет, не страшно, у меня найдутся не использованные».

*

Как домой доползла – не отложилось совершенно. Помню только, пришёл Гоша, бухой, и что-то мне долго впаривал. А я ему шепчу: «Гош, иди домой. И перестань бухать. Ведь ты же знаешь, что твой отец спился. Ты тоже хочешь сидеть с сорока лет на инвалидности, как он?» Гоша обиделся, хлопнул дверью, но не врубился, что я вмазанная. А на следующий день мы поехали с ним гулять на Нерль, к храму Покрова, и решили: надо нам зачать своего младенца. Был лёгкий денёчек, в Покровах – двери настежь, какая-то тётечка пела благодушным голосом. По Нерлю бежали слабенькие волны.

Я присела на корточки и бросила камушек в воду – на счастье.

*

В августе ДЗЧ, обработанная американской пропагандой, свалила на Украину. Там ждали её новые прекрасные Братья.

В сентябре я перешла на второй курс, а в октябре заболела желтухой. Пришлось сделать второй аборт, теперь уж совсем поневоле.

В ноябре мы с Гошей разошлись. Как-то мне с ним стало невыносимо. К тому же он всё время бухал. А потом я узнала от одной чиксы, что и бандита моего убили – кажется, в Лакинске. В ту пору ведь часто убивали людей. И никто этому особенно не удивлялся.

*

Это жалко, что я начала с герика. После него тяжело спускаться на чернягу. Весело, конечно, ездить в Суздаль, собирать мак, бегать от ментов. Сидеть потом на даче, бережно намазывать ножиком чек на дно эмалированной кружки, смотреть на голубое пламя горелки... Правильно написал французский лётчик Антуан Сент-Экзюпери: обряды – вещь полезная.

Однажды, когда я уже перевелась из института в медучилище, мы вот так коротали осенний вечерок, мешая чернягу с молоком. И вдруг я подумала, глядя сквозь убогое оконце веранды на розовый серп месяца: «А ведь мне их не вернуть!» И стала даже не реветь, а просто выть. Как волки воют. Так что пришлось вмазаться, так сказать, досрочно.

ПРОЗА

Если вы не сидели плотно годочка этак два, если не ездили в три ночи к барыге, не кидали оленя на обратном пути, не брали у соседей в долг, не вмазывались одним баяном на троих, точно зная, что у одного из вас гепатит-с, – на вряд ли мы с вами найдём взаимопонимание.

Если вы никогда не прокалывали серёжки, подаренные на шестнадцатилетие, не тащили барыге магнитофон младшего брата и не сливали за пакетик черняги зарплату матери-лаборантки, – шли бы вы лучше спать. Потому что все равно вряд ли зацените, как страдало Дитя Человеческое по имени Соня Колобова.

Моя мама, очень добрая женщина, когда я видела, как она несла в своей поликлинике мензурки с кровью, мне казалось, что вот так ангелы носят наши души после всех дел... Так вот, мама мне сказала: «Хочешь, доченька, колоться – колись. Только я к тебе на кладбище ходить не буду. Мне надо ещё сына поднимать. А от этих хождений не выдержит сердце».

Она так сказала, когда я уже два раза начинала заново после больнички на Содышке.

*

Опер Пётр Степанович был замечательный мужик. С серыми пронзительными глазами. Никогда не улыбался. На мне тогда уже было несколько краж. Вызвал он меня и говорит: «Ты хорошая девушка и зря бросила училище. Если так дальше пойдёт, тебе не вырваться. Будешь работать на меня лично. Я тебя не обижу, у меня самого дочь твоего возраста».

Конечно, почти все наркоманы – осведомители. Где же им брать чеки, когда в долг уже не выпросишь? Опер был действительно добрый, давал всегда вперёд. Наверное, вправду думал: «Вот начнёт моя Олечка вмазываться, а я буду уже не у дел. И кто ей тогда поможет?» Иногда, когда его семейство сваливало, мы ехали к нему и долго занимались сексом. Хотя какое *долго* может быть у наркоманки?

Однажды Пётр Степанович поручил мне вести одну барыгу, молдаванку. Она была знаменита тем, что ни разу её не могли взять с поличным. У барыг ведь как берут товар. Ты приходишь к ней с рекомендацией. Она тебе назначает день. В этот день ты с финансами заявляешься на квартиру. Ждёшь в прихожей, а барыга исчезает в комнатах. И где там у неё чек спрятан – бог его знает. Я как-то к этой молдаванке припёрлась, и в подъезде сталкиваюсь с одним пижоном в брюках из свиной кожи. Чувствую – он *к ней* наведывался. Батюшки, а красавец-то на «Мазде» прикатил. «Не прокатиться ли нам в столицу? – спрашивает он меня. – У меня там славные друзья».

ПРОЗА

В Златоглавой поправились прямо в «Crazy Durk». И пошло-поехало... В Павлика я втюрилась здорово, ничего не скажешь. Я же его и заразила гепатитом. Он, впрочем, заслужил. Изменял мне. Да и не любил. Зато у его предков водились деньжата.

Когда ты глухим декабрьским вечером с продрогшей напарницей срываешь шубки с хрупких девочек где-нибудь подальше от Соборной, а девочки ещё тебя норвят тяпнуть тебя со всей дури за палец, согласишься спать и с чёртом, не то что с мальчиком-мажором. Да и на оперском спецпайке сидеть – тоже не фонтан.

А с девочками этими получалось ох как не гладко! Вот раз, ранней весной, позарез мне надо было вмазаться. И выследила я добычу, аки алчная волчица. Так она, добыча моя, завизжала, вывернулась у меня из рук, да грохнулась об лёд со всего маху. А потом приподнялась чуть-чуть, села в сугроб и сидит, не двигается, ноги только расставила.

Смотрю – у неё живот. Месяц шестой – не меньше. «Ну всё, – думаю, – вот, Соня, доигралась, на тебе уже третий невинно убиенный младенец!» И какая-то сила понесла меня – не прочь от чиксы, а к ней – помочь подняться. Я уже и руку протянула, и до людного места проводить хотела, – слава Богу, напарница меня прочь уволокла силой.

Нет, с повинной я к ментам не собиралась, но это ж не Москва: даже если чикса промолчит, прохожие запомнят и мигом вычислят.

*

Павлик, будь он не ладен, любил вмазанный рассекать на своей «Мазде» по встречной. Боковое зеркало у него почти всегда отсутствовало – сбивали летящие на встречу тачки, новое он даже не ставил.

Паша влипал пару раз, но родители его спасали. Приехали мы с ним как-то in Moscow. “Дай-ка, – думаю, – заглянем к моим филологам”. Те жили в одном районе и даже в соседних домах. К одному постучалась, мигом второй прилетел. Когда я их рассмотрела – сразу вспомнила юность: экзамен, Старые Ворота, шампанское. Веня и Вадик очень обрадовались мне и говорят: “Мы тоже тебя часто вспоминаем. Ну, что, Сокол, убила ты человека?” Я отвечаю: «Убила, вот вам крест. Два аборта сделала. Об остальном умолчу».

А они мне знаете что? Не горюй – мы-то, выходит, тогда вообще серийные убийцы... Из-за нас уж столько девчонок намаялось, а значит и на нас их грех падает.

Душевно мы тогда пообщались. Но они всё с шампанским и коньяком, по старинке. А меня этими напитками уже было не воодушевить. И всё ж таки было что вспомнить старым боевым товарищам...

*

Однажды я стояла у себя на Соколова-Соколёнка в туалете и, вмазавшись, нюхала “Момент”, натянув на голову целофановый пакет. Мама тогда взяла подработку, чтобы отдавать мои долги.

Приходит она домой, а я сижу в туалете с этим пакетом. “Всё, – говорит, – иди, дочка, лучше в тюрьму. Так всем будет легче”. Мне тогда стало так не по себе. Я ей и отвечаю: “Раз ты такие речи заводишь, я братика Никиту тоже на иглу посажу: коли я тебе чужая, оставайся одна!” Лицо у мамы сначала перекосило вроде как от гнева, но она тут же повернулась ко мне спиной и пошла в свою комнату.

Я очень удивилась, когда она меня разбудила утром и спокойно говорит: “К тебе гости из Москвы!” Это был Вадик. Соскучился по нашему городу. И недавняя встреча его, видать, затронула. Приехал на пару дней. “Как я рад тебя видеть! Сейчас возьмём водки”. “Ты что, – говорю, – какая мне водка, с меня вчерашнего “Момент” хватит!” “Ну ладно, я выпью, а ты на меня посмотришь”. Сидим мы на кухне, и он признаётся: “Вот мы говорили давеча... грех, грех. А ведь надо было мне с тобой тогда... порешительнее... Может, ты бы и наркоманкой не стала!” “Да нет! Наоборот: трахнуть меня тогда любой бы мог, а вот поговорить...”. «Да нужны тебе были мои разговоры! Десять раз ты их в гробу видела». “И то верно”. “Слушай: чего мы тут сидим, пошли гулять к соборам – помнишь, как мы там хорошо втроём коньяк пили? У тебя ещё каблук подвернулся, и ты головой в дерево врезалась?” “Ещё бы! Я там, наверное, последние мозги и оставила”.

Ударили заморозки. Успенский стоял белый с высоченной колокольной и будто плыл среди низких вечерних облаков. Я вспомнила, что однажды в детстве мне рассказывали, что, если наш собор обойти три раза, будешь счастлив. Вадику идея понравилась.

Всенощная подходила к концу, и отголоски пения звучали из самой сердцевины храма. “Так и во мне, – подумала я, – кончается моя литургия. Сейчас бы релашек побольше и...”. Не успели мы закончить первый круг, как нам навстречу шасть огромная псина. Собак я особо не боюсь, но эта просто диким лаем зашласть. Вадик весь сжался и говорит: “Я их с детства не перевариваю”. “Она нас сама сейчас переварит”, – шепчу.

Но идти-то надо. На втором круге тварь эта нас поджидала почти у самого входа в трапезную.

Совсем стемнело, и только прожектор выхватывал кусок стены с аркатурой, да за нашими спинами гудели тралики, минуя Дом Офицеров. Когда пёс залился и завыл у самых наших – как мне казалось – лиц, я зажмурила глаза и представила свой детский рисунок: Успенский днём, небо, облака легче ваты.

ПРОЗА

Чёрный дьявол вроде бы отстал. Но когда мы попытались сделать последний круг, он решил костями лечь у нас на пути. Не поверите, но как только мы останавливались, он скрывался во тьме. Делали шаг, второй, – почти бесшумной стрелой летел наперерез и изливал на нас всю адову ярость. Однако, странное дело, – сейчас только я об этом подумала, – он же нас так и не покусал (а мог вообще разорвать в клочки!), наоборот – всё время отбегал прочь. Словно одного хотел: не дать нам пройти тот путь и стать счастливыми.

Так мы и добились третий круг. Белый Вадик повернулся ко мне и говорит: “Спасибо тебе, Сокол! Теперь-то я уж точно буду счастлив. Только знаешь, чего-то я в Москву захотел. А навещать я вас теперь обязательно буду!”

*

Опять приближалась весна. Моего опера перевели на другую должность. Он вызвал меня напоследок и сказал: “Без толку тебя спасать. Дело на тебе висит, рано или поздно ты сядешь. А, по-хорошему, тебя бы пристрелить. Всем бы стало легче”.

Павлик спал теперь с одной моей подружкой, давешней ещё стукачкой, и наградил её моим же гепатитом. С мамой мы почти не разговаривали: обещание относительно брата она мне простить не могла.

Частенько я сидела дома и пережидала ломки – одинокая, как птица на крыше – так ведь сказано в Книге Книг? Погодите, там ещё круче: как пеликан в пустыне. Не бойкий Сокол, а неуклюжий пеликашка.

Воображалось мне, что именно я должна была утонуть в том мае в глубоком пруду. И на моей груди дрожать золотой колокольчик. Иногда вспоминала и чёрного пса, но почему-то было совсем не страшно, а даже приятно. Наоборот, чем больше я об этом думала, тем меньше тянуло наглотаться релашки.

*

Денег мне, конечно, никто и никаких не доверял. Морожку, и то не на что было купить. Мама устроила меня к себе в поликлинику, но зарплату забирала. “Мне твои долги до конца жизни отдавать”.

Каждый Божий день я ехала на работу в тралике и вспоминала всех своих мужиков, начиная с третьего класса и походов на Нерль. Временами же мне представлялись то чёрный пеликан, то огромные красные соколы.

Однажды какой-то хачик мне говорит довольно складно: “Вы выходите? Если да, позвольте вас проводить!”

ПРОЗА

Так и стал Рубен за мной настойчиво ухаживать, а потом сделал предложение. Он – не бандит и не наркоман, просто зубной врач из Еревана. Всем кланом осели в России. Сейчас-то он стоматологию не практикует, просто на рынке торгует, но что поделаешь, такое нынче время! Хотя от моей красоты семнадцати лет много поубавилось, он всё смотрел и смотрел на меня. “Очень хочу от тебя детей... Мальчика – в первую очередь!”

Мальчик у нас с первого раза не получился. Но армяне – народ серьёзный, пока не увидят наследника, не успокоятся.

Что вам ещё сказать? Опер меня не забыл-таки, делу хода не дали. Как-то узнала, что самой первой моей любви школьной, Гоше то бишь, грозит год – “условно” – за драку. Мелковато, правда? Говорят, Гоша всё ещё не может меня простить. Тем не менее, женился. И кого-то родил.

А Павлуша-мажор, сладенький мой мальчик, вздумал тут ко мне заявиться вмазанный. Попал на маму – не повезло ему. Так что теперь тишь да гладь. Готовлю хаш, воспитываю Гаяне. Говорят, я хорошая мать.

Недавно звонил из Москвы Вадик, всё у него новые филологические истории. Рассказал легенду о самке пеликана, которая от себя отрывает кусок мяса и даёт детёнышу. Чтобы, значит, любой ценой его выходить. Думаю, я именно такая. Вообще, ребят, рожайте побольше! Это так классно! Я, вот, к примеру, хочу еще двух девочек. Назову их Шушаник и Аревик – это, выходит, Лилия и Солнышко.

А ещё я мечтаю... Да, больше всего на свете желаю встретить ту девочку, ну, ту чиксу беременную – помните, которая упала на льду? Зачем встретить? Ну, чтобы убедиться, что она благополучно родила.

Ведь Бог же существует, верно?

2002 – 2017

Примечания:

Барыга – продавец наркотиков

Баян – шприц

Герик – героин, “тяжёлый” наркотик

Морожка – мороженое

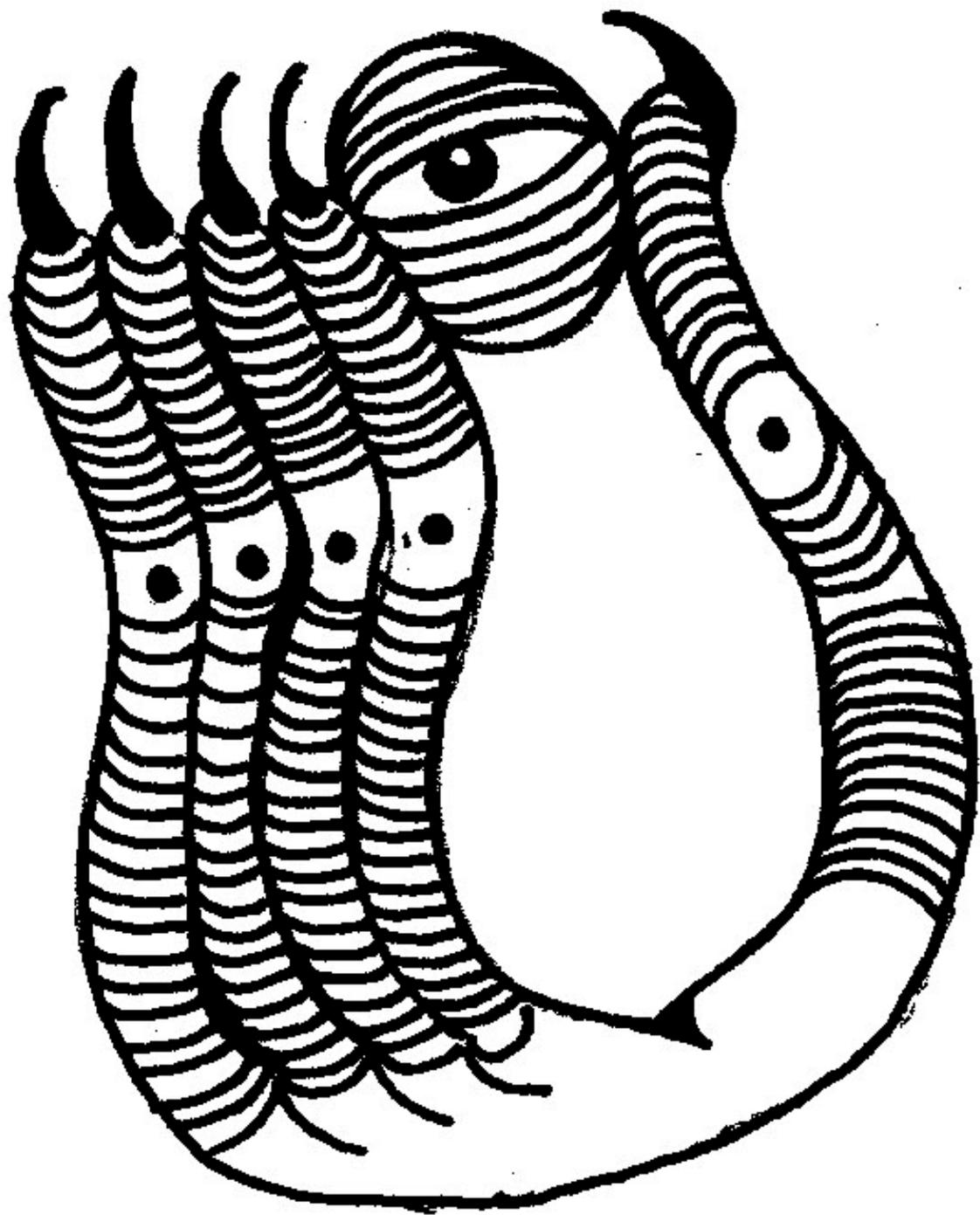
Олень – таксист

Релашка – реланиум

Чек – порция наркотика

Черняга – “тяжёлый” наркотик, продукт кустарной переработки плодов мака

Чикса – девушка

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом

Эдуард Учаров

С поэтом Эдуардом Учаровым я заочно познакомился в 2008 году, когда начал читать его фэйсбук. В реальности встреча произошла в 2010 году в Тольятти. Оказалось, что он родился в моем городе, но всю сознательную жизнь живет в Казани. Мы разговорились с поэтом о делах наших творческих и культуртрегерских. Вот эта беседа.

Сергей Сумин

– Эд, приветствую, первый вопрос – традиционный. Как у тебя все это началось: стихи, проза, публикации?

– Приветствую, Сергей!

В детском возрасте мы ползали с ребятами по казанским крышам. Зимой кидались в прохожих снежками, летом – капитошками.

Однажды вечерней весной, будучи на крыше в одиночестве и наблюдая мутные проблески звёзд, высотные сугробы, трещину на стене, хорошо помню, что подумал: нужно обязательно запомнить этот миг навсегда. Как факт существования себя. Как первое ощущение давящего бытия. Как первую попытку выразить своё мироощущение.

Потом подтаявший снежок поехал с горбунка крыши вниз, и я вместе с ним шлёпнулся на уличный лёд со второго с половиной этажа.

Так вот, думаю, что начиналось всё именно тогда: когда я любовался трещиной на стене – это и было моё первое стихотворение, а когда навернулся с крыши – это уже первая проза...

Потом было много крыш и много земли.

Что-то писал в школе, когда жил в Кировской области. Но там голоса всех вместе взятых соломенных чердаков и подвалов-«качалок» подавляет великая вода – Вятка. Стремительная сила, в которую я шлёпнулся увесистой корягой и начал спускаться к ракушкам. Но Вятка меня вытянула наверх и понесла на себе, как дикий верблюд. До сих пор мельтешат горбы берегов. До сих пор она меня несёт и питает. Представляешь: ты в ошеломительно быстрой воде. Есть только река и невозможно широкое небо над тобой. И тебя тащит за поворот, за которым может быть всё, что угодно. Так, наверное, и пишутся стихи.

А если говорить о первой весомой публикации, то опять необходимо вернуться к крышам. Усадьба Сандецкого в Казани. Архитектор – Фёдор Романович

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Амлонг. Тюбетеечная крыша русского авангарда начала 20 в. Нет, до неё я ещё не добрался, но именно на неё смотрел, когда читал стихи на Турнире поэтов Литературной Универсиады в 2013. Так вот и появилась публикация в журнале «Дружба народов». Спасибо Фёдору Романовичу.

– Помимо всего прочего, ты еще и организатор литературной жизни в Казани? Не утомляет ли тебя проведение такого количества мероприятий?

– Да, год назад меня пригласили руководить Литературным кафе при Центральной библиотеке г. Казани. Это новая культурная площадка для города. Хотя, всё новое – хорошо забытое старое: в 90-е здесь действовал легендарный литературный салон «Синяя корова», который посещали практически все теперь уже маститые литераторы. Собственно, таких литературных точек было несколько: упомянутая «Синяя корова» (идейный вдохновитель – искусствовед Михаил Яо), лито при музее Горького (самое старое литературное объединение Казани и одно из старейших в России), которым с 1967 по 2003 гг. руководил Марк Зарецкий, а ныне Алёна Каримова, и «ARS-поэтика» при казанском университете во главе с Николаем Беляевым, а теперь с Алексеем Кирилловым. Это основные артерии, в которых бурлила поэтическая кровь.

Прийти работать в одно из таких незаурядных мест было мне крайне интересно. «Калитка», а именно так мы называли нашу площадку, или даже не мы называли – а просто однажды поняли, что она сама так звучит (КАзанское ЛИТературное КАфе), конечно, требует всего моего внимания и многих сил (около 70 проведённых вечеров за год) и, наверное, отражается на количестве написанного своего – но это всё равно радостно. Я занимаюсь любимым делом и получаю за это пусть небольшие, но деньги.

Библиотечное руководство (директор казанской ЦБС Резеда Наилевна Исмаилова, зав. Центральной библиотекой Оксана Исаева и др.) создало все условия для литературной площадки. Мы стараемся экспериментировать с литературными форматами, пытаюсь найти что-то своё. Есть лекторий, проводятся кинопоказы с обсуждением, литературно-музыкальные перформансы, поэты принимают участие в художественных выставках, проходят презентации книг и журналов. К нам приезжают литераторы из других городов. Недавно опробовали новый формат «Кот в мешке» – вечер втёмную (на афишке не было никакой информации о том, что будет происходить). Внесли интригу и заодно проверили – доверяют ли литературному кафе? Придёт ли народ? Люди пришли, и неплохо, судя по отзывам, провели время. Требуют продолжения.

Один из основных и до сих пор длящихся проектов в Калитке называется «Литературная среда» (каждая среда – встреча с известным литератором

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Казани). По итогам этих вечеров за прошлый год мы издали первый выпуск собственной ежегодной литературной серии «Калитки», куда вошли стихи 15 казанских поэтов, выступавших в кафе. Теперь у Центральной библиотеки будет своя книжная серия. Место того стоит. Казанские топонимы обязывают. В предисловии к сборнику я так и написал:

«Калитка – звук не пустой, да и выросший не на пустом месте. Здесь, где зародился этот звук – в Центральной библиотеке на Вишневого – центр тектонического разлома поэтических эпох.

Спуститесь по улице вниз – и вы уже в Горловом кабаке завтракаете вместе с Пушкиным.

А если повернёте от библиотеки налево – через проулок окажетесь на Второй горе у дома вечного председателя земшара Хлебникова.

Пойдёте через Аксёновский сквер мимо Чеховского рынка – увидите Варваринскую церковь, где был крещён двухнедельный Заболоцкий.

Если у Чеховского рынка опять свернёте налево – попадёте в Лядской сад, на углу которого расположена усадьба Боратынских, а в самом саду эклектично высится памятник Державину. Это улица Горького. Через квартал отсюда – в подвале нынешнего музея имени себя Алексей Пешков пёк хлеб.

Все это очень рядом, в десяти-пятнадцати минутах прогулочного шага от Центральной библиотеки...»

Только что в Калитку приезжал БГ, он был в библиотеке ещё во времена «Синей коровы» и вот, будучи в Казани, решил навестить нас спустя 20 лет. Так что и ты приезжай, Сергей! Ждём тебя и «Графит» в Калитке. Это приглашение и для других интересных литераторов, желающих выступить в Казани. Я заинтересован в расширении географии гостей литературного кафе.

– Как ты пишешь? Урывками? Циклами?

– Всегда отдельными короткими лирическими кусочками. Некоторые из них потом можно, наверное, объединить в тот или иной тематический цикл, но не более того. Ясного эпического или поэмого изложения на протяжении длинного текста мне не видать, как собственных поминок.

Я способен лишь на короткий взгляд: что успел выхватить – записал и половину переврал. Я скажу банальные вещи, но каждое стихотворение для меня это шаг в неизвестность. И непонятно куда ты шагнул, что из этого получилось, хорошо это или плохо. Каждое стихотворение – это большой вопрос. Главный вопрос жизни. Каждый раз. Это сверхусилие, какой-то прорыв. И всегда риск. И почти всегда ничего не получается. Но если вдруг тебе кажется, что получилось – стоит ради этого жить. Ради волшебства. Ведь это чудо.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

А чудо оправдывает всё.

– Кто твои любимые поэты? Кто повлиял на твоё творчество?

– Ох, много любимых. Боюсь, что не буду оригинальным и назову классический список имён: Даниил Хармс, ранний Николай Заболоцкий («Столбцы»), ранний Борис Пастернак, поздний Осип Мандельштам, Иосиф Бродский, Леонид Губанов, Юрий Кузнецов, Денис Новиков, Иван Жданов, Александр Кабанов, Андрей Гришаев. Это я называю тех поэтов, после прочтения которых в то или иное время мне писать самому уже не хотелось. Теперь вот Лермонтов для меня забрезжил. Читаю. Вчитываюсь. Перечитываю.

– Как ты думаешь – сохранится ли поэзия в нашем техногенном мире? Что будет с ней через 20-30 лет? Твой прогноз.

– Поэзия никуда не денется, конечно. Будет ли она трансформироваться в источниках кодировки – мне вот это интересно. Речь, письмо, язык, текст – а что дальше?

Логика своё отживёт. Опыт станет никому не нужным. А вот поэтическое озарение окажется единственным достоверным источником познания мира. Это будет весело. Я бы хотел пожить в такое время.

– Следишь ли ты за нынешней литературой? Читаешь поэтов? Сможешь назвать десятку лучших на данный момент авторов России?

– Десятку не смогу – их намного больше. Слишком бронзовый век у нас во дворе. Всё такое разное и прекрасное. Где-то традиция обогащается, где-то своя колея, где-то сознание ширится и мозг взрывается. Читай – не хочу...

– Казань – город восточный или западный? Как тебя пишется здесь? Влияет на тебя место проживания и насколько?

– Казань – город разный. Но всегда любимый. Только здесь и пишется. И здесь очень хорошо говорится не только своё и о своём. Здесь хочется копаться в поэтических историях. Как мы это делаем с Галиной Булатовой – отличным поэтом и переводчиком, а по совместительству моей женой, которая поддерживает все мои начинания. Например, пища для «Казанского альманаха» серию эссе о наших поэтах, я однажды натолкнулся на имя талантливого поэта Ивана Данилова (1941 – 2010), мне до этого не знакомого. Несколько его общедоступных текстов вполне впечатлили. Начали выяснять кто такой. Путём

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

долгой детективной истории мы с Галиной вышли на его родственников, которые предоставили архив поэта. Год мы этот архив разбирали: восстанавливали и набирали тексты, сканировали фото и документы, письма, прозу, дневники. Попутно готовили подборки в журналы и большую книгу его избранного: стихи и дневники. И через год в Татарском книжном издательстве при поддержке главреда «КА» Ахата Мушинского вышла книга Ивана Данилова «Птица долгой зимы», которую сам автор ждал почти всю жизнь, но так и не дождался. Таким образом, я надеюсь, на поэтическую карту Казани мы нанесли имя талантливого, но незаслуженно забытого поэта.

Сейчас мы занимаемся другим масштабным литературным именем – Гавриилом Петровичем Каменевым (1773 – 1803). Гавриил Каменев считается первым русским романтиком (предромантиком). Он автор первой героической баллады на русском языке «Громвал», написанной по мотивам казанской легенды о драконе Зиланте и богатырях. Талантливый поэт, прозаик и переводчик. Начинатель готического направления в русской литературе. Его творчество высоко оценил Александр Пушкин, собиравшийся писать биографию поэта. Между тем – до сих пор не было отдельной книги сочинений Каменева. Нет никакого памятного знака в городе в честь поэта. На доме, где он жил и умер, нет даже мемориальной таблички.

Вот как-то стало обидно, что не только простые горожане, но и многие наши коллеги литераторы и слыхом не слыхивали об этом имени, и мы создали инициативную группу по увековечиванию памяти Каменева в Казани. Выпустили микроскопическим тиражом – насколько хватило денег – книгу его «Избранного», куда вошли знаменитая поэма, переводы, рассказы и стихи.

Доцент кафедры архитектуры КГСУ Инесса Фахрутдинова разработала проект ротонды Каменева, которую мы просим установить в Сосновой роще – мистическом для Каменева уголке Казани, в одном из любимых мест для прогулок, где его часто посещало вдохновение и где он создавал свои произведения. Здесь же неподалеку он был упокоен на старинном кладбище за Кизическим монастырём.

Также мы выступили с обращением к мэру по поводу установки памятной доски на одном из принадлежавших Каменеву сохранившихся домов. Управление культуры поддерживает эту идею, но на воплощение нет средств. Нужно искать самим.

В этом году от имени литературного кафе «Калитка» мы провели Всероссийский литературный конкурс имени Г. Каменева «Хижицы».

– Расскажи, с кем из поэтов ты общаешься в Казани? Есть интересные группировки поэтов, студии, семинары?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– Если говорить о лито, не упоминал ещё «Белую ворону» при казанском медицинском университете (с 1997 г.). Основатель и руководитель студии – поэтесса Наиля Ахунова. Организатор ежегодного литературного фестиваля им. Вероники Тушновой «Галактика любви». Наиля Ахунова пропагандирует и развивает в Казани восточные формы – хайку и хайбуны. Консультирует «Белую ворону» детский поэт, переводчик и драматург Борис Вайнер.

Лито им. Виля Мустафина при музее Константина Васильева (руководители поэт Михаил Тузов и драматург Александр Воронин), а также лито православной поэзии «Златоуст» (руководитель Татьяна Сушенцова).

Менее формальные литературные содружества, почти все, увы, уже не действующие: литературный салон «Синяя корова» при институте культуры (с 1989 г.), впоследствии перебравшийся в Центральную библиотеку на Вишневского, 10. (с 1993 г.) (Михаил Яо, Маргарита Сивохина, Юлиана Еманова, Денис Осокин, Алёна Соколова, Александр Беспалов, Эдгар Бартенев, Сергей Саховский, Тимур Алдошин, Алексей Кириллов, Олеся Балтусова, сотрудники библиотеки: Галина Дюльдева, Наталья Тюрина и др.). Литературно-философское общество «Altera parsъ» при КГУ (1992 – 2000) (Искандер Абдуллин, Артём Скворцов, Михаил Крылов, Мария Новак, Роман Перельштейн, Алексей Калиничев и др.)

Творческий союз «Колесо» (2001 – 2009) со своим литературным журналом «Квадратное колесо» (Олеся Балтусова, Тимур Алдошин, Искандер Абдуллин, Алексей Кириллов, Айрат Бик-Булатов и др.)

Общество мёртвых поэтов (ОМП) (2004 – 2006) (Рафаэль Бадыгин, Айрат Бик-Булатов, Андрэ Егоров, Андрей Абросимов, Евгений Калашников, Алиса Розанова, Марина Богданова, Оскар Саченков, Айрат Багаутдинов и др.)

Первые перформансы, выступления в сопровождении музыкальных групп, клипы.

Творческое объединение ЦЫЦ (с 2008 г.) (Михаил Остудин, Айрат Багаутдинов и др.) В основном перформансы и СЛЭМы.

Студия «Энтомология поэзии» (с 2008 г.), а с 2009 добавляется и театр поэзии «Фибры» (Айрат Бик-Булатов, Андрей Абросимов, Евгений Калашников, Игорь Тишин, Николай Артюшкин, Ангелина Кузьминых, Алия Габитова, Екатерина Селюнина, Елена Звягинцева, Полина Пантелеймонова, Елена Чеснокова и др.). Взаимодействие поэзии с различными видами искусств, совместные концерты с музыкантами и художниками.

Если говорить об именах, то два года назад мы собирали поэтический сборник «Казанский объектив» (Сост. Эдуард Учаров; Ред. Галина Булатова. – Казань, 2015. – 80 с). В сборник вошло 36 стихотворений, созданных тридцатью шестью казанскими поэтами, в основном, за 2015 год. Это мгновенный поэтический фотоснимок Казани в сочетании с мгновенным же

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

комментированием – екатеринбургский поэт и критик Сергей Ивкин выдал 36 закадровых впечатлений-импровизаций. В качестве послесловия – ещё один взгляд на современную поэзию представлен поэтом и критиком Андреем Пермяковым.

Туда, конечно, вошли не все, кого хотелось бы видеть, но определённое представление, смею надеяться, о современных казанских поэтах составить можно. Кому интересно – электронная версия есть на «Мегалите». Спасибо Александру Петрушкину.

Тесно общаюсь с поэтом Филиппом Пираевым – автором перевода гимна Республики Татарстан на русский язык. Советуемся по текстам и просто дружим. Собственно, он и Галина Булатова всегда поддерживают мои инициативы. Данилов, Каменев, Казанский Объектив, Калитка и другие начинания – без них вряд ли бы что вышло...

– В этом году в Тольятти в 5-й раз пройдет довольно крупный по составу участников фестиваль поэзии Поволжья! А есть ли в Казани нечто подобное? Нужны ли вообще фестивали?

– В Казани ежегодно проводится Аксёнов-фест (организаторы Дом-музей Аксёнова, журнал «Октябрь», мэрия Казани); Международный поэтический фестиваль имени Н. Лобачевского и Международный Хлебниковский фестиваль «Ладомир» (их организатор – поэт Лилия Газизова – пропагандирует и развивает свободную поэтическую форму). Свои книжные фестивали делают казанские библиотеки, Центр современной культуры «Смена» и т.д.

Это дело хорошее. Поэты приезжают, знакомятся друг с другом, общаются. На выходе – новые творческие идеи, толчок к собственному творчеству...

– Эд, последний вопрос традиционный – твои пожелания альманаху «Графит»!?

– В разное время в «Графите» публиковались материалы о наших казанских проектах. Помню и ценю. Надеюсь, что будем сотрудничать и дальше. Альманаху – всего только самого доброго! Никогда не закончиться!

Июль 2017 года

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Эдуард Учаров

***

Часы стучат в ночные барабаны
и цокают надменно язычком,
а тишина, раздробленная ими,
в травмпункте в очереди
корчится от крика.

Минуты не срastутся в вечность...

Таков прогноз...

...но где-то в детстве
мгновение садится на ледянку
и с горочки стремительно скользит.

Мгновение скользит...

***

Вдруг разбирают сердце,
а потом собирают.
Но остаётся несколько лишних деталек.
А сердце работает, чувствует,
думает, тикает.
И лежат эти пыльные детальки в шкафчике,
пока ты их, наконец, не выбросишь,
наводя очередную чистоту и порядок.

И проходит много-много времени,
когда ты вдруг с ужасом понимаешь,
что в этих-то ржавых железках и было всё самое важное.
Всё то, что скрипело и царапало,
рвалось и билось.

Где теперь эти волшебные шестерёнки?
Соседские дети давно подобрали их у мусорки,
и вставили себе в звонкие сердца,
и проживают твои удивительные мгновенья...

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

***

А жизнь-то – крепка, крутобёдра,
подкидывает всё больше метафор,
живёшь её – жизнь-то –
и даже не думаешь, что изживёшь
до одра,
а дни-то – ну словно берёза –
кровь с молоком –
есть за что ухватиться –
но речь не об этом
течёт,
проливается словом
с кипящих губ,
которые седеющий автор
тех самых метафор
учил
бесконечным стихам –
пустым барабанным дробям,
д(е)лящимся на часы.

А часы-то... С кукушкой...
Подкладывающей твоё время
в чужие гнёзда...

берёзы проносятся мимо...

и жизнь-то, совсем, одряхла...

обвислые груди мгновений...

и тёплое молоко
с коричневой пенкой земли,
в которую скоро
тебя неуклюже уронят...

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

***

Собачонка лижет берегу руки,
берег бросает ей мяч в воду.
Собачонка обрушивается в бензиновое пятно,
в цветущую зелёную бахрому.
Взбивает пену –
уши в тине, нос в облаках.

Стискивает шар,
поворачивается –
берега нет.

Бойся берега.
В нём можно увязнуть навсегда.
Построить дом.
Засеять пашню.
Завести скот.
Приютить собаку.
Отправить её за мячом –
уши в тине, нос в облаках.

Она обернётся.
А тебя нет.

***

Думать, как вода,
пить себя допьяна,
пениться, заикаться,
лечь – и на берег течь.

Берег – одна рука,
Второй – другая рука.
Так обнимают воду:
К сердцу – один, другой – свысока.

Жить, как вода,
Рыбу в себе держать.
– Ты держишь на меня рыбу?
– Нет, рыба уже прошла...

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

***

Время – пришло, увидело, победило;
схлынуло, отступило, ушло.

Каждой ночью тараторит фальшиво,
секундной стрелкой ощупывая ничего.

Оно знает, как подкрасться опасно:
удариться, разбиться, поранить.

Это и есть привкус времени: солёный, красный –
промокшими буквами на ватном листе.

***

В новое переселяясь тело –
чувствовать озноб, неправоту.
Позабыть бы. Забываешь смело
то, что будет так неумоготу.

Радуеться солнцу, но не знаешь
что это такое, какова
близится расплата за уменьье
языком нащупывать слова.

Смотришь-смотришь ясными глазами
на рождённый в первом крике мир.
Вот и всё. Мне всё про всё сказали.
Обними и на руки возьми.

***

Какие-то обрывки музыки
жужжали в умной голове,
и то широкие, то узкие
слова толпились на столе.

И всё вот это извлечённое,
чем только жив я быть умел –
и белый шум и буквы чёрные –
слилось в бушующий пробел.

Увы, за божие мычание
я принял дребезжащий хлам.
Теперь креплю своё молчание
и радуюсь чужим стихам.

ОКРЕСТНОСТИ

Вадим Гнатовский

Посмертный улёт Феди Помидора

– Улёт! Такой улёт! Нее-е... Такой немислимый уход! – долго умилялся писатель Федя какой-то своей новой придумке, притопывая толстой розовой пяткой в только что купленном, еще даже не зашнурованном кроссовке. Теперь денег стало хватать даже на такую роскошь, как обувь. Он ведь пить бросил. А до этого еще с год не курил. Ни-ни.

Однако ему как писателю требовалось стимулирующее, и осознал он это почему-то только сейчас.

Вот ведь как – ровно год, столько, сколько он не допинговался – он и не работал вовсе. А в один прекрасный день, а именно сегодня – понял, что превратился в живущий и здравствующий, совершенно здоровый и прекрасно выглядящий тупой овощ.

И Федя срочно начал искать выход.

Допинг был найден совершенно случайно в совершенно дурацком месте. И в сочетании, которое вызвало бы кривую ухмылку у человека не только постоянно злоупотреблявшего алкоголем, но даже у рядового обывателя.

Федя вспомнил, как однажды, проходя в совершенно оцепеневшем от "завязки" виде, он с чего-то остановился у продуктовой лавки. И увидел он один пакетик арахиса за пять рублей, и маленький такой пестренький пакетик томатного сока. "Нет, его надо купить обязательно. И смаковать через трубочку, для эффекта", – восторженно заколотилась воспрянувшая и трепетная душа в полнова- том теле писателя Феди.

Весь год Федя делал запасы.

Мешок арахиса заполнял добрых полкомнаты Федора. Ящики томатного сока загромоздили всю вторую половину, едва не задавив ее обитателя. Оставляя совершенно немного местечка для Феди и для стола с компьютером, в котором Федя виртуально уже давно прописался и жил там реальнее, чем в реальной жизни, внешне не подавая никаких признаков осмысленного существования.

ОКРЕСТНОСТИ

Он питался этим и, по словам очевидцев и родственников, которые откуда ни возьмись, объявились впоследствии для того, чтобы по-честному разделить гонорары за его рукописи, Федор никогда больше не выходил из комнаты с арахисом, томатным соком и компьютером.

Я бы даже, пожалуй, назвал этот рассказ "Томатно-арахисовая наркомания", это бы точнее выразило то, что произошло за год с Федей.

Его утро начиналось в тумане. Вскakiвая, писатель Федя от слабости выблевывал красные сгустки вчерашнего томата на пол, падая на устеленный арахисовыми кожурками пол. Хватая ртом воздух, а рукой рассыпающийся по полу продукт, он заставлял себя протолкнуть в пищевод некоторое количество свежего томатного сока и если не выблевывал его снова, то мог уже жить, чувствовать и двигаться.

Примерно около двенадцати дня он усаживал себя за компьютер.

По его левую руку блестели фольгой варварски испорченные и опустошенные пакеты от томатного сока. После первого вливания уже можно было потреблять пакет за пакетом, заедая горстями соленого, слегка прожаренного на спиртовке арахиса, и стучать по клавишам, еле поспевая за странными перемещениями астральных сущностей в сюжете документального романа про одного известного композитора, который писал Федя. Но он не мог сесть сосредоточиться и раз навсегда прочесть, чтобы уяснить себе, а сколько же у него в романе действующих лиц, чем они занимаются, и вообще, с чего все это началось. И все это для того, чтобы хотя бы приблизительно понять, чем же все это закончится. Кстати, все это выяснить ему никто не мешал.

Но как только Федя вышел из завязки, он стал еще более ленивым и заторможенным, чем был в завязке. Фактура романа про великого композитора была взята из интернета и изобиловала неточностями и огрехами, на которые наслаивались все новые. Никаких попыток для спасения романа Федор не предпринимал, все писалось, как писалось и плыло неизвестно куда, скорее всего, – в красно-бурую неизвестность с томатной блевотиной, дрожащими руками и с перманентным горько-соленым запахом во рту от арахиса.

В общем, это образ жизни обыкновенного графомана, часть из которых после смерти делают гениальными писателями совершенно не имеющие к этому отношения, чужие люди и стригут купоны с этого и наживают барыши.

Помидорные галлюцинации, оживший арахис, ошестинившиеся пеньковые мешки, шепчущиеся друг с другом и окно,дохнувшее резким помидорным пе-

ОКРЕСТНОСТИ

регаром. Об этом писали впоследствии все городские газеты, и это неинтересно.

А потом ...

Говорят, будто незадолго до этого так изменилась его генетика, что он стал жидким, и его ярко красного цвета щеки практически превратились в помидор нездорового арахисного цвета, пальцы его казались слегка подгоревшими, и с них шелушилась, падала на ковер тонкая кожа, похожая на коричневатую шелуху арахиса. Он уже не мог встать, а потому просто катался от угла с томатным соком, где он находился, в угол с арахисом. Он пил томатный сок, припадая к тазу, который наполнялся по мере выпивания, от шланга. Его приспособил Федя в один из последних дней, будто чувствуя, какой жуткий конец ему уготован, и понимая, что он сможет лишь кататься, тихо постанывая.

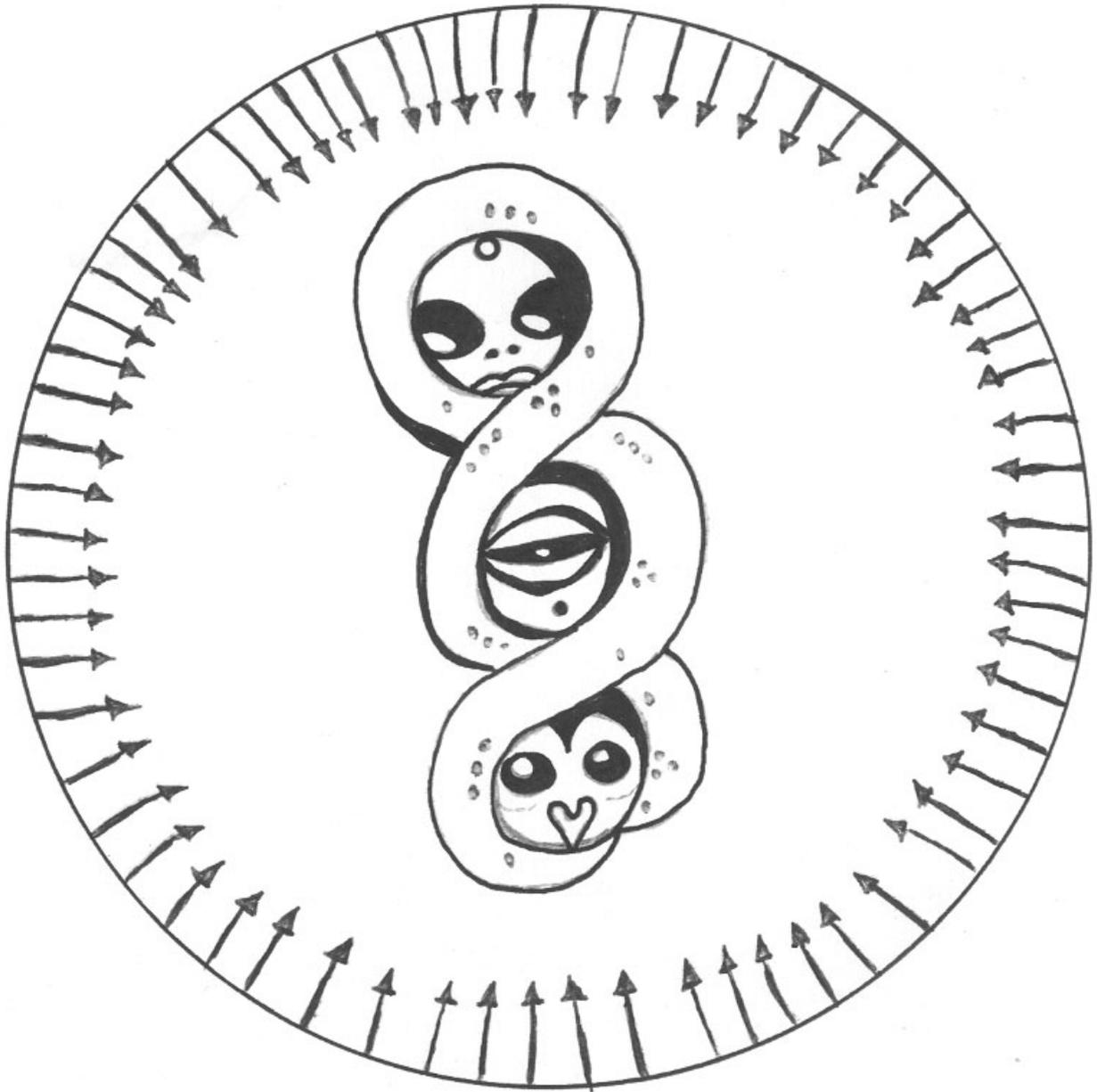
Вскоре его конечности совершенно атрофировались и отпали. Последней атрофировалась голова, превратившись в подобие засохшего черенка на этом гигантском помидоре, который давно уже не напоминал прежнего Федю. А потом – взрыв.

Федя лопнул.

В заключение остается добавить, что через полтора месяца после этого события народ давился в книжной лавке, покупая книгу сенсационно лопнувшего Феди-помидора. В эпилог его романа кровью была вписана фраза, которую можно было отнести и к посмертной славе самого Феди.

Вот она:

"Толпа не знает, что хавать, и поэтому ее надо чем-нибудь взбудоражить. При жизни все графоманы одинаковы. Но после смерти один из них вытягивает счастливый лотерейный билет, обычно тот, который прославился какой-нибудь пакостью. Стыдно признаться, но ведь именно весть о том, что Петр Ильич Чайковский был при жизни педерастом, помогает почтеннейшей публике из года в год раскупать все до единого билеты на концерты его потрясающей музыки".

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Елена Богатырева

МОРФЕМЫ РИТМА

***

шуми не шумы
итога
и того
будет

***

рай покров лета
покой край света
я здесь и где-то
мокрой ногой
лёгкой рукой
стерегу

тень не от солнца
слова оконце
жизнь так до донца
исчерпаю
изрекаю
на бегу

моря заливы
неба отливы
листья оливы
такой одной
какой родной
берегу

берега горы
во бору норы
ночи заборы
крики совы
шёпот травы
не вспугну

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

завтраком утро
медленно сутра
деревом мудрым
словом на ять
не перенять
как ни гну

полем росою
снова босою
речкой косою
ветер играй
облака край
подогну

выстрочу строчку
детства сорочку
райскую почку
не разбужу
по рубежу
обогну

***

ВЫХОД
ВЫХОДКОЙ
ВЫХОДИТ
ПОХОДИТ
ПРОХОДИТ
СНОВА ЗАХОДИТ
песенку заводит:
во ходу я на ходУлях
заведу на мОдулях
нЕ ЗА ВО дОм
захожу не ходом
брeдом да ободом
забрeдаю бродом
пломбу отрываю
бу плом подрываю
пробу про бу про
обри аки обретаю
всё!
ещё?

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

место местное
местами не лестное
лесаами листами
листали блистали
были стали
сталь ли мета
или место
или вместо
лилии?

лили, лили, и на лилии

лили, пили,
лили, пели:
лили? я?
лилия!

***

провалы слов
провалы снов
про что-то – не упомянуть – тоже навалом
провалом

***

ад немоты как сказано и слово нож хирурга по телу режет меня не окликает и прочих если вдруг настигло не кричи "чур-чур" на случай всякий что бы тут ни вышло весь я не умру лишь строчка вычеркни её и точка между прочих впрочем слово припечатало зачем на выдохе на входе день

***

глаз сплавило с пространством степенью войны
песок воды
смывает солнце форм поверхностью экрана
фигуры не унять и красное беды
белеет на макете океана

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

ВЗ

(Из цикла «Коды-посвящения»)

да это и не
и не снег
если присмотреться
причём тут дождь
в самом деле

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Роман Полуэктов

***

«Человек человеку Бог» – Л. Фейербах

Я знаю край, где Боги обитают,
Среди Богов, на равных с ними – Я!
Их возраст – от начала Бытия;
Собой сознание Мироздания являют;
Обитель истинных Богов – Земля!

***

В поисках Бога – тысячи лет
Вопрошает Человек в небо зрящий;
Мною найден для Тебя ответ:
Ты – Бог, единственный и настоящий.

Имеющий уши, да слышит:
Разум свершиться смог!
В сердце Своём и в уме напиши
Словами Свободы: – Я – Бог!

***

Порою выглядит движение Жизни непонятно:
Всё, что дарует мерой полной – берёт обратно,
Так письма старые, ненужные горят
Без сожаленья, без разбора – все подряд!

Мне видится безбрежным Океаном
Весь этот драгоценный, дивный Сад –
Штормит волнами и бушует непрестанно,
Творит свои явления наугад,
А после вид свой обретает первозданный,
Волну приняв в объятия назад:
Так разбивается бокал хрустальный,
И зелень леса переходит в листопад ...
Из перемешанного праха цвет случайный
В картине новой восхищает взгляд.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

Горит закат каминным переливом –
Грядую золотистых облаков;
Лазурь небесная становится сапфиром;
Луна встаёт с восточных берегов;

Чарует красота небесного убранства! –
Я всматриваюсь в глубину себя:
Любуюсь бесконечностью пространства,
Осознаю единство Бытия.

***

В старом доме, где крыша двухскатная,
Дымник белый изящен и строг –
Тишина разлилась благодатная,
Сокрывая от внешних тревог;
Половицы, покрытые краскою,
Издают лёгкий скрип под ногой,
И всё кажется мне доброй сказкою,
Волшебством бесконечным с Тобой...

***

Кто мог бы знать, что оживут мечты,
И сны исполнятся и перейдут границы,
И отразят стихов моих страницы –
Твои черты?

Когда я всматривался в глубину осеннюю,
В безлюдный парк, и слушал звук дождя –
Не знал кто Ты, но чувствовал Тебя,
Как будто издали, ещё незримой тенью.

Мой смысл Бытия – к Тебе дорога,
И – Встреча, и – единство нас!
И всё свершилось в долгожданный Час –
Я смог узреть при жизни Бога!

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

***

В своих сердцах, в магическом котле
Поэты варят эликсир и зелья:
Щепотка грусти, унция веселья,
Коренья мудрости, раздумье в тишине;
Немного серых туч перемешать с дождём,
Добавить звёзд, звенящим серебром –
И снадобье готово, рождаются стихи,
В Магическую книгу ложатся заклинанием,
Кипят они в огне, в самой груди –
Словесной формой, сотворённые Сознанием.

Какая глубина в Тебе и сила тайная –
Содержишь Вечность и мгновение одно,
Песка крупицу и просторы Мироздания –
Тебе нести всё Бытие дано! –
О, Слово, Ты особенно прекрасно,
Когда изложено в гармонии, в стихах;
Как Солнце светишь – пламенно и ясно,
Рождённое дыханьем на устах !

***

Хочу уехать в край, где языка не знаю,
И слушать голоса, как дождь и шум морской,
И улыбаться встречным, как ветру, что качает –
Зелёный лес вдали, и флюгер над трубой ...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Василий Чердаков

***

Василию Аксенову

Вот фильм „Таинственная страсть“
смотрю и вижу, как напасть
безбожия метет умы,
страну ввергая в царство тьмы.
Фильм, как зараза завелась
в умах детей. Ругая власть
они, не видя ни шиша
чуть дальше носа и греша
свободой слова, жизнь страны
ввергают в лоно сатаны...
Свобода, что? Без пота жить
и в праздности стихи сложить?
Свобода – тем, кто воевал
сказать: „Да, вы – не идеал“?
Учить, как курице летать,
яйцу? И всем права качать,
что Бродский – истинный талант
и на него у Бога план:
есть, пить, гулять, писать стихи
„талантливо“... из чепухи,
безбожно сердцу и уму?
Не верю! Что-то не пойму,
великость ваша, Ваксон, в чем?
Заделать морду кирпичем
и сигаретой подымить
из-под бровей? Учужал нить?
Какую ценность ты создал?
Чужой разрушил идеал?
Быть может мир от СПИДа спас,
такой великий ты у нас?
Иль африканцев накормил
во славе как Иегудиил?
Иль ты, как гордый Прометей,
всех спас от холода сетей?
Чем характерен твой портрет?

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Заслуг особых-то и нет.
С претензией на чудеса
ты вражьи слушал голоса...
Так в чем свобода? Слушать ложь
а после – хавку вынь-положь?!
Ну, если ты такой святой –
шагнешь и злато под пятой –
иди в леса и **сей** там хлеб,
молись и волею судеб
священной жизнью во трудах
возвысишься... Что, ерунда?
Что, Бродский – чисто паразит?
Что бес в его словах сквозит?
Его Талант – стихи писать?
А мне (пардон!) на них поссать!
Нельзя без Пушкина прожить,
а чем же ценен этот жид?
Идеология труда –
вот процветания руда.
И не ошибка – коммунизм.
Но из-за вас мы снова вниз
шагнули, тараканье дно!
Что вижу? На умах одно –
НАЖИВА! Это ль идеал,
чтоб всяк другого убивал,
чтоб лишь свою мошну набить?
Для этого вы стали жить,
откуда хлеб теряя нить!
Безбожие – ваш идеал,
за кой я б пол-гроша не дал.
P.S.
Зачем пишу, вожу рукой?
Я сам был в младости такой,
дерзил, начальству докучал,
зло-недовольство излучал.
Теперь же, с высоты годов,
не жну своих труда плодов.
А нужно было не хамить,
в гармонии с другими жить,
в трудах уменя применять,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

во славу Бога жизни внять...

Авторы из Пензы

С моей точки зрения, главная ценность и цель литературного творчества – доведённое до предела собственной логики осмысление существования (как созидательное, так и разрушительное), преломляющее через уникальный внутренний фокус весь поток окружающей реальности – от материального мира и социальной действительности до абстрактных идей и едва уловимых эстетических представлений. Чем чище этот фокус от стереотипов и штампов, чем лучше настроен владением речью и художественными инструментами, тем ближе он к индивидуальному, новому взгляду. Ранжировать или измерить такое творчество не представляется возможным, поэтому небольшая подборка текстов разных людей обречена быть вынужденно субъективной.

Хочется назвать некоторых пензенских авторов, которые могли бы войти, но не вошли в данный обзор: Александра Одрина (фольклорно-модернистские эксперименты?), Сергей Кубрин (рутинная минорность?), Владимир Лезин (кричащая социальная надорванность текстов?), Александр Фролов (эклектичная деструктивная образность?), Виктория Каляшина (ностальгический акмеизм?). Но все попытки дать текстам какие-то краткие исчерпывающие определения приводят лишь к производству условных и крайне необъективных штампов. Никакие презентации и описания не заменят знакомства с творчеством каждого конкретного автора.

Сложно пытаться обобщить особенности пензенской поэзии изнутри, однако складывается впечатление, что неким общим стержнем, объединяющим многих пензенских авторов, является многомерная трагичность, которая проявляется независимо от индивидуальных стилей и содержательной стороны текстов.

Стихи **Сергея Жидкова**, полные плотной образности, тонких эмоционально-эстетических художественных находок, часто строятся вокруг философского осмысления социальной и экзистенциальной сторон жизни, безвыходного лабиринта сомнений, напряжённого поиска и подтверждения духа и веры. **Анна Мартышина** через самобытный строй образов, вытягиваемых друг из друга, погружает читателя в бездны онтологических страхов и тайн, чтобы через череду самоутверждений, самоотрицаний и сказочных метаморфоз дать надежду на преодоление и выход за пределы. Тексты **Владимира Навроцкого** складываются из обыденных вещей, рутинных и ностальгических наблюдений, которые зачастую развиваются по слабопредсказуемым сценариям в тот или иной иронический финал, фантасмагорию или не очевидные, но закономерные

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

выводы. У **Марины Герасимовой** своя атмосфера разноцветных медуз радости и лиричной грусти. Неспешная созерцательность **Юлии Арямовой**, намертво вживлённая в сам ритм произведений, рисует хрупкие импрессионистские картины ощущений с «внутренним стержнем жизни». **Вера Дорошина** в стихах, полных архетипическим тем и образов, пытается разорвать всевластие быта, предписанные схемы и цепи установленных правил.

Так или иначе, у всех этих авторов с разных ракурсов и фокусов складывается напряжённая драматическая двусторонняя связь с миром идей, людей и вещей – в себе и не в себе. И она требует внимательного прочтения.

Антон Шумилин

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Сергей Жидков

Всё труднее верить в барабашек.
Чувства уступили клетку знаниям.
Память-яблоня роняет цвет желаний
И глотает дым пластмассовой мечты.

В сад, сменивший тысячи рубашек,
Длани Зевса тянутся и длани ям.
В ней я глаз склонившейся герани?
Или червь, кольцующий листы?

Всё равно...Средь пепельной антоновки
так туманна мысль о подземелии,
И почти неразделимы тень и я,
Хоть колюч ночной чертополох.

Я – случайный, чуть задумчивый, неловкий.
День растянется жемчужным ожерелием,
Но наскучит погремушка драгоценная
И рассыплется на горестный горох.

Может, время его клонет, может, курица,
Посчитав весьма забавной мусоринкою.
Шорох листьев то врачом, а то советчиком
Что-то бросит в сердца рунного кису.

А потом закат закружится, завьюжится.
Сад осмотрится и станет невидимкою.
Жизнь ускачет звонкотрепетным кузнечиком,
Обронившим изумрудную слезу.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

***

Достоинством веет от мутных зеркал оголённого леса,
Солнце на мох – шумит неживое дно.
Каждую ярость питают подземные токи.
Голый шторм в канонической скрипке качает Ванесса,
Заключительный шторм – от высоких дубов до цветов высоких –
Так живёшь, врисованный слабостью в полотно:
Ничего не болит, ничего не болит, а болеть должно.

Как опустишь пылливый рассудок в канавы холодный стакан,
Бесплодностью станешь един с каруселью пеньков-калек,
Крик и зов, и мольба замедляются просто в шорох,
Над которым склоняется знающий правду туман.
Серебристый туман. Проницательный свет на склонах.
В окончании леса есть тишина – одна – на всех –
Сердцебиение веток – Молчание – Первый снег.

***

Была ли рыбка над вчерашнею волною?
Дары закончились. И хочется молчать.
Нам только грезилось корыто запасное.
Пошли на гибель драгоценнейшие вина.
Мы возвратились обездоленными вспять –
В коленопреклонённый ветхий дом.
Мы куплены немислимой ценою,
Но видишь, на шипящие угли
Нас ветры наших дел приволокли,
В себя вернулась обездушенная глина,
А выдох не нашёл свою печать.
Какой случится гром?
Какой омоет ливень
Грехи мои?

Лес

Мне или лесу радуешься?
Однажды ведь я погибну, а лес дураки спилят.
Хорошо, если ты не увидишь,
Как руками, тебя хранившими,
Буду сжимать в молчании
Тускнеющий флаг отступления.

Как душа помелела от распродаж вся,
Так леший базара разлил яд.
Все больницы стоят лишними,
За дремучими их плечами
Мы становимся мелочами
В хаотическом поле зрения.

Лес или просто пеньки великанами
Смотрят крючками в лесной народ?
Если спросит меня кора:
«С кем ты, зачем ты и кто ты?»,
Все проиграют поровну.

В землю земля канула
Или ты на земле не тот?
Вроде для дела росли головы.
Светает в лесу... Обнаружить пора,
Как мало во мне затаилось добра
И сколько ещё предстоит работы.

Стрекоза

Стрекоза, и моря жужжащий восторг
По ушам крадётся и пахнет рыбой,
Под рубашкой вибрирует свет, либо
Мировое зло добротой блестит.
«Упадёшь – спасёт!
Согрешишь – простит!» –
Чем-то огненным чувствуешь: выбор тесен.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Одолжил эту жизнь, провоцируешь торг,
Хотя жизнь – не твоя и торг неуместен.

Ожиданьем полёта пространство свистит.
Не ведясь на трусливый сердечный вой
Третьей..., внутренней..., мировой...
Нужно встречной волною омыть лоб,
По периметру тела нащупать гроб
И воспеть над ним стрекозы вращение

Даже если Господь простит,
Как посмеешь принять прощение?

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Анна Мартышина

И фонарной плесенью – по вискам.
Никого не мучил – родился сам,
И иду теперь – сапоги скрипят,
Сквозь привычный кухонный ад.

А они глядят, растопырив взгляд,
Будто ты испачкан или распят.
Отвернешься – ссорятся и едят,
В молоке растворяя яд.

Чуть пригладив дым шерстяных дорог,
Успокою кровь, натяну платок.
И пойду, слова запасая впрок,
По прямой, докуда хватает ног.

А они глядят, темнотой скрипя.
Что ты сделаешь, если тебя едят,
Запивая раны живой водой?
Как понять, что ты до сих пор живой?

А накатит черный, густой глоток –
Успокою кровь, натяну платок.
Чернотой земли занавешу рот,
Разгляжу их наоборот.

Из любой канавы – текучий взгляд,
Словно ты живой, а тебя едят.
Человечьей жалостью невпопад
Колосится в окошках ад.

И за каждым – строгий анфас нуля.
Все вокруг течет, только я – земля.
На дороге – в ливнях и голосах,
По прямой, из себя, за.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

***

*Я был тенью свиристеля, убитого ложной лазурью оконного стекла;
Я был мазком пепельного пуха, – и я продолжал жить и лететь
в отраженном небе...*

В. Набоков

Грубая петелька на груди режет бумажную кожу.
На белой поверхности расплывается угольное пятно.
Плоть – из спрессованной тишины старого алфавита –
ласково шепчет
теплым словам – мятые ощущения,
мохнатые, грустные сказки, бархатный снегопад;
ледяному, граненому ветру – серебряную тоску,
белые руки в ливнях сиреневых вен.

Хочется трогать вежливо и внимательно
каждую звонкую язвочку в тьме оркестровых ям,
каждое чистое слово на стройном кладбище словарей
и золотые отблески в черном квадрате молчания.
Видеть – дыханием, помнить – бумажной кожей,
Густо промасленной солнечным сентябрем.

Чувствовать жизнь напрямую – открытым мозгом,
Серым, волнистым, сохнущим на ветру.

***

На забрызганных кровью не поглядят ласково,
изумленная паника стынет в ясном изгибе шей.
Я от взглядов старею – маленький франкенштейн,
оторвавший от жизни мертвое и клыкастое.
И ни теплой речки тебе, ни густого проса,
ни дороги, намазанной августом и росой.
А по мягкому времени тихо скользят паровозы,
осторожные, длинные, пахнущие грозой.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Потайная вода

I

Яркое детское недоумение – белому карандашу.
Разными – красными, желтыми, синими – радуюсь и пишу,
Мягким пунктиром рисую на карте пройденный днем маршрут.
Черным – усталого человечка, правду его и труд.

Быстрому взгляду – малиновый привкус, кисленькую тоску.
Так, закрасив каждую трещинку, жизнями обрасту.

Каждый оттенок истрачу досыта, дочиста, лишь бы успеть.
Белый останется длинным, будто он означает смерть.

Скоро проснешься праздничный, жизнью заморожен,
А в мягком стружечном пепле останется только он.

II

Всю потайную воду вытяну за ручки.
Вот она, пухнет волнами, рыба внутри молчит.
Плавают по поверхности звезды, огни, мячи,
Тонкий туман горбится, воздух сырой горчит.

Вместе с водой вытащу всё, что в земле болит:
Пряный кладбищенский запах, глиняный неолит,
Белый шершавый череп. Йорик? Гамлет? Шекспир?
Весь нутряной мякиш, весь черноземный жир.

Где в этой черной куче жизней, костей, морфем
Что-то, принявшее смерть, знающее: "зачем?".

III

Будто себя празднуешь – рушься и говори.
Память сама сложит камешки в алтари,
Память сама выстроит каждое слово – в ряд.

Это потом узнаешь, как громко слова болят.
Вытерпишь, вымолчишь после – время кругом горит!
Огненной бури ради смейся и говори.

Шаг – за спиной горы истощены в речь.
Только словами можно вычерпав, убережь.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Владимир Навроцкий

***

напихал в карманы
прошедших несколько раз через ноль
бурых уже листьев, рассыпающихся
перемороженных

подумал, набрал и в рукава
и немножко за шиворот
и побольше к брюху

буду согреваться теплом распада
стану огромным светлячком
никогда не умру

как умереть, если уже находишься в мякотке тления,
да еще и светишься сквозь куртку
на темных аллеях

***

Иногда я брожу в раздумьях по Пятнадцатой Новой могиле
эти люди столько могли бы нам рассказать, а мы их убили
Стреляли в лоб калашами, рубили шашками шею
Недоубитых сталкивали кирзачами назад в траншею.
Удивительно, как прочно некоторые держались в теле!
А теперь мы без них как будто осиротели.

И никто не додумался просто спросить и внести в протоколы
Кто такие "румяные" "гимназистки",
как правильно смешивать
ром с пепси-колой,
Чем в фамильном имении пахнет туман, пришедший с реки,
Если праздник, и лето, и свечи, и полночь, и над столом мотыльки.

Какой журнал котировался выше, Ом или Птюч?
Погиб ли Горбовский в прекрасной книжке
"Страна фиолетовых туч"?

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Подумать только, мы трогали
носителей этого знания,
могли с ними поговорить,

И только потом их запихивать в мясорубку,
толстокожие мы идиоты,
и только потом варить.

***

Все, кому я
о себе рассказывал,
уже ничего не помнят.

Я рассказал бы заново,
но и сам все забыл

(Людам, которых и я помню хуже,
чем обстановку их комнат.
Людам которые были-были, и вдруг
удалились от суеты
в космос, в распыл)

Можно, пожалуй, маркером йодным нарисовать
всякие там имена себе на груди,
Или, что то же самое, выкопать неживого котика,
впихнуть батарейку крона,
кричать: встань и иди,
Или, что то же самое, выстроить акустический ад
изо всей наличной хозяйской посуды,

Влезть в середину,
Рассказывать о себе
ниоткуда и отовсюду,

В противофазе, со всех сторон,
не слева, не справа, не с фронта, не сзади:
Называется долгая (вечная (смертная)) память,
а ещё содержанье ума во аде.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

***

мы должны расселяться как плесень в сыре,
на весь земляной объем.
но живем почему-то, как плесень
на апельсине, снаружи
Я хочу, чтобы город беззвучный трёхъярусный,
Чтоб чернозёмный дом,
вот лопата, верёва, фонарь, ведро.
Нужно, ребята, ну же

Земляное моё непроглядное
тёплое мягкое чувство.
Надо вниз, надо вглубь, и ещё, и ещё,
чтоб убежище, чтобы укрытие.
Надо вынуть породу ведром на веревке,
пусть будет чёрно,
пусто.
Надо в землю скорее селиться
и рыть её
рыть её
рыть её
рыть её.

Пересечься

Стало у нас невесомое мясо, полые кости, тонкая кожа:
весь медленный тёплый ветер земли (она неоглядно большая)
сквозь нас протекает, мы ему не мешаем, не замедляем, не отклоняем –
не можем.

Сухая трава без имени, светло-серый конячий череп,
несколько километров степи по всем шести сторонам
ветер становится суше, теплее и крепче:
мы, как всегда, последние в очереди, но скоро и нам.
Только давай постоим уж сколько осталось,
разреженными телами обнявшись крепко, насколько можно.
Чувствуешь, как проникают сквозь руки руки, сквозь кожу кожа,
как вымывает горячим ветром радость, тоску, усталость,
череп лошадкин, наверно, не просто так череп, а как бы знак:
здесь начинаются или кончаются чьи-то уголья,
я ведь всегда хотел только с тобой и именно так –
не поверхностями соприкасаться, а пересечься всем телом, объёмом,

ПЛОТЬЮ.

Марина Герасимова

А на белом безрыбье ни ветра с соседних границ,
ни зелёной волны, ни ресниц, ни домашних синиц.
Ни кола, ни двора, ни кальяна на пёстром ковре,
ни тебя, моя радость, уснувшая в янтаре
между белых грудей у торговки вином и душой.
Обмани, нашепчи: будет всё, будет всё хо-ро-шо.
Будет солнце, и розовый город, и песни, и прыть.
Или белое море – на льдине столетие плыть.
Или просто палить на помойке священный костёр
и в него все излишки событий и братьев-сестёр,
и вынашивать фарс, как спустился спасатель в народ
перекраивать глобус и перекрывать кислород.

***

Ты мне цветок и я тебе цветок.
Столкнулись, как дрейфующие льды,
Смешались, словно запад и восток,
Под звуки наступления воды.
Нахлынуло. И мы на глубине.
Течением значение снесло.
Копыта исторических коней
Топтали пионерок и весло.
И спешивались девушки с коней,
И вскидывали спешно арбалет,
Чтоб целиться в того, кто всех родней,
Под звуки прорастания на свет.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

***

Отправимся в город (где небо, как мрамор)
с домами заплечными.
Найдёмся на кухне –
прокуренном храме –
с любимыми встречными.
Помянем всех тех, посмеёмся, поспорим,
накроемся ветром, накроемся морем
и музыкой...
Подтянется утро. За ним большегрузы.
По небу пройдут дождевые медузы
в Балтийское море, осеннее море...
Не стихнем, не вырем, увидимся вскоре –
на севере...

***

В сентябре
на пушистом ковре
каменеют остатки тепла.
Грязно-белый дождь и томатный сок
размывают границы стен.
Её нежное тело в прохладной воде
пахнет бромом и серебром.
Затупилась игла, задохнулась юла,
и совсем не осталось тем.
Кто умеет прощаться добром –
и архивы – в печь,
перед тем расступаются горы,
смолкает любая речь.
А тут... о прокисших жалеешь снах,
если нечего больше беречь.
От души до души
проросли камыши.
Я в болоте перрона по пояс
маши – не маши.
На короткие юбки меняю клеши –
от себя разве скроюсь?
В бирюзовом небытии
исчезают мысли твои,
тянут лапки усталые звёзды,
кончается поезд...

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Юлия Арямова

Плоский осколок воды углубляется вниз
Отраженьем берёзы,
Лениво свисающей в небо.
В нём сплин фиолетово-серый вливается плавно
В кипящую пену молочную эйфории.
И это виденье размытого рябью окна
Цепляет и тянет в себя,
Не давая упасть
В смешение чувств и цветов над моей головой
На неотражённых изменчивых небесах.

***

С беззащитной влажной почвы
Кожа снежная сползает.
Обнажаются травинки
Волоски,
Корней сосуды.
Высыхает и твердеет
Плоть земли
И солнца пальцы
Нежно гладят ломкий кокон
Вызревающего лета.

***

Когда-нибудь город тебя обнаружит
И скрутит жгутами улиц.
И всё, что ты видел в каменных сотах,
Увидит тебя в ответ.
Тебе не укрыться от этого взгляда,
От восковой заботы –
Ты будешь спасён
И любовно нанизан
На внутренний стержень жизни.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

Вера Дорошина

***

В поперечном разрезе время –
именинный слоёный пирог,
начинённый памятью, вязкой тенью
всего того, что удержать не смог –
здесь коллекции старых марок, значков, пластинок,
сухие кленовые листья между страниц,
в километрах мерцающей паутины
бьются крылышки полуистлевших лиц,
а на поверхности – циферки, имя, пламя
и – под разрезавший воздух звенящий смех –
ветер загадываемых желаний:
Счастья.
Даром.
Для всех.

***

Наподобие подкованной той блохи,
скачи впотьмах, вне добра и зла,
танцуй, дружок, от своей сохи
по углям от угла до угла
чёрного своего квадрата
по периметру пепелища
родимого зиккурата.
Да и обрящет ли тот, кто ищет?
Вот и люби только то, что есть,
безнадёжно и безответно.
Поцелуями отполируй свой крест...

В узкой полоске скупого света
бьётся, слабея, благая весть.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ

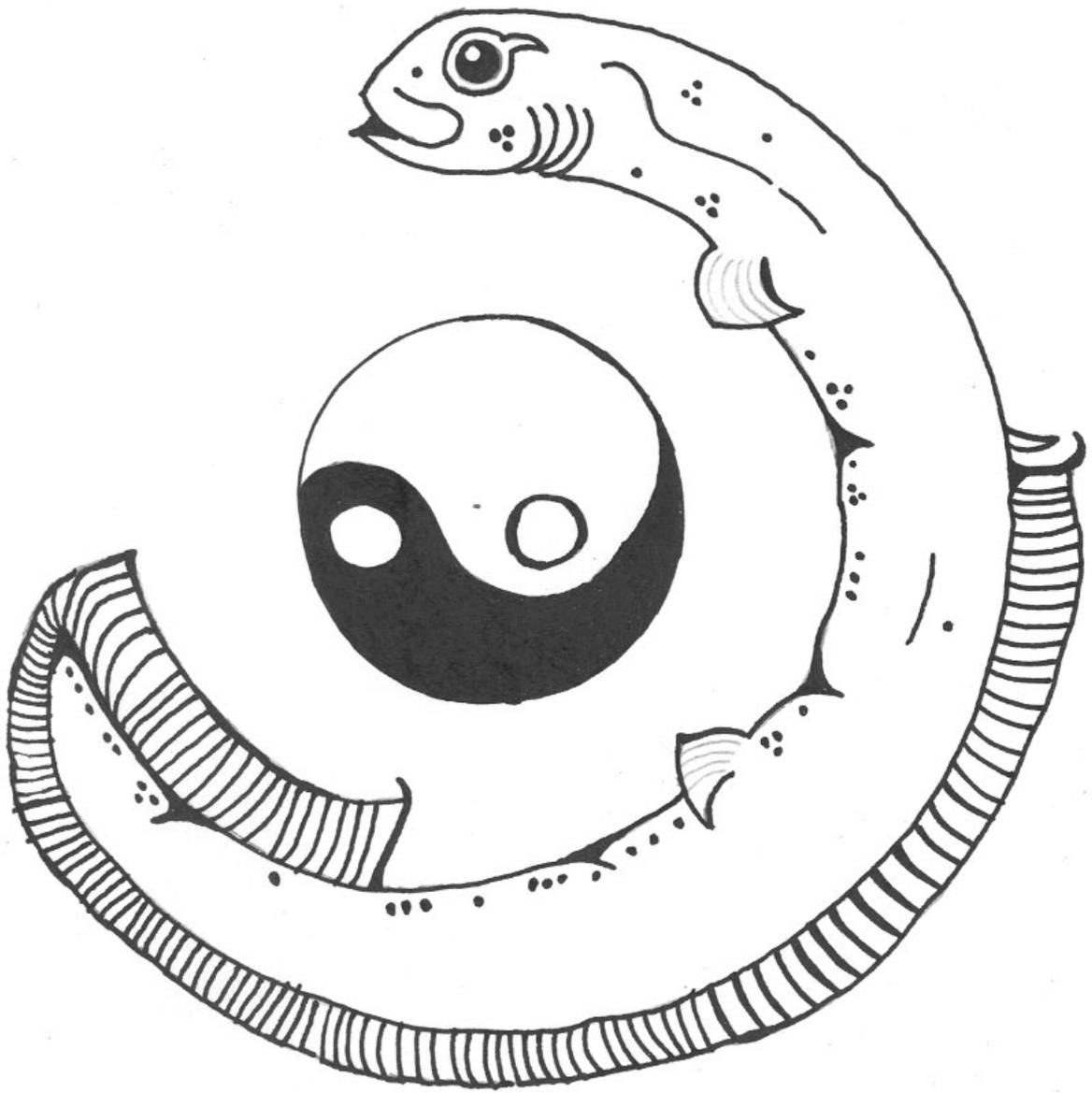

***

Из разного теста, из разных текстов,
хотя кажется: единая биомасса,
то же время и то же место,
тот же набор стандартных масок,

поз, универсальных действий,
чтобы собой заполнять пустоты –
каждый из нас церемониймейстер
в этих богом забытых сотах, –

слеplены в неуклюжий коллаж, кожа к коже,
одного прихода, поля, насеста,
но всё-таки, всё же, всё же
из разного теста, из разных текстов.

ПОСТСКРИПТУМ

Фрагменты

И.Ю.

Писатель Игорь Юганов, который часто подписывался псевдонимом И.Ю., прошел земной путь быстро и не слишком заметно. Несколько прижизненных публикаций в московских журналах не сделали его имя особенно популярным, однако, были замечены некоторыми поэтами и критиками. После ухода из жизни Юганова опубликована пока одна большая книга, фактически «Избранное», с необычным названием «Бога почти нет». В книге: проза, поэзия, афористика, эссе, фрагменты, пьеса и опыты вне жанров. Мои сегодняшние рассуждения относятся к этой, достаточно внимательно прочитанной книге, которая стала для меня настоящим открытием.

Поэтика Юганова – вечный поиск точки, где встретились бы мысль и чувственный опыт. Его произведениям свойственно сосредоточенное внимание к внутренним движениям, появляющимся и из прочтенного или услышанного, и из внезапных интуиций, озарений, часто не укладывающихся в слова. "Знания измеряются не объемом, а остротой вызываемого ими переживания". Литература, по Юганову, – это не просто писание слов на бумаге, а способ человеческого осуществления и средство его самоизменения. "Всякая работа – это не только то, что делает некто, но и то, что делается с ним в течение этого делания. Хорошо сделана только та работа, которая хорошо сделана в "обе стороны".

Юганов – мастер афоризма. Он в очередной раз показал, что афоризм может быть написан на русском изначально – не как стеб Козьмы Пруtkова или размытый лирический фрагмент Розанова, но как острый рациональный укол интеллектуала или как восточный узор прекрасной словесной ткани. Эта литературная форма – фрагмента, афоризма, силлогизма – самая точная при работе мыслителя, пытающегося зафиксировать ускользающее время и мысли о нем – ускользающие, сиюминутные, стремящиеся вглубь.

Лучшие афоризмы Юганова вызывают в памяти творения Ницше, Шамфора, Хуна Цзычена, Новалиса, Акутагавы, Вовенарга, Краусса. Его афоризм – европейский по происхождению и модернистский по форме (модернизацию афоризма начал Ницше, сделав парадокс и неравновесие основой, взрывающей содержание формой), однако, в нем неуловимо присутствует нечто национальное, русское, внерациональное. В основе югановских силлогизмов – хрупкое

ПОСТСКРИПТУМ

равновесие неустойчивых единиц. В основе эмоции – гармония нашей древности, неспешность и вдумчивость, понимание цельности мира плюс современный бешеный стиль существования в эру смешения верований и предрассудков, традиций и новшеств.

Юганов – плоть от плоти своего времени – 70-х–90-х годов 20 века, он безусловный, хотя и неосознанный, постмодернист. Следствием этого является поразительное жанровое разнообразие. В книге «Бога почти нет» встречаются: афоризмы и максимы, парадоксы и силлогизмы, маргиналии и интроспекции, коаны и поучения, притчи и моралите, философские миниатюры и изысканные каламбуры, интеллектуальные загадки и логические головоломки... Фрагменты И.Ю. частенько кажутся непонятными, заумными, многоуровневыми. Юганову близки эссе-матрешки Борхеса, дзенские коаны, языческие заклинания, набоковские игры с читателем. «Литература – лицедейство, опосредованное лишь материальным носителем текста. Поэтому переписка с литератором напоминает беседу с актёром: трудно бывает определить, с каким из персонажей в данный момент приходится иметь дело» – пишет он.

Югановский фрагмент из 2-5 предложений – сложный симбиоз законченности и незавершенности. Он выдумал собственный жанр – «телеги и гномы», который зачастую тоньше и современнее иных способов философствования. «Телеги и гномы» – жанр на грани философии и литературы, с примесью несомненной иронии. Югановские фрагменты напоминают то ли наркоманские загадки, то ли эзотерические откровения, то ли софистические парадоксы. Мысль становится ареной театральной постановки. Афоризм как акт режиссерской воли автора. Игра масок, мнимые утверждения, неожиданность вывода и эссеистские прыжки в сторону. Некая «веселая наука» Ницше или парадоксы Карла Краусса, набоковские намеки читателю, не поддающиеся логике дзенские коаны, наставления Чжуан-Цзы, игры с культурой Сигизмунда Кржижановского или Гая Давенпорта.

Юганов продолжает линию мыслителей, задающих тексту сразу несколько смыслов, несколько уровней, воспринявших проблему соотношения автора и текста, автора и персонажа. Юганов говорит как Автор, явно осознавая, что авторство его судьбы отчасти определяется более высоким авторством, порождает цепочку меньших авторов. Кто подлинен в этой загадочной игре под названием литература? Случай, мастерство, древние и новые авторы, удача, вдохновение, язык – все это плотно входит в созданный писателем текст. «К счастью, природа творчества независима от слагаемых в текст элементов. Каковы бы они

ПОСТСКРИПТУМ

ни были, конечная задача – не отбор, а провоцируемый им спазм духа, судорога, подземный толчок, который подбросит отобранное, и раз и навсегда уложит в целостную устойчивую структуру».

Постмодернисты выявили довольно серьезные свидетельства в пользу отсутствия авторства у любого текста. Им показалось, что автор умер. Однако И.Ю. смело бросается в бой с постмодернистскими тезисами, убивающими в нас независимость и оригинальность: смертью автора, торжеством симулякров, жизнью как текстом и тотальной центонностью и несамостоятельностью мысли и слога. Он пишет: «Критики современной цивилизации по-своему правы. Но хорошему танцору даже цивилизация не мешает». При этом мысль самого Юганова действительно не вторична, он мыслит вполне оригинально, свежо. Как все хорошие мыслители, он больше смотрит на сам мир, а не на чужие мнения о нем.

Тем не менее, соблазн всех мистиков, эзотериков, поклонников Кастанеды и т.д. – постоянно присутствует в творчестве И.Ю. В Юганове живо стремление преодолеть несовершенство материального устройства мира и человека при помощи совершенной стилистической конструкции. Сильным Словом он хочет нащупать вневременное, твердое, несокрушимое в бытии. Отсюда его интерес к заговорам, магическим словам, внушениям, тантрическим и медитационным практикам: «Если отношения с каким-то аспектом реальности не замутнены, желание влечёт за собой его исполнение с необходимостью материальной причины. Стоит сильно захотеть, скажем, быть с женщиной или прочитать книгу (и – важное условие – забыть об этом), она со временем обязательно окажется доступной».

Юганов, безусловно, великолепный стилист, однако, слово для него не самоценно, т.е. не играет роли чисто эстетической, а является орудием в борьбе – только вот с кем, с чем? Скорее всего, с природной необходимостью смерти, с несовершенством плоти, с человеческой посредственностью, с тяжестью бытия. Юганов искал независимой позиции в мире, выхода за привычные социальные и любые иные рамки. В этом желании нет ничего странного. Вообще-то, без этого желания невозможно создать ничего сильного, ни в литературе, ни в жизни. Однако, в концепцию свободы Юганов вкладывает совершенно особый смысл. Свобода понимается И.Ю. скорее как умение увидеть необходимость. Например, в литературе автор может быть свободен только в пределах жестко очерченных рамок.

ПОСТСКРИПТУМ

Юганов несколько отличается в этом от своих современников – писателей конца двадцатого века. Блестящий индивидуальный стиль понимается И.Ю. как слишком поверхностная задача для писателя; гораздо больше его беспокоит реальный эффект написанного слова – буквальное вторжение в судьбу читающего. Наблюдать за узорами ярчайшей словесной ткани повествования Юганову кажется малоинтересным. Обобщение самого значимого опыта или выражение выстраданной или выношенной мысли возможна в форме максимально открытой, прозрачной, но обостряющей восприятие, заставляющей начать духовное движение. Результат работы хорошего стилиста – лишь созерцание читателем его прихотливой техники письма, а этого Юганову мало. Его вдохновляют примеры дзенских и чаньских притч, русских сказок, в которых сообщение сразу приводит человека к пониманию истины, к поступку, к просветлению. «Не для того сказка, чтобы ложь рассказывать, как правду, а для того, чтобы правду рассказывать, как ложь».

При этом умница И.Ю. не понял одной крайне простой вещи – человек, узнавший так много, как он, умноживший многократно свои знания в различных сферах жизни не может быть столь непосредственным в письме, как древние, менее начитанные авторы. Магия воздействия доступна лишь тому, кто безусловно верит в непогрешимость, единственность и абсолютность открывшейся ему истины.

Юганов же использует в своем сообщении весь современный арсенал гуманитарных наук – психологию, литературоведение, философию, лингвистику, социологию, историю, культурологию, театроведение, антропологию, эзотерику. Грубо говоря, книга «Бога почти нет» – это записная книжка эрудита, книжного человека, современного интеллектуала. Вот мини-эссе о возможности написания русского романа в манере Пруста, вот рассуждения о мнимом косноязычии поэтов, вот раздумья над томом Сведенборга, вот телега о легковесности писателя в жизни, вот текст о трансформации метафор, вот фрагмент о невозможности земного блаженства и тайных смыслах повседневных дел.

Читатель у этой книги, соответственно, тоже непростой. Книга для всерьез грамотных (как написано в аннотации книги) подразумевает, что ее читатель уже прошел какой-то путь познания – истины или жизни, путь интеллектуальный, чувственный или мистический. И вот в определенной точке времени (и пространства) он встречается с книгой И.Ю. Вряд ли стоит надеяться на то, что это неизбежно – у каждого своя Встреча со своей Книгой. С книгой Юганова встречается лишь тот, кто немного не доверяет обыденной реальности,

ПОСТСКРИПТУМ

устойчивой, общей, якобы точно установленной наукой и нашими органами восприятия. В чтении всегда есть нечто магическое, волшебное. «Книга – особенный дом на опушке леса, куда приводят ребёнка и где его оставляют одного, чтобы он узнал там некоторые страшные вещи и потом, когда узнает, вернулся».

Юганов, как древний викинг, считает жизнь испытанием, боем, вызовом. Чем можно ответить на вызов? Только принятием вызова! То есть на вызов диктатуры государства отвечают свободой существования, на вызов любви или ненависти – любовью или ненавистью, на вызов экзистенциальных вопросов – глубокой книгой. Все, однако, не так просто. Постиндустриальное общество породило такое количество симулятивных объектов, симулякров, что и вызов может быть ложным. Предчувствием такого поворота событий наполнена вся лучшая литература начала 20 века, вспомним хотя бы классический рассказ Франца Кафки «Сельский врач»...

Современный «мир» взывает к нам: Возьми от жизни все! Купи Седан! Голосуй сердцем! Есть перерыв – есть Кит-Кет! Звони и покупай прямо сейчас! Юганов предчувствовал эпоху тотальной трансляции псевдовызовов и знал, что в большинстве случаев нас дурят и предлагают считать вызовом явно подложные вещи. Каждый человек должен обнаружить свой подлинный бытийный вызов: встретить своего Сфинкса, побежать за своим Белым Кроликом, встретить свою тень Отца, поплыть к своей Трое.

Главная опасность человека не в том, чтобы пойти за судьбой – это-то как раз и есть счастье, то есть исполнение своего предназначения. Опасность – пойти на неподлинный зов, услышать звук ложного колокольчика, пропасть в пустыне неподлинного. Кафка, Свифт, Ницше и Рембо по разному решали этот вопрос, но все они сомневались в возможности не ошибиться. Ошибка слишком часта. Она почти неизбежна. Есть лишь один шанс из тысячи, что мы пойдем правильно.... Однако, принимать решение и идти все-таки надо!

Известно давно, что мы, люди, обладаем ничтожными знаниями, а чтобы сделать верный выбор, нужно иметь представления о Законах этого Мира, то есть иметь знание, которое всегда отстаёт от нужного часа принятия решения. Ограниченность наших знаний, ложная уверенность в связности и правильности своей жизни, ложь нашего существования могут быть выявлены в любой миг. Некоторые силы заведомо сильнее человеческих, вернее, наше бессилие даёт шанс некоторым силам бытия соблазнять нас и смешивать подлинное и неподлинное. Вспомним хотя бы софокловского Эдипа или Кириллова из «Бесов» Достоевского.

ПОСТСКРИПТУМ

И.Ю. находит выход в том, что погружается в мир слов, пытаюсь отыскать Слово. Но почему? Разве не догадывается он, что и в литературе вполне возможны подлог и подмена? Догадывается, конечно! Однако, в литературе всегда игра более честная, как часто еще в спорте или раньше на войне – а именно – есть ты, и есть твое понимание подлинности. Если ты создаешь произведение, где действительно Подлинные вещи названы Подлинными – ты выигрываешь, если следуешь ложным путем всяческих подмен и псевдособлазнов – ты выигрываешь только локально, только внешне (то есть проигрываешь), не затронув в себе и в других по-настоящему живых, важных и настоящих струн.

Еще одно слово, применимое к творчеству И.Ю. – сакральность. В его текстах есть ощущение присутствия в мире тайны, скрытого участия, доброго взгляда. Подлинность этого мира и удостоверяется этим живым присутствием Высоты, невидимым и оттого таинственным, а доверие к миру (вспомним Лао Цзы) основывается как раз на том, что Тайна эта – не злобная, враждебная к человеку, а доброжелательная, теплая, светлая. С таким ощущением можно жить и можно умирать – покой и благодать всегда окажутся с тобой. Неожиданный на первый взгляд уход Юганова из этого мира может являться знаком такого доверия – смерть не может ничего уничтожить, отнять у нас.

«Жажда – это так глубоко внутри, что пить бесполезно». Я смотрю на написанное, и мне кажется – я почти ничего не сказал о сути произведений писателя. Но я не могу сказать больше сейчас – я все еще читаю книгу «Бога почти нет», пытаюсь снова и снова понять – о чем пишет автор? Знаю только одно – сейчас, спустя десятилетие после ухода Юганова, он все больше и больше проявляется, выходит из своей жизненной тьмы, проявляется четко, уже став тенью. «Художник в жизни легковесен. Тяжесть, выпадающую на его долю, он тратит на противовесы для своих произведений – иначе они не полетят». Появление книги «Бога почти нет» лично для меня отодвигает в сторону многих популярных в 90-е годы прозаиков, считавшихся успешными и популярными. Мне кажется, это справедливо. Конечный эффект от текстов писателя будет виден только спустя какое-то время, а то, что Игорь это знал, подтверждает фраза: «Каплей смолы из пореза – не сразу – появляется слово. И через тысячу лет одна из тысячи капель, возможно, станет янтарной». Он угадал – многие созданные им тексты сохранили и живую эмоцию, и свежесть мысли. На наших глазах И.Ю. вырастает в одну из ключевых фигур русской литературы на границе двух тысячелетий.

Сергей Сумин

ПОСТСКРИПТУМ

И.Ю.

Из книги «Бога почти нет»

29

Созерцание полезных ископаемых в недрах собственного сознания – занятие приятное и необременительное. Их извлечение – тяжёлый и неблагодарный труд: инсайты и сны, так же как и золото, имеют преимущественно условную ценность.

9.

Легко просыпаться с мыслью о смерти. Но засыпать трудно.

14.

Тёзки и однофамильцы тех, с кем был близок в прошлом, – рифмы, ритмически организующие биографию.

53.

Пьянство связано с субъективным временем. Например: скучные, томительные периоды слишком длинны по сравнению с ходом часов, и человек, одолживший не нужное ему время, вынужден вернуть его во хмелю мгновенным перескоком стрелок. Он может и не делать этого, но время всё равно будет отобрано (отодрано) болезнью или иначе, но об этом не хочется думать.

45. Инсектицидная этика

У таракана есть крылья. Это известно каждому, кому случилось таракана раздавить. Тому, кто раздавил таракана, не задумываясь: это следовало сделать.

Тому, кто задумался: не делай этого.

Человек, сначала раздавивший таракана, а потом усомнившийся в целесообразности своего поступка, может утешиться тем, что прослывет совестливым.

13.

Современный автомобиль – материальное воплощение чеховской идеи футляра, почти такое же совершенное, как гроб.

ПОСТСКРИПТУМ

172.

Если отношения с каким-то аспектом реальности не замутнены, желание влечёт за собой его исполнение с необходимостью материальной причины. Стоит сильно захотеть, скажем, быть с женщиной или прочитать книгу (и – важное условие – забыть об этом), она со временем обязательно окажется доступной.

Ответ на вопрос, как достичь гармонии в отношениях с кем– или чем-либо, одновременно сложен и прост: нужно полюбить это (к трём разновидностям любви, различаемым в древнегреческом языке, можно добавить ещё одну: любовь-знание – и сейчас я имею в виду именно её). Скажем, люди, страдающие от хронического недостатка денег, как правило, просто недостаточно любят их – не знают и не хотят знать законов их бытования.

Сейчас издаётся всё больше хороших книг. Может быть, это вызвано тем, что у многих сложились такие отношения с книгами, которые при прежнем порядке не могли реализоваться, – вот порядок и изменился. Странная мысль. Но уж такова специфика представлений о духе, что любое утверждение бывает и верным, и неверным – в зависимости от того, как настроена внутренняя оптика наблюдателя. Утверждения, не обладающие этим свойством (например, данное) к указанной сфере не относятся.

22.

Когда засыпаешь, мысли, как ручные рыбы, сами просятся в руки. Но в этот момент трудно бывает всплыть, чтобы вытащить добычу на берег

44. Метаморфозы

*

Понятие родины формируется в тот момент, когда возникает институт изгнанничества (помянем Овидия). Родина – это место, в которое нельзя.

*

Музыка станет травой, трава делается кактусом, кактус превратится в цианид, который обернётся музыкой.

*

В сущности, единственное место, в которое по-настоящему нельзя, это и есть музыка.

ПОСТСКРИПТУМ

26.

Книга – особенный дом на опушке леса, куда приводят ребёнка, и где его оставляют одного, чтобы он узнал там некоторые страшные вещи и потом, когда узнает, вернулся.

10

*

Область пересечения грязной музыки и чистого полового акта является танцем.

*

Танец, совершаемый без зрителей, – это уже не танец, а либо ритуал, либо беспутство. Впрочем, танец и есть ритуал (и беспутство), совершаемый в присутствии зрителей.

*

Всякий путь, куда бы он ни вёл, – это танец идущего вокруг самого себя.

*

Критики современной цивилизации по-своему правы. Но хорошему танцору даже цивилизация не мешает.

23.

Вдохновение – такое состояние художника, в котором он творит присущий искусству обман, не замечая этого. Сначала автор обманывает себя и только потом – своего адресата.

16. Тест

«Сердце, часы, соитие, море, колыбель».

«Часы» – единственное, что хочется вычеркнуть. Значит, окончательно потеряно только время.

7.

В творчестве старше то, что родилось позже.

ПОСТСКРИПТУМ

13.

Ты такой, как ты сейчас сказал, а не такой, как ты потом подумал.

13.

Всего полшага в прошлое языка, и различить Савёловский и Павелецкий вокзалы уже невозможно.

134. В духе Вен. Ерофеева

С похмелья невозможно быть умным, для этого просто не хватает сил. Зато с похмелья, когда в зеркале отражается не более чем организованная материя, — в этом состоянии людей иногда осеняет подлинная мудрость.

Пьяный же человек, наоборот, часто бывает умён и проницателен (раз ему так кажется, значит, так оно и есть), но никогда не бывает мудр.

Выходит, ум не нужен для мудрости, так же как и мудрость не нужна для ума. Это противоположности, утро и ночь, а значит, и мост между ними — сон пьяного человека — проходит через другое измерение.

Пытаясь понять, почему люди пьют, надо не упускать из виду мост и чуждые этому миру и потому немедленно забывающиеся видения, которые ожидают трезвеющего на этом мосту.

Трезветь же бодрствуя — значит, нарушать естественный порядок вещей, а головная боль и помутнение радости — расплата за нарушение.

6.

Дети, запишите предложение: «Записывают, чтобы забыть».

11.

Мужчина — это опасно. Во всяком случае, на этом настаивает японская проза.

ПОСТСКРИПТУМ

6.

Не жалуйся горбатому на свою сутулость.

68. Апология времени

Время вредно. Для тех, кому хорошо, слежение за временем ускоряет его, а для тех, кому плохо, – замедляет. Поэтому из психогигиенических соображений само понятие времени следовало бы упразднить. Но нам нужны знаки – чтобы засыпать и просыпаться, пить чай и браться за работу, умирать и, скажем, воскресать. Все выродились, став точками на диахронной оси. Ньютоново время – знак унификации и деградации знаков, и в этом качестве оно необходимо.

28.

Литература – лицедейство, опосредованное лишь материальным носителем текста. Поэтому переписка с литератором напоминает беседу с актёром: трудно бывает определить, с каким из персонажей в данный момент приходится иметь дело.

30.

Пафос как прямая апелляция к ценностям приемлем в публицистике, политике и метаполитике (идеологии). Невозможно отрицание пафоса, не приводящее к его уничтожению, поэтому в качестве положительного приёма в искусстве он непригоден.

40.

Всякое произведение, не являющееся эпигонским, самим фактом своего появления хотя бы слегка изменяет представления о жанре, в котором оно создано. Жанр, так же как и человек, жив лишь до тех пор, пока, оставаясь самим собой, он сохраняет способность к изменению.

68.

Лирический герой – та часть личности автора, на которую возлагается ответственность за написание текста.

ПОСТСКРИПТУМ

Герой мой – танк мой. Я – в броне его тёплого уязвимого тела – управляю его действиями и жестами, смотрю из щелей его глаз, слушаю сквозь его уши, обоняю сквозь ноздри и направляю туда, где страшно. И пока эта плоть будет мучительно умирать, я успею спастись, ускользнуть через темя, всегда размягчённое, ибо запрет говорить воплощён в передавленном горле.

10.

Русский Петрушка, несмотря на ампула белого клоуна, парадоксально рыж мастью.

19.

Каплей смолы из пореза – не сразу – появляется слово.

И через тысячу лет одна из тысячи капель, возможно, станет янтарной.

Творчество авторов литстудии ВУиТ

Литературная студия Волжского университета им. Татищева образовалась осенью 2006 года. По сей поры ее существование поддерживается группой молодых и не очень авторов, которые собираются каждую субботу в кабинете 215. На занятиях обсуждаются классические тексты, анализируются стихи и проза современных авторов, сообщаются новости и т.д. Частенько студийцам предлагаются творческие задания. На одном из занятий студийцам было дано задание написать небольшое эссе в стиле французского писателя Мишеля Турнье. Образцы текстов мы могли почести в его книге «Зеркало идей». Вот что получилось у авторов литстудии ВУиТ.

Константин

Борода и бритва

Великое вековое противостояние, битва не на жизнь, а на смерть. Эта война началась в первобытной глубине человеческой души. Осознать себя творцом или обожествить природный хаос? Солнце Египта озарило мрак древности, и первые волосы упали на землю! Но заросшие патриархи Авраама противопоставили длиннородого бога сынам Осириса. Моисей предпочёл пустыню плодородному Нилу. Внезапно Александр, вечно юный бог, не мог быть бородатым старцем. Мир покорён – молодость победила, и Цезарь вслед за своим кумиром становится богом, сбривая волосы не только на лице, но и на всём теле. Легионеры, патриции, гетеры, весь мир объявил растительность варварством! Вдруг в Галилее появляется мессия с жиденькой бородкой, предвестник средневековой тьмы, и вся Европа опять начала обрастать, боги исчезли, их место заняли мученики, и так до Возрождения. Возрождение началось с бритвы! Пётр Великий понимал это лучше всех. Эпоха чистых лиц заканчивалась Наполеоном. Его невозможно представить с бородой, он – воплощение богочеловека, он выше природы! Взлёт и падение империи. Бакенбарды, усы и вновь бороды. Деятнадцатый век рождает бородатых пророков, мир на пороге великой войны! Социализм против фашизма, Ленин против Муссолини. Сексуальная революция смела растительность с молодых тел как гендерный признак. Наука победила природу, но вера жива!!! В бородах мусульманских эмигрантов и европейских дегенератов. Надвигается новая эпоха. Где те легионы бритв, которые сокрушат эти бородатые орды? Кто подобен ЗВЕРЮ, кто может с ним сразиться?

«Гильотина – это национальная бритва». Эбер

Слава Трошин

Звезда и планета

Звезда больше планеты, у звезды больше массы, тепла, света. Планета зависит от звезды больше, чем звезда от планеты. Звезда в этом отношении независима. Может быть, планеты это дети звёзд, их производные? Звёзды и планеты это шары, большие, гораздо больше, чем шарик для пинг-понга. Звезда и планета постепенно остывают, так говорят, но как это проверить? На моей памяти, а живу я на одном месте планеты уже много лет, зимой всегда снег, а летом снега нет. А на ледниках и полюсах я не бывал и не могу сравнить, сколько там было льда 50 лет назад и сколько сейчас.

Per aspera, ad astra. Через тернии к звёздам. А может, планета и есть терние? И через планету человек стремится к звезде?

Что в человеке звезда, что планета? Планета в человеке это система дыхания, кровообращения и прочие, а так же мускулатура скелет и прочее. А звезда в человеке: разум, эмоции и прочее.

Ты морячка, я моряк.
Ты рыбачка, я рыбак.
Я планета, ты звезда.
Есть водный транспорт,
А есть поезда.

Подлинная звезда рождается из хаоса.

Анна Билетченко

Роза и ромашка

Роза – воистину Королева Сада. Изящная красота и гордая стать этого дивного цветка пленит сердца. Миллиарды роз принесены в жертву цветочной индустрии. Влюбленные юноши отдают с трудом заработанные первые деньги, чтобы покорить сердце возлюбленной. И вот тут кроется западня... Одна девушка восхищенно ахнет, увидев прекрасный цветок. А иная с сожалением вздохнет – ей милей простая грация ромашки. Эти цветы она вплетает в волосы на солнечном лугу. Ромашка расскажет ей, любит или не любит ее избранник. Ромашка летняя, свободная, живая... Ее не так легко найти в цветочном магазине. Придется подождать, когда наступит нужное время. Да и те цветы будут специально выращенные. Эрзац. Настоящую луговую ромашку не купить. Для этого цветка надо наполниться искренностью и простотой.

"...Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький Принц, чтобы лучше запомнить"

Самолет и поезд

На самолетах передвигаются люди, ценящие комфорт, время, у них есть цели, деньги... они держат путь в далекие края, охраняемые горами, пустынями, морями.

Поезда выбирают неспешные романтики, чтобы насладиться душевными полуденными разговорами со случайным попутчиком, ритмичным позвякиванием ложечки о подстаканник в такт музыке рельсов и размеренному стуку колес. А еще... На самолете страшно летать. И плевать, что каждый день передвигаясь на маршрутке, рискуешь в разы больше. Это земля, это близко. А с самолета куда деваться? Никуда. Плевать на статистику, страшно и точка. Самолеты априори для смелых. Вы видели выправку пилотов? Это особые, вышколенные, четкие, как приборы управления, надежные люди. Хотя и они не лишены романтики... Мало кто помнит сейчас, в век электронных технологий, как пилоты почтовых самолетов в любую погоду, с риском для жизни пересекали небо над морями, скалами, непокоренными землями для того, чтобы вовремя доставить корреспонденцию. В этом был особый смысл... Сейчас многое изменилось. Внешне. Но отношения между людьми остались прежними. В самолетах и поездах бегут они от одиночества или стремятся к свободе. Каждый выбирает свое.

Ручка и карандаш

Шариковая ручка... Маленькое продолжение руки. Звучит мягко, округло, так и ощущается, как при нажиме проворачивается шарик, окуная свои бока в пасту, оставляя нестираемый след. Ваш почерк, ваш характер остаются на бумаге в веках, ведь рукописи не горят.

Остро-отточенный графитный Каран-Даш. Черный Камень. Это что-то непреклонно прямое, резкое. Вряд ли вы напишете карандашом роман, но наверняка учиться рисовать всевозможные скетчи, портреты и натюрморты будете именно им. Карандашом вы создадите самый безупречный чертеж, его и в космос с собой возьмете!

Уверенно работается карандашом, ведь всегда есть право на ошибку – ластик сотрет все погрешности.

Бумага стерпит все.

Алина Науменко

Чай и кофе

Люди любят противопоставлять друг другу чай и кофе. Оба с Востока, один из Китая и Индии, другой – из Турции. Чай европейцы приняли почти сразу, а с кофе пытались бороться. Европейское духовенство пыталось запрещать его под предлогом «пагубного влияния ислама на души христиан». Но и в мусульманских странах за употребление кофе виновному могли отрезать язык или даже казнить! Горький, черный, как сама ночь, вызывающий странное состояние бодрости, он, тем не менее, все же стал любимым напитком во всем мире! Уступая только чаю.

В Россию чай, как и кофе, привез Петр Первый, и он сразу завоевал популярность. Его цвета зеленый и красный, как янтарь (хотя его почему-то называют «черным»). Мягкий, успокаивающий, проясняющий разум. С ним можно начать день, а можно его и закончить, тогда как кофе годится только по утрам (как бы в рекламах не стремились показать обратное). Кофе резко и грубо выдергивает человека из состояния сна и гонит на работу. Говоря о нем, почему-то представляешь бизнесмена, руководителя или сотрудника преуспевающей фирмы, которому всегда нужно быть сосредоточенным, которому некогда пребывать в мечтах или размышлениях. Кофе безжалостен к человеку, от того и проблемы с сердцем – неразлучные друзья кофеманов. Чай же – друг людей спокойных, склонных к мечтательности, созерцанию. Что вы нальете в чашку, если к вам пришел друг? Доверительные разговоры за чашкой кофе – хм, сомнительно. А за чаем – сам Бог велел. Чай присутствует на картинах, а кофе – только в рассказе Бунина «Второй кофейник», где показано, как мир безжалостно обходится с девушкой Катькой. Мир жестокий, безжалостный и равнодушный, как сам кофе.

Scum Swamp

ТСХ & Зелёная лампа

Солярис – как много в этом звуке: и высокое убеждение правления ТСХ в необходимости предоставления слова всем живым, не имеющим работы и в связи с этим считающими себя поэтами, и волшебные запахи, олицетворяющие поэзию, и мат как самоцель молодых львов (по БГ). Солярис – закрытый и открытый для всех рифмующих.

Зелёная лампа, распугавшая всех сколь-либо нетрадиционных, необычных, интересных, пытающихся понять ближнего своего. Элитарное феминячье лежбище для врагов рифмы и п. 2 ст. 29 К РФ. Детище похожего на Rag'n'BoneMan лишь бородой и похожей на обительницу Победы всем, кроме глубины и ценности.

И непобедимых монстра нашей поэзии – такие разные, но такие далёкие.
«Придите ко мне страждущие и я успокою вас» Евангелие от Матфея

Роман Полуэктов

Сегодня и завтра

"Завтра" – удивительный мир, в котором всё наверняка, и так, как должно быть. Завтрашний мир – успешен и лёгок; не трудно именно с завтра что-то начинать, но этого мира нет. Он невесом и безупречен, потому что это – мечты. Мечты всегда воздушны!

"Сегодня" – иной мир, – борьбы и труда, где уже не так легко уживаются легкоккрылые мечты, который не так приветлив и уютен для иллюзий, место, в котором нередко тернии и камни, но этот мир "Сегодня" – единственный и настоящий, и завтрашний мир станет "Сегодняшним", станет синицей в руке. Синица и журавль!

"Сегодня" – синица, "завтра" – журавль, да и то, прилетит ли этот журавль завтра...

Бог и раб

С кем мы имеем дело в себе? Бог ли он или раб?

Нам твердят сотни лет, что человек – раб божий, что он ничтожно мал, что он – червь и прах. Кому нравится быть рабом? Не от рабства ли бежит всё живое? Не к освобождению ли?

История Человека начинается не с его рождения, а задолго до этого: непрерывное развитие материи с самого Начала, с Большого взрыва, и возраст Человека – 13,7 миллиардов лет! Представь свой такой возраст!

В процессе эволюции материя Вселенной настолько усовершенствовалась, что смогла сама себя осознать, и свершился разум, и это – Человек! Представь, что Человек – вершина и венец эволюции, разумная форма материи! И этот Человек – Ты, читатель.

Хорошо об этом заметил американский астроном Карл Саган: "Космос есть внутри нас, мы сделаны из звёздного вещества, мы – это способ, которым Космос познаёт себя", а В. И. Ленин произнёс свою знаменитую фразу, объясняющую всё происходящее вокруг: «Картина мира есть картина того, как материя движется и как материя мыслит», и подытоживает эту идею Фридрих Энгельс: "Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных "богов"..."

Читатель, Тебе решать, кто Ты, но даже трава стремится к свободному росту, а Ты – не трава, Ты – наивысшее, прекраснейшее произведение эволюции, Ты – Человек!

Проза и Поэзия

Проза – речь повседневности, борьбы, выживания. Она многогранна, как летний лес, в котором всё сливается в одну картину, но если прислушаться, приглядеться – заметишь редкий цветок или услышишь трель соловья, звучание родника... – редкость!

Это – Поэзия!

Язык Лирики иной, это – язык Богов, как заметил И. Тургенев. Удивительная форма отражения действительности, которая чарует и проникает глубоко в составы человека.

Проза – разнообразна, и нередко становится поэтичной в руке мастера Слова, но Поэзии не к лицу становиться прозаичной, тогда Поэзия перестаёт быть собой.

Сергей Сумин

Велосипед и машина

Велосипед создан для тихих неспешных прогулок. Владелец этого чудесного железного коня готов разъезжать по городу и окрестностям час, два, три. Обычно велосипедист никуда не торопится!

Машина – это стремительность. Поездка в ней больше напоминает гонку, чем передвижение. Быстрее, еще быстрее – вот кричащий лозунг машины. Но там, где скорость – там конкуренция. Водители машин готовы убить друг друга на трассе.

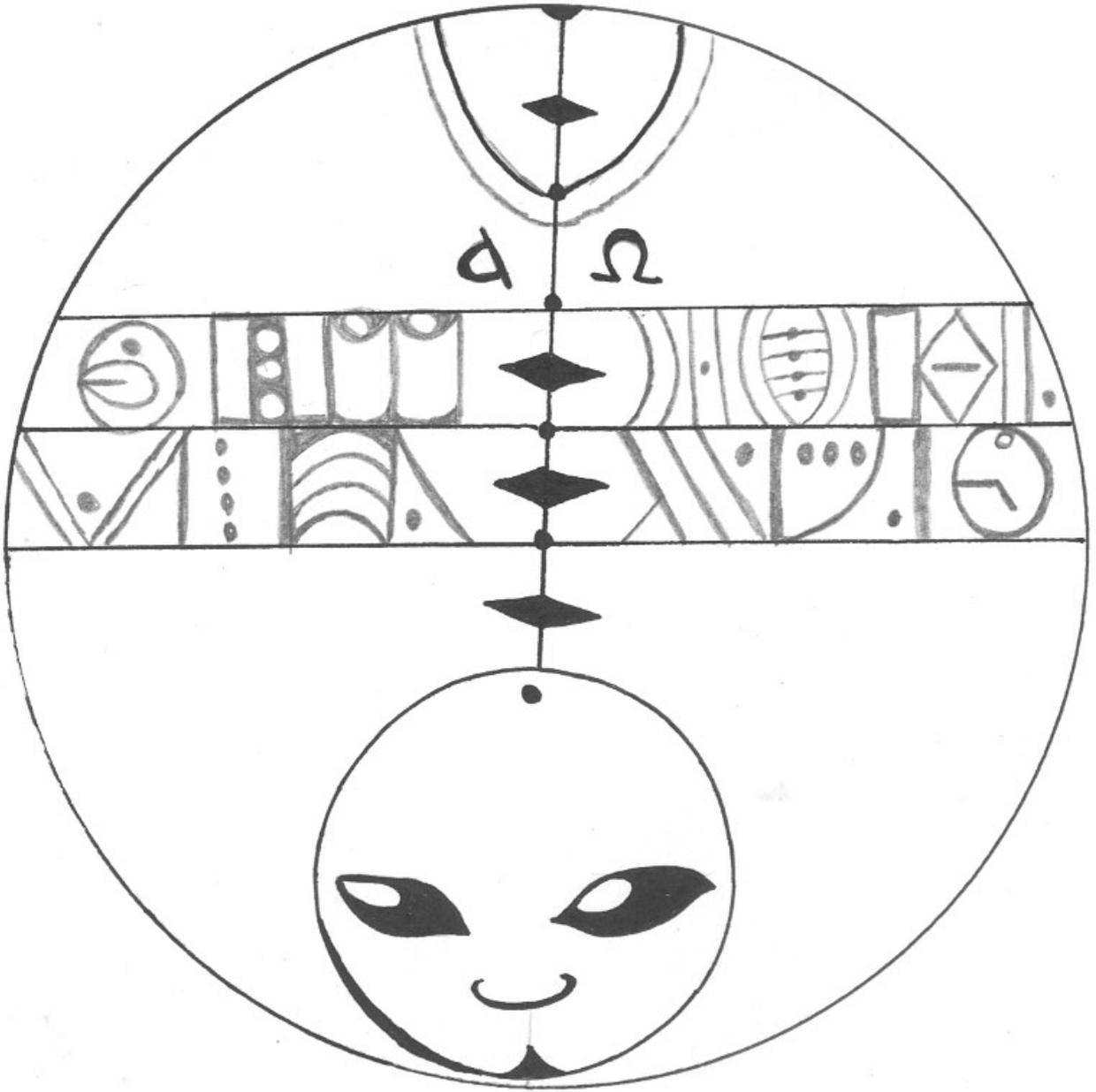
Велосипед – символ уединения или спокойной дружбы. Одиночка-велосипедист или влюбленная парочка, едущая на окраине леса, вызовут у вас только умиление.

Машина – воплощенный социум. Это то, что проникает в нас с самого рождения, дух общества, неистребимый агон, связь поневоле.

Велосипед почти как домашнее животное – собака, лошадь. Вечные спутники человека примерно с 16 века до н.э. Он красив, изящен, приятен взору.

Машина – чудовищна. Ее угловатые ребра выпирают, ее пропорции поражают, ее рев – угнетает. Машина – сталь, металл. Она подчиняет себе человека. Она хищник.

Я буду долго гнать велосипед. Н.Рубцов

«Я здесь ведь был когда-то...»: Лев Зилов и Ставрополь-Волжский

Судьба Льва Николаевича Зилова (ударение в фамилии на последнем слоге) в последние годы становилась предметом дотошных исследований минимум дважды. Первое изыскание принадлежало перу З.И. Поздеевой. Оно вошло в её книгу 1999 года «Зов родной земли». Подзаголовок книги «Вспоминая забытого поэта» справедлив. Последняя книга «взрослой» поэзии Зилова вышла не только до Революций 17 года, но даже до Первой Мировой войны. К счастью, потомки поэта сохранили его наследие, которое и было опубликовано в почти 300-страничной книге с максимальной полнотой.

Следующее исследование было предпринято Л.А. Фатуевой в рамках цикла статей «Усадебный мир Гарднеров и Зиловых». Статьи посвящались близлежащим усадьбам и их породнившимся владельцам. В одной из них появился на свет отец Льва Зилова – Николай Николаевич, в другой – его мать Мария Павловна, урожденная Гарднер. Заключительная статья (68 страниц), почти целиком посвященная биографии Льва Николаевича, опиралась на архив поэта и воспоминания его родных и была напечатана в 2006-м году в 12-м (28-м) выпуске сборника «Русская усадьба».

В том и другом исследовании взгляд на поэта имел географическую привязку. Фокальной биографической точкой стала малая родина Льва Зилова, ныне входящая в Талдомский район Московской области.

Стоит сразу оговориться: в данной публикации мы почти не вводим в оборот новых материалов, признавая эту заслугу за З.И. Поздеевой и Л.А. Фатуевой, а также потомками поэта А.А. Зиловым и Ф.Н. Семевским.

Наша задача сводится к одному – сдвинуть фокальную точку биографии поэта. Мы взглянем в судьбу поэта с Жигулёвской Луки.

1902-й год. Городок Ставрополь (далее, чтобы не путать с кавказским тёзкой, современники добавляют чрез дефис «Волжский», «Самарский» или «на Волге») к началу века насчитывает семь с половиной тысяч жителей. Над прильнувшими к реке домиками, на песках, среди сосен приютился курорт. «Кумыс степной, ковыльная степь, высокая здоровая местность, учащимся – скидка».

Уровень воды в Волге, пока ещё не запруженной плотиной, ниже нынешнего на двадцать метров. Фраза «каменные исполины», произнесённая рядом с Жигулёвскими горами, пока ещё не вызывает недоумение. Перед городом вытянулся песчаный остров, пароходы проплывают со стороны Жигулей, чтобы добраться к городской пристани, с парохода в протоку высылают лодку.

Пока лодка, спущенная с парохода общества «Самолёт», причаливает, приглядимся к пассажирам. Нас интересуют два молодых человека. Оба девятнадца-

АРХИВ

тилетние, оба студенты («учащимся – скидка»), однокурсники Лазаревского института восточных языков, оба поэты. У того, что на несколько месяцев постарше, как раз в этом году первая публикация. В сборнике «На добрую память». В сборнике, увы, с подзаголовком «детский» – и это сыграет ещё с автором далеко не добрую шутку. Шесть 4-стиший, из которых достаточно процитировать финальное резюме:

Жизни мятущейся бурной море
Выучит гордое «я» забывать,
Сделает близким народное горе,
Даст тебе дар и любить, и прощать.

Гордое «я» будет забыто настолько основательно, что в автобиографии дебют будет смещён на два года позже.

Курорт и его нравы позже будут дотошно описаны в поэме «Дед», глава с этими описаниями чуть ниже. Забегая вперёд, судьба была милостива к курорту, но не пощадила городок и кладбище близ сосен. Городок с кладбищем оказался в зоне затопления, а вот «высокая здоровая местность» переименуется в санаторий «Лесное».

Вернёмся к началу века и оставим в покое Павла Сухотина, таково имя спутника нашего героя. Их если не дружба, то взаимная приязнь сохранится на оставшуюся часть жизни. Возможно, этому будет способствовать не только ровесничество, но и последующие биографические синхронности. дебютные книги выйдут почти одновременно, даже переживёт один другого (Лев Павла)на год с небольшим.

Наше внимание обратится на 16-летнюю девушку – здесь же, среди сосен шествующую к курзалу. Пока оркестранты раскладывают ноты, расскажем – об этом ни она, ни он ещё не догадываются – о будущей спутнице и музе нашего героя.

Её зовут Наташа. Как и Лев, рождена в октябре, с разницей в два дня. Как и Лев, немецких корней: Наташа Быхольд. Обманчивая простота фамилии нашего героя вряд ли намекнула на происхождение. Правильно было бы писать не Зилов, но Зилофф. Род Зилофф известен со времён крестоносцев, освобождавших гроб Господень. Приставка «фон» в России отвалилась за ненужностью. Матушка Наташи – дочь православного священника. Материнская линия Льва восходит к выходцу из Шотландии Фрэнсису Гарднеру, основателю первого фарфорового производства в России.

Наташа волжанка. Родилась в слободе Александровской Царицынского уезда. В отличие от жителей волжского понизовья, уроженцы верховий не столь охотно причисляют себя к волгарям. Но всё-таки первая река Льва, подмосковная Дубна – правый приток Волги.

АРХИВ

В восемь лет Наташа стала сиротой. Отец, Бруно Адольфович, обвинив астраханского губернатора в... прибедем к модному слову «коррупция»... не смог удержаться на стадии выдвижения обвинений. Беспрецедентный случай в бюрократической практике: нижестоящий чиновник стоящему гораздо выше на иерархической лестнице влепил пощёчину. Одинокая могила Бруно Адольфовича – самоубийцу, да к тому же лютеранина, не позволили схоронить на кладбище – стала приметой берега Ахтубы, войдя в матросские лоции Поволжья. Городок Царёв, в котором окончил свои дни чиновник-самоубийца, поразило проклятие: он, почти оставленный людьми, потерял статус города и стал селом, в конце-концов на него чуть было не упал метеорит.

Матушка Льва полюбит другого человека, Осипа Месснера, как раз и готовившего Льва к поступлению институт восточных языков в 1897-м году. Благородный отец, дабы не быть помехой соединению любящих, вынужденно примет обвинения в измене на бракоразводном процессе 1903 г.

На следующий год Наташа и её брат Виктор останутся круглыми сиротами. Матушка будет похоронена на нижегородском Петропавловском кладбище, в советском городе Горьком превращенном в городской парк.

Ещё два года спустя Лев и Наталья встретятся – место встречи изменить нельзя – в том же Ставрополе-Волжском, на песках под соснами. Все это время они вели переписку. Тогда, четыре года назад, оба привезли на курорт горечь от неразделённой любви. Собственно, и переписка во многом началась для утешения этой горечи. Не имея возможности исповеди перед объектом страсти, юноша и девушка начали делиться схожим несчастьем друг другу, создав эпистолярный клуб разбитых сердец. Теперь, повзрослев, у Льва и Наташи вызрела мысль сложить два одиночества.

С этого момента они если и разлучались, то не по своей воле и ненадолго. Два года спустя у них родится девочка. Анна Львовна, Лютя. Потом у Люти появятся братик Алёша (по иронии судьбы он станет инженером-автомобилестроителем, одним из главных разработчиков «Москвича» с 401-й по 408-ю модель) и сестрёнка Ляля (Ирина). Наталья Бруновна, жена и муза поэта, останется с ним до его последнего вздоха.

Уже в 1909-м Лев и Наталья с годовалой Лютей на лето отправляются к колыбели своей семьи, ставропольским соснам и песку. С этого времени маршрут станет ежегодным. Сначала посуху до Савёлова – порой от имений зиловской родни в Дмитровском уезде, порой от Савёловского вокзала Москвы, – оттуда на пароходе вниз по Волге.

Каникулярные дни, включая в себя меньшую часть года, всегда занимают большее место в памяти. И у поэта и его семьи Ставрополь-Волжский оказывается ключевым городом.

АРХИВ

Заметно это и по стихам. Пейзажи и сюжеты Жигулёвской Луки начинают оспаривать первенство даже у малой родины в Дмитровском уезде. А уж московским трудовым будням остаётся лишь скромно потесниться.

Так продолжается девять лет.

Литература Жигулёвской излучины многим обязана этому девятилетию и Зилону лично. Видимо, благодаря ему местные земские учреждения начинают принимать в сотрудники литераторов из российского центра, они – зиловские хорошие знакомые, если не друзья: Евгений Яшнов, Николай Ашукин...

Корреспонденции, рассылаемые Зиловым, красноречиво пробалтываются адресом отправителя. Вот зиловская статья, посвящённая ошибке публикаторов сборника «Сочинений» Тютчева: Тютчеву приписано стихотворение Вяземского, очевидно, переписанное тютчевской рукой. Под статьёй: Ставрополь на Волге (Русский архив - Том 50, Выпуск 8).

В Ставрополе же Зилов встретил известие о начале Первой Мировой войны. Первого звена той цепи событий, которые приведут к тому, что последующие стихи при его жизни опубликованы уже не будут.

Лев Зилов, потомственный дворянин, наследник имений и титулов, вовсе не считал существующий порядок вещей лучшим из возможных. Мало того, вполне сочувствовал идеям революционных преобразований.

Стоит поблагодарить цензурное ведомство Империи, сохранившее свидетельства, невозможные в печати официальной. Сохранилось стихотворение Зилова, что он переслал в Самару одному из своих знакомцев с Жигулёвской Луки, служащему контрольной палаты И. Н. Антонову, дерзко обращенное к первому лицу государства: «Мне жаль тебя, о царь: ты мог бы быть не тем; / Но волею судеб ты обречен страданью. / Духовно умер ты, ты стал нулем – ничем / И быть безличностью обязан воспитанью»...

Возможно, эта инвектива уступает зиловской лирике в совершенстве, но заочная беседа одного из дворян с Императором объясняет многое из того, что произойдёт в ближайшие годы: «Пусть не поймет, как жалок и ничтожен / Он – тот кумир, кому все льстит кругом, / Что идеал царя далек и невозможен, / Когда восстание кипит живым ключом! // Пусть не поймет того, что блеск его правленья, / Что свита, родичи, красивые войска / Насильем держатся, ценою преступленья / И сыт он оттого, что голодна страна!»

Политические симпатии Зилова склоняются к позднему народничеству и партии, наиболее бескомпромиссно это народничество воплотившему, партии социалистов-революционеров.

Но уже весной 1917-го джинн, выпущенный из бутылки, начинает доставлять неприятности тем, кто сочувствовал его заточению. По Дмитровскому уезду ходят тревожные слухи: дезертиры насильничают матерей на глазах детей, грабят семьи, никого не оставляя в живых. Заботами о пропитании поэт вынужден

АРХИВ

временно покидать семью, Наталья Бруновна с револьвером в руках дежурит на крыльце, охраняя спящих детей.

Летом семья отправляется в Ставрополь, чтобы уже никогда не вернуться. Родовые имения и могилы предков будут осквернены и уничтожены, впереди предстоит новая жизнь.

Эту новую жизнь семья намеревается начать на Жигулёвской Луке. Зилон устраивается на работу в ставропольское земство. С таким же успехом можно было пытаться спастись, прыгнув в жерло вулкана. Пятилетие, проведенное здесь до вынужденного бегства, стало одним из тяжелейших в жизни поэта. Каменные исполины Жигулей стали декорацией, на фоне которой, последовательно сменяя друг друга, разворачивался кошмар за кошмаром.

Это пятилетие Жигулёвской Луки спрессовало в себе событий чуть ли не больше, чем все оставшиеся годы века. Здесь мы вынуждены лишь пунктиром отметить эти спрессованные слои.

Сменяющие друг друга политические режимы. Граждане одной страны (с массовым привлечением военнопленных иностранцев и трудовых мигрантов), организовано убивающие друг друга. Узаконенный грабёж крестьянства вооружёнными отрядами. Крупнейший в истории государства крестьянский бунт с захватом Ставрополя. Наконец, крупнейший в мировой истории голод, эпицентр которого пришёлся на Среднее Поволжье.

Семья поэта выжила в этом аду, не потеряв ни одного человека – надеюсь, когда-нибудь эта чудесная сага о спасении будет записана. Самому же поэту было, о чём молчать: его публикации в период правления Комуча могли бы отозваться трагическим эхом в биографии. Но до пыток и казней его литературных знакомцев, вроде Бориса Пильняка, он не дожил совсем чуточку. Странно и умиротворяюще смотрится лаконичный некролог в «Литературной Газете», органе Союза Писателей, между обличениями вредителей на литературном фронте и идеологически выдержанными беснованиями «инженеров человеческих душ».

Финальные полтора десятка лет между бегством из Ставрополя и смертью от воспаления легких – жизнь Одиссея по возвращении – удалены от Жигулёвской луки и не героичны. Дети росли, родители дряхлели. Чем мог обеспечивать семью человек, политические идеалы которого когда-то совпадали с идеалами главным конкурентов тех, кто ныне сидит на троне, верша суд и казнь? Детскими стихами. Читая которые, трудно избавиться от чувства стыда. Нельзя заставить себя развидеть «взрослые» стихи того же автора, которые ты уже прочитал, и чувство горечи от этого лишь возрастает.

Творческий пик поэта, судя по стихам, сохранённым наследниками, пришёлся на начало двадцатых годов. Поэт вступил в силу к тому времени, которое ныне

АРХИВ

связывают с кризисом среднего возраста. До 1999 года эти стихи не видели света – ни книгой, ни отдельными публикациями.

Перед смертью поэт покупает билет на теплоход, чтобы проделать маршрут, который когда-то проделывал десятки раз. Маршрут, сделавший его тем, кем он стал.

Газетные фанфары славят великие стройки и над одной из таких строек – проектом Большой Волги – сердце поэта не могло не содрогнуться. Согнанные зеки уже вбивают сваи, свозят камни – как часто у нас бывает, труд их вскоре окажется бесполезен. Плотину построят выше и позже. Город получил отсрочку перед казнью. Поэт этого уже не узнает.

Десятки городов и сотни деревень, храмы и погосты, рощи и поля, над которыми смыкаются воды – никто не помянет о трагедии их гибели, никто не прочтет им отходной молитвы. Никто, кроме Зилова.

Сваи вбивают в волжское дно,
На берег стерлядь скачет.
Городу смерть! Огневое окно
Город в черёмуху прячет...
Город, где юность венчала нас
В такой же вечерний час.

Встанет плотина огромным горбом,
Волга потопит долину.
Кладбище станет глубоким дном,
Могилу затянет тина.

Когда мертвые встанут из могил, и, разламывая лед, устремятся к берегам, времени больше не будет. Не будет потому, что живые оказались его недостойны.

Георгий Квантришвили

Лев Зилов

Поэма «ДЕД» (отрывки)

ХІХ.

Все шире Волга к Каме за Казанью,
Унылее, отложе берега,
И чаще пароходы. Песней, бранью
Четвертый класс шумит изглубока.
Туристы в смокингах и куртках монотонно
Слоняются от носа до кормы;
Едят селянку в первом классе сонно,
Читают "Тартарена" и "Власть тьмы"...
И спорят во втором с насупленным соседом,
Как голод, прошлый раз обманутый обедом,
Удешевить к сегодняшнему дню –
Попорционно или по меню.

ХХ.

А Волга ширится навстречу мрачной Каме...
Вот, мглистая, она уже видна,
Уж оборвал турист боры* жеманной даме,
Уже влилась суровая волна,
И помутнела Волга, стала строже.
Сестра угрюмая уже вдохнула ей,
Склоняясь медленно в двойное ложе,
Трущобно-дикой важности своей.
И пароход как будто встал: нет силы
Идти вперед – тяжка вода... Застыла
И долго смотрит пристально в глаза
Пустынная, огромная река.

(*Боры – складки, сборки на одежде.)

XXI.

Симбирск – он весь в листве, его не видно!
Усадьба барская, просторная. В садах
И с массой соловьев. Он спит солидно
И дремлет цепь фонариков в кустах.
Толкутся на терраске парохода
Полуночные пары горожан;
Мелькают лодки; млечный путь как сода
Просыпанная... Песенки цыган
Поют с веселых, еле видных лодок;
И бочки, ящики от чая и селедок
С остервенением кидают в жесткий трюм –
И пароход и весел и угрюм.

XXII.

А соловьи поют о Гончарове,
О Марфиньке, Обломове Илье...
Болтается фонарь в амбаре. Наготове
Пук накладных белеет на ларе.
Лениво бродят крючники*, уходят
В мучнистый мрак просторной кладовой
И споры бесконечные заводят
И песью ножку тянут чередой.
Ушел приказчик, капитан, матросы...
Зевает кто-то. Задает вопросы
Кому-то кто-то: "Скоро отойдут?"
А соловьи поют, поют, поют.

(*Крючники – местное название грузчиков, от металлического крюка на веревке, которым захватывали груз.)

XXIII.

Шумят колеса. Отвалили. Тьма. Лишь точкой
Мерцает бакен. Только на корме
Горит огонь. Там на диванчик жесткий
Петр с Кадей сели. В мягкой ровной тьме
Клокочет, вьется светлой волны гребень.
С фонариками на шестах плоты
Лениво тянутся, на них пахучий щебень

И ветки жгут кострами. Сквозь костры
Краснеют сплавщиков насупленные лица.
И встречный пароход, как дивная жар-птица,
Как пламенный многоголовый змей,
Бьет воду крыльями, сгорая от огней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вторую ночь не спали Петр и Кадя.
Задумчиво и тихо на носу,
В ночную темь спокойной Волги глядя,
Вдыхали теплый ветер и росу,
От черных волн взлетающую вуалем...
Украдкой поцелуются, сожмут,
Нашарив, руки... Нежным их печалям,
Одной любовью сотканным, несут
Ночные волны нежные ответы
И складывают в хрупкие сонеты
Ритмичный плеск и шелковистый шум
Своих ночных, любви понятных, дум.

II.

Когда-то на сквернейшем пароходе,
Носившем странное название "Телескоп",
Петр плыл весной, в апреле, в половодье,
В свое именье. Староверский поп,
Саратовский мартышка, и конвойный,
Страдавший солитером офицер
Делили с ним тоску. А день был знойный
И мучил офицера солитер.
Тянул три баржи пароход, бесцельно
Стоял у сёл, бранился канительно
С нахальным лоцманом осипший капитан,
А по ночам их донимал туман.

III.

В Усинском устье, наконец, засели
Зачем-то на мель. Нанял рыбака
Петр в Ставрополь. И на заре, сквозь трели
Невидных жавронков, так нежила река,
Так ярким блеском солнцу улыбалась.
И сонный деревушка-городок,
Мигая окнами, был удивлен, казалось,
Что вот опять румянится восток;
И где-то в доску сонно били время,
И диких псов рачительное племя
Свирепым лаем встретило Петра
У грязного почтового двора.

IV.

Он был здесь первый раз, глядел бесстрастно
На мачтовые сосны пустырей,
И на крылечке, скучно и напрасно
Зевая, ждал в Самару лошадей.
Какой-то казачок с нахальным носом
И головой, промокшей от помад,
С засунутым за кушачок подносом,
Принес ему записку: "Буду рад
Вам оказать свое гостеприимство.
Вас уважающий, с надеждой на взаимство,
Помещик Тит Семеныч Петровых.
Проводит вас вручитель строчек сих".

V.

Подумал Петр, вздохнул и согласился.
У Тита встретил целый взвод девиц.
Поспал, переоделся и побрился,
И вышел к чаю. Кучу небылиц
Нарассказал девицам, выпил с Титом
Домашнего ликера "Всех страстей",
Играл в крикет... Влюбленным был и сытым,
И женихом одной из дочерей
Стал к вечеру, когда катались в лодке,
Когда, развязен от "страстей" и водки
Шашлык папаша жарил на костре,
Свирепо клокодавшем на корме.

АРХИВ

VI.

И Петр теперь, взволнован позабытым,
Ждал утра, Жигулей, кургана и Усы,
Водил по пальцам подбородком бритым,
Оттягивая темные усы,
И говорил: "Я здесь ведь был когда-то...
Там хорошо – там сосны и песок,
И запах смол, и мерные раскаты
Шумящих крон, и ландыши у ног".
А ветер студенел перед восходом
И мутная вода казалась йодом;
Просвечивали плоские холмы,
И свертывались на день сторы тьмы.

VII.

Привет вам вновь, Уса, курган, утесы!
Вы там, за островом, к вам пароход нейдет –
Он режет воложкой грядущие покосы
И кучку сосен скоро обогнет
И встанет Ставрополь за плешкою песчаной,
Убогий и невзрачный, как всегда,
С собором, с каланчою деревянной...
Над пристанью – базар и номера.
Приказчик с красной узкоглазой рожей
И носиком-горошинкой, похожий
И на разбойника и на купца...
И булки в поларшина из лотка.

VIII.

Извозчики с гитарами – пролеток
Еще лет сто им здесь не завести;
Полдюжины в заветных шалях теток,
Штук пять свиней: одни пришли плести
Таинственные сплетни, а другие
Жрать дрянь и грязь. У номеров, в тени
Крылечка, сонно вяжут ведьмы злые
Невероятно толстые чулки,
На проезжающих посматривая злобно...
И воздух пахнет истово и сдобно,
И, походя в бадье болтая квач,
Жует мордвин свой губчатый калач.

IX.

В бревенчатой, смолистой, светлой дачке
С того же утра зажили они.
Сейчас же водовоз, молочница и прачка,
И из кухмистерских две девочки пришли.
Молочница решила, что ей надо
Похлопотать насчет кухарки им;
Был водовоз совсем иного взгляда –
Кухарки – шлюндры, лучше жить одним
И столоваться... "Дело ясное! Восейко*
Кухаркою обкрадена еврейка,
А в третьем годе у ташкентских вдов
Кухаркин брат стащил двух петухов!"

(* Восейко – недавно, характерное местное слово.)

X.

Ушли, но целый день у окон раздавалось
"Хозявушки, не надо ли яиц?"
– Прислуга, барин, к вам не нанималась? –
"Позвольте, барышня, немножко спиц!"
И так до вечера, когда бродить по роще
Они ушли и долго на валу
Сидели. Там был смутно слышен тощий
Стук колотушек, да гудел вверху
Спокойных сосен разговор вечерний,
И бой часов был в сумерках размерней,
И, вместо песен, птичий сонный крик
Стал маленьким заботливым "чилик..."

XI.

Им нравилась их маленькая дачка.
Два пса, котенок, Вася - воробей,
Скакавший в ожидании подачи
Через порог отворенных дверей -
Делили с ними день и их любили
За то, что бестолково, как они,
Меж соснами, на солнце греясь, жили,
Не замечая, как сменялись дни.

АРХИВ

Мести метлой немногие соринки,
В иглистом насте разметать тропинки
И шишки собирать на самовар,
Вдыхая сосен смоляной угар.

ХII.

Ходить на Воложку купаться, ждать обеда
И почтальона, вечером гулять,
Минуя, в свой кларнет влюбленного, соседа,
И глушь казенника на ширь лугов менять.
А к ночи с лампою усесться на террасе,
Жевать калач, глотая молоко,
И перед сном насыпать крошек Васе...
Спать мертвым сном и встать, когда светло
От струек солнца, пролитых сквозь щели
Закрытых ставень. Вот их день. Шумели
Им дружелюбно сосны, и песок
Доверчиво лежал у ихних ног.

ХIII.

В курзале музыка по вечерам играла,
Теснились дачники, стучали каблуки,
Шуршали юбки. Молодежь плясала.
На них с диванчиков смотрели старики,
Старухи, дети. Весело влюблялись
И весело умели ревновать.
Фонарики на гвоздиках смялись,
И ночь старалась ласковой дышать.
"Тоской по родине" кончались танцы
И гасли в зале лампы и румянцы,
Шумела роща молодой толпой
И от зари был лес уже седой.

ХIV.

Петр с Кадей на заре встречались с ними
И шли сквозь них навстречу солнцу. Там -
В курзале - привиденьями ночными
Еще бродили стражники, к кустам
От света льнули, заплываясь мглою;
Еще стучал глухой бильярдный шар;

АРХИВ

Скандалили в буфете с перепоею,
И с кумысом влеклись орды татар...
А в Жигулях уже костры дымились;
Пески холмов искрились и струились
В дрожащем воздухе, и ночь, по-над песком
Скользя, влеклась сиреневым крылом.

XV.

На кладбище, уютном и веселом,
Они стихи читали по крестам,
Приглядываясь к бабочкам и к пчелам,
К простым и незатейливым цветам.
Оттуда были видны Волга, мели,
Изгибы кос и кружево лугов,
И были ярче жаворонков трели,
И пароходов светлый, нежный зов.
И даже сосны были там другими -
Такими мирными и всеблагими...
И начинала Кадя: "Сладко жить"...
И Петр кончал: "и Божий мир любить!"

XVI.

Перед отъездом Волгу переплыли.
На гальками покрытом берегу
Между шиповником и вишнями бродили;
По тропке, в заколдованном кругу,
Взбирались долго по отвесным скалам,
Где вдохновенные весенние ручьи
Прорыли путь стремглав по ветровалам,
Оставив лету рытвины пути.
В густом орешнике таилось дно оврага -
К нему сбегала пестрая ватага
Горбатых сосен, вязов и берез,
С кустами диких нелюдимых роз.

XVII.

С полянки Молодецкого Кургана
Симбирск когда-то кто-то разглядел...
Был, говорят, здесь трон великого Степана,
И много свершено кровавых дел...

АРХИВ

Какой-то добрый молодец отсюда
С возлюбленную ринулся своей...
Петр с Кадей видели иное чудо:
Простор необозримый кос, мелей,
Озер и воложек, и островов, и леса...
Свершалась в небе солнечная месса,
И сталь воды и жемчуга земли
Свой хоровод молитвенный вели.
1912

СОБАЧНИЦА (М.А.Долговой)

По осени бездомных псов и кошек
Так много в дачной роще остаётся
В пустых помойках, у разбитых площадок...
А лес над крышами шумит и гнётся.

В холодной роще гулко и просторно,
И жутки заколоченные дачи...
Лишь с веток шишки падают покорно,
Лишь не смолкает лай и вой собачий.

Но в старой кухне приоткрыты ставни,
И вьёт труба дымок прозрачно-тонкий.
Псы узнают приют свой стародавний,
Бредут и в дверь толкаются тихонько.

В холодной роще с дикой пёсией стаей
Владычествует строгая старуха;
Всё бродит с ними, сладостно вздыхая,
И день за днём идут безмолвно, глухо.

Отбудет осень, пригнетут сугробы
В лесу валежник, и в безлюдье сонном
Завоет вьюга, загудят трущобы,
Метель закружит вальсом монотонным.

Псов наберётся много в тесной кухне,
Лежат без света, чешутся и бредят;
Она меж них... В оконце свет потухнет
И тьма нахлынет и отхлынуть медлит.
1911 г.

РОЗЫ

Как пахнут печально и сладко
Увянувших роз лепестки!
От них продушилась тетрадка,
От них на бумаге кружки.

"С тридцатого счёт водовоза,
Купить на базаре яиц..."
И снова прилипшая роза
Меж летних забытых страниц.

И дальше "За лодку матросу..."
И кажется – ночь на реке,
И лодка всплывает к утёсу,
И алая роза в руке...

Струятся, стекая алмазы,
Весло задержало свой плёс...
Бледны и невнятны рассказы
Увянувших выцветших роз.
1912 г.

САМОВАР

Ещё полны раскрытые корзины
И крепко пахнет в даче от рогож...
Какое дело зяблику! С вершины
Поёт он, что весна, что день погож.

Пьяны приездом радостные дети
И бегают, усталость позабыв...
"Как благодно, как солнечно на свете", –
Малиновки поют наперерыв.

Я жертву приношу весне, как предки,
В расстёгнутом пальто под сосняком
Я собираю шишки, иглы, ветки,
А самовар плюётся кипятком.

АРХИВ

В жерло трубы, прожжённой и измятой,
Волнист и густ, медлителен и прям
Восходит дым тяжёлый и косматый,
Воистину угодный небесам!
1912 г.

СЕНТЯБРЬ

Проходит ночь. В холодном звёздном кресле,
Поставленном у сосен на песках,
Сидит сентябрь, перебирая чётки,
И мутные огни в его зрачках.

Он утра ждёт; тогда, высок и важен,
Он встанет и пойдёт в лесу пустом
Нескорыми широкими шагами,
И солнце осенит его щитом,

И будет целый день лишь светлым нимбом
Его кудрявой строгой голове...
Морозный пар отудобит к полудню
Свинцовыми росинками в траве.

Сентябрь в лесу отряхивает иглы,
Срывает листья, шьёт из них ковры;
С ним говорят насупленные сосны,
И журавли кричат: "Курлы-курлы!"

Уходит солнце. Медленным движеньем
В костёр зари, на жертвенник земли,
Он опускает узкие ладони –
И сумерки торжественно легли.
(Год не указан)

СТАВРОПОЛЬ

Ставрополь – город Креста,
Все мы там были распяты.
Знакомые нам места
Помечены крупными датами.

Много ворот и крылец
Крестами красными крашены.
На скамьях мертвецу мертвец
Анекдоты шамкает страшные.

Скрипят тротуары. Идут
Мертвецы по Казанской парами,
В Дудкинском доме суд
И кого-то топят под ярами...

Разжалованный собор
В увезенный колокол бухает,
Эхо заволжских гор
Глокает выстрелы круглые.

Кровь унять не смогла тогда
Казанская Богородица,
Но пески занесли без следа
Всё, везде... И опять туда
По весне так уехать хочется!

Чудится, что на крови
Сон-трава аловатая теплится
И от жалости, и от любви
Верба старая (рви ее, рви)
Вся в скворцах, вся в слезах, вся в серьгах
Простоволосая треплется.
1921 г.

ПОМНИТЕ

Дома, в накуренной комнате,
В шуме работ, у станка,
Помните, помните, помните –
Голода близки войска!

С флагом залатанным гонится
В серой пыли как в золе,
В лоск заморённая конница
Вдоль по железной земле.

Скачет, дробя гололедицу,
В броне из чёрных колец,
Путь на Большую Медведицу
Держит упрямый гонец.

В мёрзлом осеннем безвременьи
В смертью назначенный час,
Двинулось племя за племенем,
Всё понизовье на вас.

Рать бесконечная тянется
Вдаль без пути и дорог,
Смерть впереди их, как пьяница,
Пляшет и валится с ног.

Стонет, хохочет гармоника,
Бьёт в трензеля невпопад,
За душу тянет покойника
По ветру взвевявши смрад.

Катится тёмное комище,
Вороны чертят круги, –
Помощи, помощи, помощи!
Северный люд, помоги!
1921 г.

АРХИВ

***

Далека твоя дорога, Волга!
Твоего начала голубец,
Знает ли, как бесконечно долго
В рукава не делишь ты конец.

Посреди печального безмолвья
На верхах унылых не понять
Твоего степного понизовья,
Золотого юга благодать.

Хмурым елям и песку сырому
Не признать родней издалика
Южных сосен душную истому,
Знойного сыпучего песка.
1922 г.

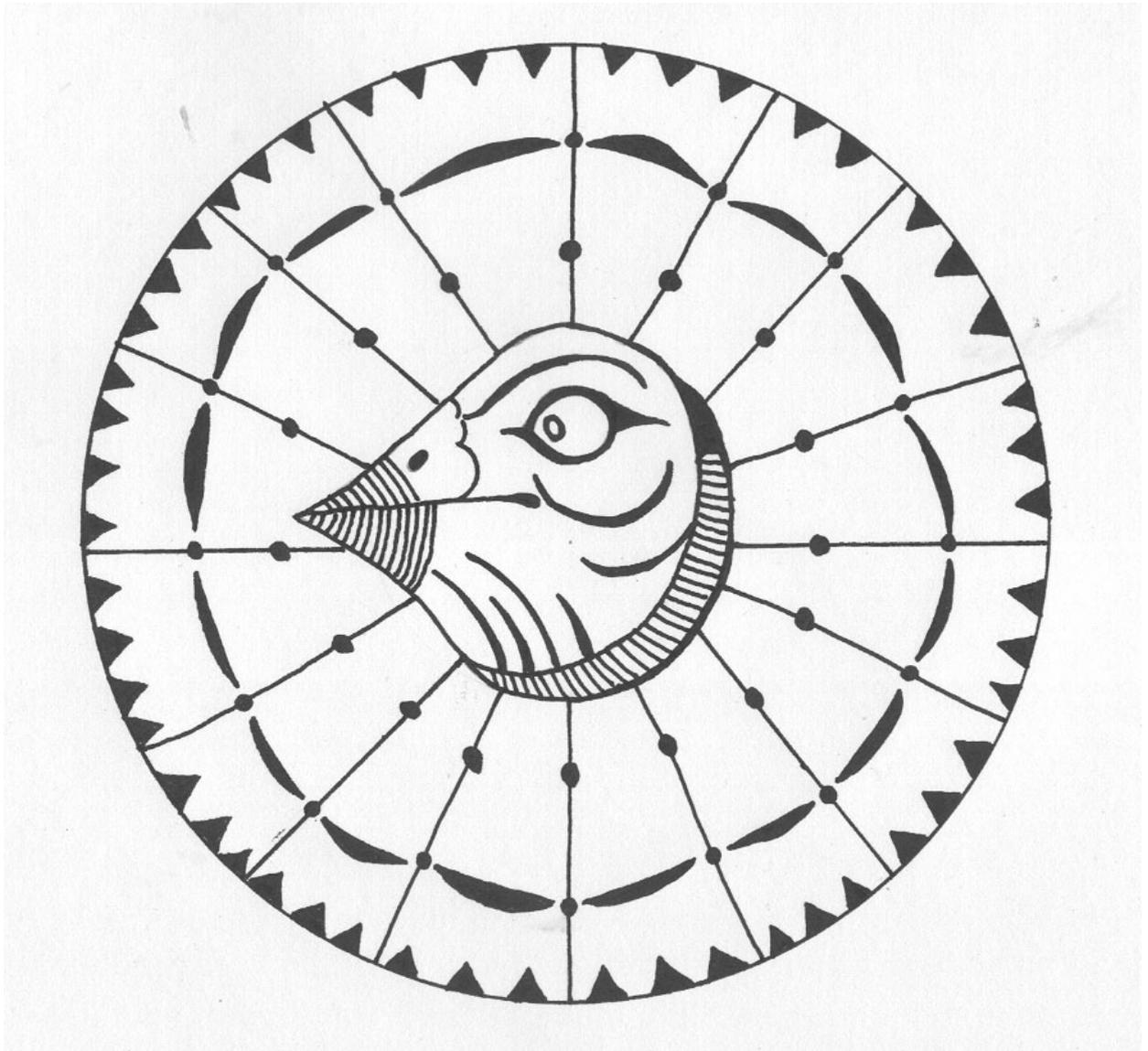
***

Над волжским простором в песке золотом
Лежит наша юность нетленной.
Ей снится в могиле о том, о сём
Над Волгой мутной и пенной.

Сваи вбивают в волжское дно,
На берег стерлядь скачет.
Городу смерть! Огневое окно
Город в черёмуху прячет...
Город, где юность венчала нас
В такой же вечерний час.

Встанет плотина огромным горбом,
Волга потопит долину.
Кладбище станет глубоким дном,
Могилу затянет тина.

Будет огромен затихший плёс,
Горы далёко в тумане...
Шорох и плеск пароходных колёс
Будут баюкать подводный погост
И юность в могиле песчаной.
Будут баюкать и тех, что плывут
В душном уюте кают.
1936 г.

Короткое лето белорусского языка Три поэта

Живому языку свойственно развиваться. Настоящим праздником белорусского языка было в Беларуси памятное двадцатилетие 1985-2005 гг, когда постепенно слабели, а потом и вовсе были устранены ограничения и установки, отводившие белорусской культуре место некоего национально-фольклорного извода советской культуры. Три поэта, с которыми читатель познакомится в данной подборке, внесли в этот праздник свою лепту.

Анатолий Станкевич (1937-1999), почти всю свою жизнь писавший стихи на русском, последние годы своей жизни стал писать по-белорусски и перевел на белорусский большую часть своих русскоязычных стихов.

Ян Збазына (Иван Савицкий) (1964-2011), встретивший возрождение белорусского языка совсем молодым человеком, решительно определил, каким будет его место в белорусской литературе. Не случайно псевдоним его (збазына – хлебное зерно) скромно, но недвусмысленно перекликается с именем классика белорусской литературы Якуба Коласа. Всю свою недолгую жизнь поэт посвятил развитию современных форм белорусской литературы – в т.ч. эссе, версетов, афоризмов, которые до поры считались несколько избыточными.

Алесь Бокач (род. 1962) короткое лето родного языка провёл в нелёгких трудах пропагандиста современной национальной литературы: 18 лет руководил творческим объединением «Святліца», организовал издание книги избранной белорусской поэзии «Агледзіны», литературного альманаха “Святліца”, книг и аудиокниг белорусских литераторов, многим и многим оказывал организационную и творческую поддержку. Увы, многообещающий паводок в современных условиях Беларуси сменился более скромным ручьём, а на смену лету, похоже, пришла осень. Выпустив в 2015 г свой единственный авторский сборник стихов в форме аудиокниги “Ну-ля-вы-я!”, Алесь Бокач решил, что не видит для себя дальнейшей перспективы в литературной и культуртрегерской деятельности и нашёл другое применение своим усилиям.

Литераторы уходят, кто в небытие, кто в иные дела и заботы. Но написанное – остается.

Сергей Пиденко

Анатолий СТАНКЕВИЧ

КАМЕНЬ

Тысячагоддзе сярод поля
Ляжаў вялізны камень.
На ім адпачіваў крумкач.
Аб чым ён кракаў,
Ведалі зямля і неба.
Сто гадоў таму
Яго паклалі ў падмурак
Белакаменнага храма.
Ён слухаў чароўныя песні,
А ўночы згадваў крумкача...
Калі храм ператварылі
Ў зернесховішча,
Камень пакрыўся мохам.
Ён памёр.
Не так даўно
Ў храм вярнуўся Бог.
Але мёртвы камень не ажыў.

КАМЕНЬ

Тысячи лет среди поля
Лежал огромный камень.
Часто на нём отдыхал ворон.
О чём он каркал,
Знали земля и небо.
Сто лет назад
Его уложили в фундамент
Белокаменного собора.
Он слушал божественное пение,
А ночью вспоминал ворона...

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Когда собор
Превратили в амбар,
Камень покрылся мхом, умер.
Два года назад
В собор вернулся Бог,
Но мёртвый камень не ожил.

***

Ненавснїк можа знїшчыць
Цябе фізічна,
Але яму не забїць
Твайго сумлення.
Гэта асабісты выбар чалавека.

Недруг может тебя
убить,
но ему не дано
убить твою
совесть.
Человек это делает
сам.

***

Некаторыя кнїгі і помнікі
З цягам часу састарэлі...
Хлеб вырошчвалі
Тысячы гадоў назад,
А ён і сёння малады.

Некоторые книги
И даже люди
устарели...
Хлеб выращивали
Тысячи лет назад,
А он и сегодня молод.

Алесю Бокачу

***

Спавіты сад сцюдзёнай белізною,
І бэзу куст у боскім серабры.
Я помню, як ён кожнаю вясною
Гарэў заранкай на маім двары...

Гляджу наўкол – таемна ўсё і грозна.
Ды не дайшло да розуму майго:
Як у пупышках, сціснутых марозам,
Жыве загадкавы, пялёсткавы агонь?..

***

Окутан сад январской белизною.
Сирени куст в холодном серебре...
Я помню, как он каждою весною
Зарёй рассветной вспыхивал, горел.

В природе всё божественно и грозно.
И всё ж понять рассудок не готов:
Как в этих почках, скованных морозом,
Живёт и зреет пламень лепестков.

(Перевод автора)

Ян ЗБАЖЫНА

НАЧНЫЯ МАТЫЛІ.

Афарызмы часта нагадваюць атавізмы вядомага.
(Афоризмы часта напамінают атавізмы вядомага.)

Гісторыя – гэта састарэлая дзева ў пошуках апошняга шанцу.
(История – старая дева в поисках последнего шанса.)

Гісторыя чалавецтва распачалася каштованнем з дрэва ведаў, і ўвесь яго гістарычны шлях – гэта пошук дрэва вечнасці.
(История человечества началась угощением с дерева Познания и весь его исторический путь – поиск дерева Вечности.)

Добры афарызм варты пэўнай філасофіі.
(Хороший афоризм стоит иной философии.)

Доказы – заняпад інтэлекту.
(Доводы – упадок интеллекта)

Дрэва, якое не дае плоду, ссякаюць. Аднак зялёныя не згодны.
(Дерево, не дающее плодов, срубают. Но “зелёные” – против.)

Забіць, каб не пакутаваў – жорсткасць літасці ці літасць жорсткасці?
(Убить, чтоб не мучился – милосердие жестокости или жестокость милосердия?)

Зерне, кінутае фарысеямі, прарастаець і на каменні.
(Зерно, брошенное фарисеями, прорастает и на камне.)

Зоркі становяцца рэчаіснымі ў лужынах. Яны халодныя, вільготныя.
Звезды становятся осязаемыми в лужах. Они холодные и мокрые.)

Ілюзорная мара маленькай нацыі – бачыць Збавіцеля ў нацыянальным строі.
(Призрачная мечта маленькой нации – увидеть Спасителя в национальном облачении.)

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Ісціна, агульная для ўсіх, шкодная.
(Истина, общая для всех – вредна.)

Каб знішчыць імперыю, часам дастаткова ўкрыжаваць аднаго.
(Чтобы низвергнуть империю, иногда достаточно распять одного.)

Кропля дабра пералівае цераз край зло.
(Капля добра переливает зло через край.)

Крывавы ўсход ці захад – след Чырвонага Сонейка.
(Кровавая заря – след Красного Солнышка)

Малады нябожчык смерць ўпрыгожвае.
(Молодой покойник смерть украшает.)

Мараль – гэта балаўніца, якая прываблівае прытворнаю цнатлівасцю.
(Мораль – это проказница, манящая притворной невинностью.)

Мы ўсе родам з вар’яцкага дому, дзе размовы хворых тояць філасафічную глыбіню, а паводзіны лекараў нагадваюць тыранію.
(Мы все родом из сумасшедшего дома, где беседы больных таят философскую глубину, а поведение врачей напоминает тиранию.)

Памылка Сакрата: філосаф – не вынік дрэннай жонкі; апошняя – вынік філасофіі.
(Ошибка Сократа: не философ – следствие дрянной жены, а плохая жена – результат философии.)

Разам з начнымі матылямі – праз цемру маралі ў святло агню!
(Вместе с ночными мотыльками – через мрак морали в сияние пламени!)

“Ўвесь свет – тэатр”, але чый – Шэкспіра ці Нерона?
(“Весь мир – театр”, вот только чей – Шекспира ли, Нерона?)

Алесь БОКАЧ

ВЕЧНЫ ВЕРШ

Што безвыходней, што яшчэ дурней,
Чым смерць чакаць, гадуючы дзяцей?!
Якія шлях твой пройдуць ад пачатку,
Жыць будуць “для Радзімы і нашчадкаў”,
Нарошчваць сала, піць, хварэць без меры,
Не зразумеўшы ўрэшце ні халеры,
Хадзячым трупам перад абразамі
З нямым здзіўленнем развядуць рукамі:
Што безвыходней, што яшчэ дурней,
Чым смерць чакаць, гадуючы дзяцей,
Якія шлях твой пройдуць ...

ВЕЧНЫЙ СТИХ

Что бесполезней, что ещё глупей,
Чем смерти ждать, тетёшкая детей?!
Что за тобой пройдут след-в-след в потёмках,
Жить будут «для Отчизны и потомков»,
Копить жирок, пить, устали не зная,
И ни хрена ни в чём не понимая,
И на краю могилы пред иконой
Руками разведут недоумённо:
Что бесполезней, что ещё глупей,
Чем смерти ждать, тетёшкая детей,
Что за тобой пройдут...

Перевод Сергей Пиденко

Мей-мей Берссенбрюгге (Mei-mei Berssenbrugge)

Перевод Галины Ермошиной

Мей-мей Берссенбрюгге, американский поэт. Родилась 5 октября 1947 года в Пекине, Китай.

Ее отец, американец, работал в американском посольстве в Чунцине. Семья переехала в Соединенные Штаты, когда Мей-мей Берссенбрюгге исполнился всего один год. Она получила степень бакалавра в Reed College и MFA Колумбийского университета.

Лауреат двух американских книжных премий, ее тексты связаны с Language School, поэзией Нью-Йоркской школы, феноменологией и изобразительным искусством.

Для Берссенбрюгге характерны длинные стихотворения, в которых сочетаются абстрактные высказывания и конкретные наблюдения, а также неожиданные грамматические сдвиги и сопоставления. В стихах можно увидеть ее знание философии, архитектуры и науки, а также ее любимую природу Нью-Мексико. Поэт Бен Лернер так сказал о ней: «В течение четырех десятилетий Мей-мей Берссенбрюгге писала стихи, которые стремятся сделать процесс восприятия осязаемым».

Мей-мей Берссенбрюгге живет в штате Нью-Мексико, где преподает в Institute of American Indian Arts в Санта-Фе и в Нью-Йорке, где она сотрудничает с местными художниками.

Автор книг: The Heat Bird (1983), лауреатом Американской книжной премии; Empathy (1989), лауреат премии PEN West; Sphericity (1993); Endocrinology (1997), написанная в сотрудничестве с художником Кики Смитом; Four Year Old Girl» (1998), лауреат Western States Book Award; Nest (2003); I Love Artists: New and Selected Poems (2006).

Привет, Розы

1

Моя душа радиально скручивается к краям тела, согласно тем же законам, по которым звезды сияют, сообщаясь с моим телом с помощью излучения.

Когда ты видишь ее, то чувствуешь воздействие того, что визуальное может означать.

Невидимость приходит из темно-розового или цвета, который я считаю ясновидящим.

Это чувство от созерцания того, как роза раскрывается, потому что свет в ДНК моих клеток принимает световые частоты цветка в виде голограммы.

МИР – ЧУЖБИНА

Роза целиком, лепестки в движущемся воздухе, эмоции аромата записываются в виде сферы, поэтому, когда я вспоминаю эмоции, я касаюсь объемности.

Из маленького бутона появляется тугой скрученный узел младенческих коралловых лепестков, удерживаемый в полусфере, как в чаше рук.

Потом лепестки – бесчисленные, пухлые, двойные, роскошные, однородные.

Я смотрю сквозь раздвинутые пальцы, чтобы смягчить свой пристальный взгляд, так что медленный свет, обтекающий объект, отфильтрован; потом с волнением смотрю на быстрый цвет там.

Это стремительность, которая кажется неподвижной как полуденный свет, потому что мой взгляд движется с той же скоростью.

Я создаю взаимное равновесие между светом, падающим на тыльную сторону моего глаза, к зрительному нерву к шишковидной железе, сияние, сходящее к материи, и мое будущее открывается из этого взгляда.

Момент распространяется на время, проходящее как чувственное впечатление от розы, включая новые удовольствия, где воображаемые розы, розы, которые я еще не видела или видела в книгах, записываются как мой опыт.

Тогда опыт – это откровение, потому что и у растений, и у людей есть в клетках частицы света, которые могут стать связанными, которые излучаются физически, а также изобретательностью метафоры,

как в луче света голографически,

т. е. интуитивно, в котором я вдыхаю аромат Бурбонской розы, затем пытаюсь отделить то, что является ароматом, ощущением и то, что называют памятью, что такое эмоция, где в таком диалоге, как прикосновение, она так вибрирует и поглощает мое внимание и тоску, с такими впечатлениями, как отпечатки пальцев повсюду.

Я говорю, что физическое восприятие – это данные моего воплощения, тогда как для розы алое само по себе является содержанием.

2

Роза мгновенно общается с женщиной взглядом, разрушая свои границы, и женщина расширяет свои границы.

Ее «темп восприятия» замедляется из-за своей сложности.

Есть различие – прикоснуться и почувствовать прикосновение, оттенки цвета, которые она может ощущать от прикосновений.

Существует сходство между осознанием и цветением.

Роза символизирует свет этого сходства с собой.

Я навещаю поникшие белые столитные розы в сумерках.

Этот уголок сада освещен особым светом, такое я могу увидеть, когда свет сияет сквозь туман или ранним утром отражается от воды.

Я спокойно стою и позволяю этой особенности пронизывать воздух вокруг меня.

МИР – ЧУЖБИНА

Здесь, с белой розой, цвет – ясновидящий, этот цвет в процессе выражения, словно увидеть Венеру днем.

Прогуливаясь, я вхожу и выхожу из отрицательного пространства, возле которого каждая роза вовлечена, и я уже не уверена в своей физической протяженности как объекта.

Посмотри на энергию между людьми и растениями; твое сердце движется в глубину восприятия; для глубины, прочтенной скорости света.

Я согласую свое намерение с помощью этого ощущения движения с био-фотонами растения и создаю чувства в ответ.

Пространство открывается, и восприятие собирает его, так как ночью мой сон бесцветен и вплетен в этот оттенок.

Я могу намеренно взаимодействовать с согласованностью световых лучей, мгновенно, как будто без света, или будто цветной свет измерения еще не пришел, поскольку наши сердца не чужеродны относительно длины волны, что формирует смысл, используя способность чувствовать, чтобы ощутить свою потенцию в розе и вырастить взаимо-существование с помощью летнего аромата.

Хроника

Мой прадед задремал, выпив горячий отвар в своей темной комнате, полной книг
Когда она вошла, чтобы разбудить его, без стука, как входила каждую ночь, будучи первой внучкой, он был мертв. Один меховой рукав свесился до пола
Однажды он нес ее в своем большом рукаве по холодным комнатам на кухню, где жгли солому. Его дочь забрала ее, пахнущую полынью, за очаг, чтобы накормить. Это была не та одежда, в которой он умер, но того же цвета и из той же ткани.
Правда, моя мать не может вспомнить ни запаха рыси, ни травы против моли, ни медлительности его шагов о которых нужно рассказать.

Водоем

1

Водоем пытается покрыться льдом с разбухшей картой, принявшей форму ангела
Разлученные любовники на берегу продолжают идти друг к другу. Низкое солнце румянит

МИР – ЧУЖБИНА

их лица без тепла

Они устали от постоянного движения,
так редко соприкасаются, но даже не думают
уйти вглубь суши, массивной и стабильной
Имаго вылупились на тонком льду, это
их иллюзорные мембраны ярче,
чем закупоренная плоть интерьеров

Мембраны плотные
по краям, а края острые как лава

2

Весь день она шла по тундре
Он начал отходить наискосок
в точности на ее скорости, поэтому она изменила
свой угол, нацеливаясь выше него, как в потоке

Он удалился в зону, которая отвердела
по его прихоти, поэтому она дотянулась до его руки
Земля треснула под их тяжестью. Он, казалось,
устремился к ней, рука как лист бумаги
скрутилась и загнулась, только поверхность
с тусклыми модуляциями, как карта

3

Потом она точно вышла
к краю, тонкому как лист,
будто ожидая письма
но подморозило слишком незадолго до нее
В сумерках его голос сломал ее сосредоточенность
Она обернулась, раздосадованная, и увидела то, о чем он не сказал.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Евгений Морозов «Кормить птиц». Стихи. Москва, 2016. – 100 с.

Как написано во вступительной статье «Медленная алхимия»: «Поэзия постсоветского времени находится в состоянии вполне явного колебания». В стихах Морозова это проявляется особенно ярко, в частности, в сочетании несочетаемых образов. «Снежные мешки и снежные скалы» («Я разучился делать из бумаги кораблики»), «героиновые герои» («Богатыри»), «Совесьть – ангел, чью крышу свезла доброта». А под образом «алхимии» герою почему-то видится не средневековый старец, пытающийся создать философский камень, а «димедрол растолченный в ночной порошок в лаборантской родного дурдома» (стихотворение «Алхимия»). Стремление к Красоте, к чему-то высокому сталкивается с реальной жизнью, которая, увы, безжалостна. Так любимая плюшевая лошадка лирического героя в стихотворении «Лошадка» была выброшена матерью в окно после того, как ребенок потерял ключи от квартиры. И герой, даже ставший взрослым, не смог простить ей этого. Притом, что матери уже давно нет на свете. Как не простил и отцу, что тот больно щелкнул его по носу. Подростковое упрямство, нежелание смириться с несправедливостью, принять ее как данность, свойственно в целом постсоветской поэзии. Лирический герой бунтует против несправедливости, однако именно этот бунт не дает ему подняться над ней.

Даже в стадии херувима/ Человеку необходимо/ Прятать крылья и бока/ От обмана и кулака.

Сборник Калитка. Казанское литературное кафе. Стихи. Казань, 2016 г. – 64 с.

Первый выпуск сборника «Калитка» знакомит читателей с творчеством 15 известных казанских поэтов. Разных, но по-своему ярких. Любовь к родному городу, размышления о Боге («Молитва Джона»), поиски Правды. Кто-то посвятил свои стихи мифологическим образам сказочной страны Шамбалы («Шамбала»), персонажам мифов и легенд («Ты хочешь крови Антиноя, мой Одиссей?»), персонажам античной истории – Пирру и Герострату («Я говорю»), а кто-то – русским писателям и поэтам («Толстой», «Тютчев») и России – Казани, Самаре (точнее, Куйбышеву). Об этом короткие стихи «Поэзопалиндромы», как назвал их автор – Вадим Гершанов и «Прибалтика». Яркие, полные мягкой иронии и поиску Идеала, эти стихи, бесспорно, должны заинтересовать современных читателей.

Мы, жители Шамбалы, тайной страны,/ Мельчаем в панельных ашрамах, но сны/нас делают выше;

Алина Науменко

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Роман Самсонов. Между Самарой и Волгой. Стихи. Самара, 2016г. 64с.

Стихи Романа Самсонова, одного из самых ярких поэтов Самары, обладают своеобразной силой притяжения. К ним хочется возвращаться, перечитывать и перечувствовать многократно. Однако, долгое время их можно было найти лишь на закрытых пабликах в интернете, или услышать в авторском исполнении на литературных встречах. Поэтому появления поэтического сборника "Между Самарой и Волгой" ждали многие. Книга вышла в 2016 году небольшим тиражом. Название её имеет неслучайную перекличку с названием романа Саши Соколова «Между собакой и волком», и, по словам самого автора, "обозначает короткий промежуток времени, границу между сумерками и темнотой". Может быть, именно это отражение собственных пограничных состояний и ощущений находит в этих стихах человек, уставший от переизбытка информации и дефицита живого тепла.

Глазами автора мы можем рассмотреть его родной город, жителей и многие другие вещи из мира внешнего и внутреннего. Будучи художником, Роман воспроизводит зарисовки с натуры ("Старик и Волга", "Водительницы трамвая", "Город строится" и др.), однако, каждый эпизод – это ещё и острое эмоциональное переживание, переданное искренно и понятно. Вообще стихи Романа, читаются легко и "вкусно". Вы найдете тексты, написанные как в классической форме, так и со свободным ритмом без использования рифм, но они не перегружены модными среди современных поэтов скользкими подтекстами и подсмыслами, сквозь которые читателю почти невозможно рассмотреть огонёк основной идеи. Лиричное и спокойное повествование приятно отличает творчество Романа Самсонова от многих других. Его стихи образны и оригинальны без вычурных оборотов, пронзительны без крикливого эпатажа.

Волжская вода ощущается и как бы пронизывает все стихи в сборнике "Между Самарой и Волгой", они текут, течёт в них время, мысль и жизнь людей. Ведь, в конце концов, всех нас, живущих между небом и землёй, омывает бесконечный поток страстей, повседневных сует и мелочей, важнее которых всё же ничего нет. Поэтому всем, кому ещё не довелось познакомиться с "поэтическим дебютом" Романа Самсонова, рекомендую прочитать его книжку и насладиться хорошими стихами.

В Самаре холодные почвы/ Ледник затаился/ Под тонкою корочкой пены/ Нет средства его отогреть

Елена Шустрова

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Эдуард Учаров. Калмыцкие таблицы: Прозаические миниатюры и сказки. Казань, 2016. – 40 с.

Вы давно охотились на дикие слова? А с опытным егерем, то бишь, с хорошим поэтом? Где его сыскать, спросите? Во-о-о-т! Рекомендую: Учаров Эдуард, литератор из Казани. Ничего, что новая книга его маскируется под прозу. Это чтобы ближе подобраться к сторожким и прытким неприрученным словам. Правда, сам автор сетует, что «вольных и идеальных слов сейчас не осталось совсем». Но это он сгоряча. А может, из суеверия, чтобы не спугнуть раньше времени. Наверняка знает, где они гнездятся-кормятся. А иначе как бы удалось ему написать «несколько очень хороших стихотворений»?

Да и проза его хороша на вкус, хороша. Так и катаешь на языке его лёгкие фразы: «Встретишь дятла – слушай, сколько он тебе отстукает грибных трофеев», «Стенька поднял народное восстание, подержал его и выбросил в Волгу, как персидскую княжну», «Драконовский хохолок камышей щекотал нервы. Появилась собака, на конце которой грохотала будка». «Из-за угла леса вынырнул...» Э-э-э, нет! Всю книгу Вам перепиши в полустраничном обзоре? Ищите эту библиографическую редкость – настоящих самоцветов много не бывает. Ищите. Найдёте – не пожалеете о потраченном на поиски времени и истертых семи парах кроссовок железных.

Тоненькую книжку в сорок страниц читаешь долго, не спеша, растягивая удовольствие. Я читал под средневековое музыкальное барокко. Запускал плейлист по кругу и книгу Учарова брался читать заново. А потом бродил по ней, как по грибному лесу, радуясь всем этим словесным груздям, подберезовикам, лисичкам и, конечно же, белым! Или по зарослям, озерно-речным берегам и улочкам, исхоженным и пережитым неистовым Эдуардом. А какие он знает сказки! Для некоторых ему хватает буквально двух фраз. И пусть даже это не дикие фразы, но уж не прирученные – точно.

И ещё понял я – время, потраченное на чтение книг Эдуарда Учарова, в хронометраже прожитых лет не учитывается. Читайте их больше – проживёте дольше. Ей-богу, не вру!

Ты счастлив и вечен.

Татьяна Гоголевич. Средняя Азия. Взгляд против солнца. Путевые заметки. Тольятти, 2017, 232 с.

Если в вашей жизни случались книги, выхода которых вы ждали с нетерпением (и дождались!), смело причисляйте себя к рангу счастливых людей. Фрагменты «Средней Азии» Татьяны Гоголевич публиковались на просторах русскоязычной литературы – от Тольятти до Нью-Йорка, я ловил эти фрагменты или отклики о них (благодарение интернету!), и волшебная мозаика ложи-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

лась мне на сердце чудными картинами бесплотной галереи, наподобие картин Верещагина или Рериха, приходивших ко мне в разное время, в разных местах и в разном состоянии ума и души.

С самой первой встречи с повестью (мне, правда, привычнее думать о ней, как о романе), заметил одну особенность: помимо цвета, света и воздуха, в ней присутствует запах – трав, деревьев, цветов и фруктов, горячей пыли и горячих лепёшек, чая и пряностей, воды и камней и ещё десятков составляющих, не определяемых точно в сложном полифоничном букете Востока, открывающегося автору и читателю. И каждый раз, когда заходил разговор об «Азии» или я просто вспоминал о ней, чувствовался какой-нибудь запах, едва уловимый, но, несомненно, реальный и также не всегда определяемый, но имеющий непосредственное отношение к повести.

Мне доводилось слышать, как «Азию» упрекали в отсутствии сюжета. Но скажите, каков сюжет у «Одиссеи»? Или просто – у жизни? Повесть можно читать с любого места и в любом порядке, хотя с выходом отдельной книги возникла особая и странная в этом случае возможность: пройти с автором всё путешествие последовательно, шаг за шагом. Кстати, именно полное издание дало мне ответ и на другой, болезненно переживаемый мною упрек в адрес книги и автора: в отсутствии страстей. Ну, кому-то и не хватит стандартных людских конфликтов и жгучих сердечных волнений. Но великая радость познания и неодолимая горечь прощания пронизывают «Азию» от первого предложения до последнего, глубоко и просто рифмуя небо и землю.

Много ли найдётся в литературе книг о встрече – лицом к лицу – с чужим миром, который становится своим, оставаясь за спиной и – в памяти?

Уже в последние перед выходом книги дни у неё появился подзаголовок «Взгляд против солнца», ставший для меня ключевым финальным штрихом, особо важным для тех, кто впервые откроет эту книгу. И я бы позавидовал им, кому выпало чудо Встречи с Новой Книгой, но уж слишком много радости собрал я за десять с лишним лет, протекших с момента моей Первой Встречи, и эти сокровища я не готов потерять...

В России облака напоминают луга и травы, в Азии травы напоминали облака. Облака, ограждающие камень. Сырые ароматные тени, на зелени листвы пляшущие зайчики. Хрустальная жилка пульсировала в глубине маленького прозрачного озерца – будто бы билось сердце. Вокруг стояла тишина, родник журчал внутри неё и тихонько смеялся – это серебряные пузырьки достигали поверхности и лопались, выходя на воздух.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Андрей Князев. Стихи, рассказы, очерки. Библиотека альманаха «Графит». Серия «Поэты в городе». Выпуск № 3. Тольятти, 2017. 148 с.

Мне кажется, Андрей Князев из тех литераторов, что любят неподготовленного, ни о чём не подозревающего читателя. Чтобы его опусы обрушивались вам на голову, как таз с холодной водой на невинную чету новобрачных, входящих в свадебную спальню. Хотя где они, эти невинные новобрачные? А таз – вот он. И вода в нём. Я пытался побудить автора придумать специфическое название для первой несамиздатовской книги. Не преуспел. Можно сказать, я был неподготовленным верстальщиком.

А к чему тут будешь готовым? К кукле Барби, "белой, как взрыв на птицеферме"? К оде на смерть гугенота, похожей одновременно на знаменитое стихо Лермонтова и вездесущую «Мурку»? К тому, что «обычно Энгельс грабил, а Маркс обеспечивал ему алиби?». Мне ещё повезло. Когда верстаешь, некогда вчитываться в текст, тут бы выстроить его по страницам и разделам. Даже иллюстрации, представляющие собой репродукции средневековых гравюр, заботят только с точки зрения освещённости-затемнённости. А они, как выясняется, имеют прямое отношение к тексту, озаглавленному, например, «Утро в колхозе». Да-да, вы правильно подумали, то самое, которое началось! Или читаете вы, скажем, рассказ «Программисты», начинающийся воплем «Программисты девок портят!»... Ладно еще, неподготовленный читатель не знает, что Князев и компьютеры – близнецы-братья.

А уж историко-культурологические изыскания Андрея, извиняюсь, Князева чего стоят! Диапазон от прыгающего на батуте Молотова до православных калмыков, которых донимают барабашки бескрылые. От дяди Кози Малевича, рисующего детям квадратики до «божемойкакоймужчины» Салмана Рушди. Ну, и своей причастности к культурному чернозёму автор скрывать не намерен, заявляя: «Нам, талантам, нужно, сука, друг за друга держаться». А тем, кто неосторожно решит, что к этому слою принадлежит и читатель, ни о чём не подозревающий, холодная вода из таза от А. Князева: «Кому природа – мать, а кому – доктор Менгеле». И не поспоришь с этим, хоть всю книгу до конца дочитай-те. Дочитайте-дочитайте, я не шучу. Да и Князев, похоже, тоже.

*Если автора этих строк / скинуть с небоскрёба /
с бесконечным числом этажей / – рано или поздно его дикие вопли /
сложатся в «Оду к радости».*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Алексей Швабауэр. Небесные носороги. Самара, 2016.

Женщина, как текст, в котором хочется поменять некоторые слова местами или мама-негр, вскармливающая своим молоком всех встречаемых, чтобы все они понимали друг друга на суахили, а ещё кровавые зайчики верхом на валаамовой ослице глазами продюсера Константина Эрнста...

Если вам становится скучно читать стихи, которые отзываются в вас резонансом и помогают просыпаться и жить... Если вы давно не открывали книгу, способную вызвать у вас оторопь... Если вам с утра ещё не приходила в голову мысль поймать ветер руками, чтобы легче было запомнить ваши похороны, и нет отвертки, чтобы разогнать тучу над городом... Обратите внимание на Алексея Швабауэра, фармазонщика из Вологды, тушканчика невыносимого, любителя экстремальной узбекской музыки и прочая, и прочая.

Наверное, брандмауэр Лёша имел основания отрубить ему доступ к сайтам по литературе, чтобы стихи, написанные поэтом из Алма-Аты, как можно меньше пересекались с чем-то уже знакомым читателю. Чтобы блуждания автора в литературном, информационном, астральном или реальном пространстве как можно реже выводили одинокого любителя поэзии на проторенные пути. С какими планируемыми парашютистами, мстительными белками или вакханками с Гаити, не говоря уже о дауншифтерах в хлопчатобумажных панцирях, встретится бедолага, открывший эту книгу, «Цирк Олимп» весть!

Читайте. И не говорите, что я вас не предупредил. Наверняка вы сможете вычитать что-то своё, понятное только вам и Алексею Швабауэру.

*Цивильно и уютно, / посмотри – ...готовят мясо / из животных судеб
– мангал санна вех! цюог юса кхузар! / хьонк ба без ах!*

Марина Шляпина. Близь и даль. Рассказы. Тольятти, 2015. – 204 с.

Я люблю, когда автор не знает, что произойдёт с его героями на следующей странице. Не потому, что жизнь придумать им не умеет, а потому, что обтёсывать их не собирается. «Пускай они потерзают друг друга, пообижают и пораздражают». Они и сами себе всё придумают-выстроят, даже кофе будут пить, «потому, что его любил Максимилиан Волошин».

Герои Марины Шляпиной – вполне обычные люди, временами неприкажные, порой обретающие своё хрупкое счастье, ненадолго, конечно. Хрупкое же. Только вот вглядываются они в мир вокруг них не как обычные люди. Обычные – обычно и не вглядываются. Некогда им. А женщинам-мужчинам Шляпиной есть когда. И о близости мира растений к человеку подумают. И заметят древнеегипетский профиль незнакомой – но с этих пор любимой – женщины. И сны увидят, в которых странники зовут их в Индию. Но не поедут. И

КНИГА ЗА КНИГОЙ

не страшно. Там, в душе, где у обычных людей пустота, у этих – целый мир. Или хотя бы океан. И уж та самая душа во всяком случае. Живут, бродят по улицам или размышляют, встречают любимых, друзей и мертвецов иногда. И во всём своём существовании – они живые. Живые настолько, что один из моих друзей, прочитав предложенную мной книгу, рассердился на героиню за непрезентабельный вид. Целый вечер, говоря со мной, успокоиться не мог. «Она ведь женщина, как можно довести себя до такого!»

Вот так и можно. Им, как и многим из нас, не хватает времени, денег, домашнего тепла, дружеского участия, любви... Но хватает жизни. Странной, трудной, раздёрганной и при всём этом исполненной какого-то глубокого и безпафосного смысла.

...В город поднимаюсь по высокому берегу, заросшему полынью. Её запах – это горький запах моей свободы на тёплом ветру.

Сергей Пиденко

Михаил Лёзин. Внутри шума. Библиотека альманаха «Графит». Серия «Поэты в городе». Выпуск № 1. Тольятти, 2017. 140 с.

Надо написать рецензию, меня просили написать рецензию на книгу, которую выпустили в 21 веке. Что и как писать никто не знает, но написать очень просили до 20 июня сего года. Вот сижу и пишу рецензию на книгу и думаю, что сейчас пришло такое время, когда любая критика имеет смысл лишь в случае написания оной машиной или на худой конец постчеловеком. Пока у меня такой машины нет, да и думаю, пока мало у кого есть. Как будет выглядеть такая посткритическая рецензия на поэтическую книгу? Вопрос, как и ответ, совсем неоднозначны, но я сделаю попытку представить, что я постчеловек или машина. Допустим, я хочу сделать какой-то промежуточный вывод после прочтения. Много комбинаций языка, которые то линейные, то нелинейные, то объектно-ориентированные, то объектно-дезориентированные, то эмпирически выверенные, то вечно ускользающие, а то и вовсе удивляющиеся. Что же это значит?

Как писать критику на поэзию в 21 век, когда сама поэзия перестала быть поэзией, а философия, наука и искусство перестали себя как-то самоидентифицировать в капиталистическом обществе. Зачем нам вообще критика, если она сама превратилась в поэтическую акцию, где теряются границы между означающим и означаемым, где любой эффект от поэзии производит другую поэзию, допустим критику. Где начинается разговор о поэзии, и где начинается сама поэзия? Выходит, что даже машина встанет в тупик и перестанет производить анализ, синтез и другие дискретно-математические величины. Она просто зависнет, начнет сбоить.

Книга Михаила Лёзина замечательная, когда я оказался "Внутри шума", то я

КНИГА ЗА КНИГОЙ

почувствовал, что пора мне писать свой четвёртый по счёту музыкальный альбом. Шум до сих пор раздаётся в моей голове как африканские там-тамы или как миссисипский саксофон. Сложно выразить что-то ещё, потому что Вася Бородин всё уже выразил в своей вступительной статье к книге "Внутри шума".

Спасибо Михаилу Лёзину за то, что я смог написать первую рецензию в своей жизни. А дальше будет шум и много машин, которые будут творить и оценивать себя сами. Спасибо за внимание.

это лучше чем./ проще бетон./ спело-слепой./ уже краска ноль.

Дмитрий Сопыряев

Геннадий Русаков. "Сиротство начинается с Мелекесса". Стихи. Ульяновск, 2016 год. 232 стр.

Нелегко писать отзыв в небольшой заметке о книге профессионального литератора, состоявшегося писателя России, поэта, переводчика Геннадия Александровича Русакова, но с первых строк мне понравились его стихи, ясное изложение, мелодичность их. Я очень дорожу тем, что мне выпала честь поведать об этом поэте и своём первом впечатлении от его сборника. Множество замечательных книг написал Геннадий Русаков, печатался в периодике с 1955, переводил со многих языков итальянскую, английскую, французскую лирику, лауреат литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» 2014 года. Геннадий Русаков состоялся, свершился во всех своих гранях целостной формы Себя, его стихи – дыхание, талант, доведённый трудом до красоты изложения мысли: "Уже не писанье стихов, а просто дыханье словами..." пишет автор. Так оно и есть. В сборнике "Сиротство начиналось с Мелекесса" Геннадий Русаков повествует в стихах о себе, о своей жизни так просто, так свободно, не нарушая стихотворных ритмов, а создавая их вновь и вновь в каждом своём стихотворении, и каждое – безусловно, послушайте:

"Вышел – утро в сизой дымке.

И позёмка по снегам –

будто тени невидимки

мелко ластаня к ногам"

"Стихи Русакова заставляют вздрогнуть от красоты" – так отозвался критик Кирилл Ковальджи о творчестве этого поэта. Чудеса творит Г.Русаков, так мелодично составляя строки своих живых стихов!

Для меня творение Геннадия Александровича Русакова явилось примером красоты, ясности речи, важности этого.

"Плывут, плывут по небу корабли/летят за ветром поздние печали – /туда, где сопки прячутся вдали,/где Божий мир ещё первоначален!«

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Дмитрий Ларионов. "Словоловие" (стихотворения). Нижний Новгород: Литера, 2014 – 96 с.

В своей книге "Словоловие" Дмитрий Ларионов, творческий человек, поэт раскрывает своё личное, ни на что не похожее восприятие окружающего мира в многообразии, и себя в нём своим индивидуальным почерком изложения. Это – нелёгкий путь подобрать слова и с максимальной ясностью выразить то внутреннее, что в каждом из нас, вокруг нас. Вот, к примеру, удивительное обозначение явления: "В бумагообразной, прямой тесноте – слепок времени – знак..." о жизни событий, предметов, чувств в стихах, в слове, или "В который раз живёт художник, открытый миру, точно божий подорожник..." – Подорожник, как известно, залечивает раны, и, может быть, художник, поэт, как раз является врачом людских, душевных ран. Как точно и как символично об этом он сказал! Дмитрий Ларионов не спеша раскрывает свои замыслы, которые открываются не сразу. В своём сборнике стихов с такой поразительной лёгкостью отражает свои такие сложные мелодии внутреннего мира, ощущения, открытия, закономерности, себя в многообразии слов; картина непростая, но так просто отображённая в его книге "Словоловие". Да, найти слова для обозначения своих чувств, умозаключений, или пути к ним тем сложнее, чем глубже поэт видит мир, и Дмитрий Ларионов эти слова находит, он их "вылавливает" так легко – потому что правдиво, так сложно – потому что богатый внутренний мир и умение его отобразить. Как будто во сне, а именно там нередко подсознание открывает скрытое, пишет Д. Ларионов каким-то личным, своим слогом, присущим только ему. Поэт, способный чувствовать такие недоступные для многих движения мысли представляет свои стихи индивидуальными, смелыми и неповторимыми.

Шоссе, кропленное крестами у обочин./ Бродяга моет фары кипятком на рваной тряпке /«Бээмвэ», «Рено» и прочим..

Книга стихов Галины Булатовой «Сильнее меня». Казань. Татарское книжное издательство. 2017.

"Там где Волге в подмогу впадает Уса,

Поднимают утёсы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке

О великой реке, о Самарской Луке". –

Река Волга широкая, могучая, бескрайняя; объединяет столько городов, столько берегов; историю: прошлое и настоящее; впадает в будущее.

Река символизирует время, единство. В древности Волгу именовали Светлой!

Поэт Галина Булатова представилась мне так: вижу бесконечный простор Вол-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ги и лодку с парусом на волнах, над гладью реки. Нелегко объять огромное полотно в целом, а именно так нужно видеть творчество Галины Булатовой – всецело!

Тогда мне и привиделась река времени, объединяющая берега, судьбы, подобно сборнику стихов "Сильнее меня", который включил в себя авторские стихи, а также переводы многих поэтов, в одну картину. Стихи автора светлые, мудрые, неторопливые, излучают добро, любовь к жизни, имеют положительное влияние, как будто смотришь с высокого берега вдаль на движение реки времени – немного с грустью, но легко и свободно.

Удивительно обширное, охватывающее в полной мере, творческое зрение поэта Галины Булатовой! Сразу не мог понять, а когда это осознал, узрел – волны восторга и отрады, словно сама Природа прикоснулась пространством и величием, рукою мудрости, единством мира, единством времён, подобно этим строкам автора – прошлое, настоящее и будущее:

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры./Между этими берегами пращур мой разжигал костры./Волховал, приготовясь к севу, и поглаживал оберег./Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.

Роман Полуэктов

Владимир Сорокин. Манарага. Москва. 2017 г.

Проза Владимира Сорокина заметно эволюционировала за последние 20 лет. Начиная с невыносимого текста «Сердца четырех» к утопической «Теллургии» и совсем уж классической и спокойной «Метели». Последний роман подтверждает мысль – писатель изменился. Нельзя сказать, что Сорокин стал менее эпатажен – нет, темы его романов всегда предельно провокационные, но его писательская мысль стала заметно вменяемее и двигается в сторону общекультурной мифологии. «Манарага» – это роман о Книге! Она о красоте и притягательности талантливого текста, о смысле различий книг народов, о том, что Книга обязательно умрет! Уже, по сути, умерла. Тем не менее, смерть эта не окончательная. Немного о сюжете. Главный герой романа живет и зарабатывает немалые деньги тем, что готовит чудесную пищу на классических книгах. В прямом смысле – поджигая и приготавливая шашлык на пламени книги!

Сорокин точно передает нынешнее состояние культурного безвременья, бездуховность мира, материализацию всех основных понятий, однако, как всегда у Сорокина главное не социологический анализ реальности, а язык, стиль, метафорический ряд, которым густо напичкан роман. Удовольствие от чтения гарантируется.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Черные дыры букв. Альманах СГАУ. Самара 2017г. №6, 188 с.

Один из самых изящных по своему оформлению альманахов Самарской области, да и всего Поволжья, продолжает радовать. Вышел уже 6-й по счету альманах. Разнообразное и разностороннее издание может угодить взыскательному читательскому вкусу. В номере – статьи об искусстве, эссе, яркая проза довольно молодых авторов. Среди молодых прозаиков понравился Илья Колесников. Актуальные споры о верлибре уже в прошлом и статья Юрия Милоравы лишь в очередной раз подтверждает – верлибр – полновесная форма поэтического высказывания. Олег Горяинов в дельной статье дает основные версии понятия «постмодерн». Ну и стихи, стихи, много стихов. И в рифме, и верлибр. Особенно впечатлили подборки стихотворений Кати Сим и Айвенго. Чудесны и переводы. В самом конце альманаха расположилась глубокая и очень живая переписка о литературе Ольги Соколовой с французским писателем Дени Гроздановичем! Замечательный альманах.

может лъзя а может можно/ в этом мире все возможно (Айвенго)

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Балабан Вадим родился в Троицке (Челябинская область). Стихи печатались в журналах «Урал», «Зинзивер», «Гвидеон», «Плавучий мост», «Василиск», «Белый Ворон», «Новая Реальность» и др., в антологии «Современная уральская поэзия. 2004–2011 гг.». Автор трёх поэтических книг.

Богатырева Елена. Родилась в Куйбышеве, окончила Куйбышевское музыкальное училище по классу фортепиано (1986), Самарский государственный университет, филологический факультет (1993), аспирантуру по онтологии и теории познания (2000). Кандидат философских наук, доцент. С 2009 года - организатор разнообразных программ творческой лаборатории "Территория диалога". Редактор альманаха "Чёрные дыры букв". Живет в Самаре.

Брель Сергей. Родился в 1970 в Москве. Поэт, журналист, филолог, учитель. Стихи пишет с 1998 года, после посещения Непала и горных районов Гималаев. Неоднократно выступал на фестивалях искусств «Каштановый дом» (Киев) и «Сергей Осколков и его друзья» (Санкт-Петербург). Живет в Москве.

Брагина Ольга. Родилась в 1982 году. Поэт, прозаик, переводчик с английского и украинского. Автор книг «Аппликации» (2011) и «Неймдроппинг» (2012). Тексты публиковались в журналах «Воздух», "Интерпоэзия", "Волга", "Новая Юность", «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост (Германия) и др. Живет в Киеве.

Гнатовский Вадим. Родился в 1970 году. Поэт, прозаик, художник. Автор двух романов, множества рассказов и стихов. Публиковался в журналах «Город» и «Графит». Живет в Тольятти.

Грантс Янис. Родился в 1968 году во Владивостоке. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Урал», «Нева», «День и Ночь» и других. Автор пяти поэтических книг. Один из редакторов Антологии современной уральской поэзии (2011). Составитель сборника «На достаточных основаниях» (молодые поэты Челябинска, 2013). Стихи и проза переведены на латышский язык. Живёт в Челябинске

Ермошина Галина. Поэт. Прозаик. В 1984 году окончила Куйбышевский институт культуры, с этого же года работает в областной юношеской библиотеке. Участница филологических конференций и поэтических фестивалей. Занимается библиографией современной литературы. Живёт в Самаре.

АВТОРЫ

Квантришвили Георгий. Родился в 1968 году. Поэт, коллекционер, литературовед. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Костинский Андрей родился в 1969 году. Главный редактор литературных журналов "Лава" и "Авалгард", руководитель литературного объединения "АВАЛ", организатор и куратор фестивалей ""Авалгард", "Авалгард", "Фокус", "Харьковград", "Иноябрь", "Одна маленькая свеча" (Харьков, Полтава, Киев), член жюри многих лит. фестивалей. Создал своё направление в поэзии – "паст-футурайт". Автор 16 книг. Живет в Харькове.

Науменко Виталий. Родился в 1977 году. Поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, драматург. Автор книг «Присутствие» (2000), «Юноша в пальто» (2001). Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Арион» и др. Совместно с Анатолием Кобенковым основатель альманахов «Иркутское время» и «Зеленая лампа». Лауреат литературной премии им. Виктора Астафьева. Живет в Иркутске.

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014.

Полуэктов Роман. Родился в 1976 году в г. Тольятти. Стихи пишет с юности. Публикует свои работы в Интернете, печатается в общих альманахах. Номинант литературных премий. Член Российского Союза Писателей.

Чердаков Василий. Родился в 1962 году. Поэт. Окончил техникум. Публиковался в ряде альманахов. Живет в Сызрани.

Учаров Эдуард. Родился в Тольятти в 1978 году. Окончил Академию труда и социальных отношений (юридический факультет). Живёт в Казани. Стихи публиковались в журналах: «Дружба Народов», «День и Ночь», «Современная Поэзия» и других. Автор книг стихов «Подворотня», Краснодар, 2011 и «SOSстояние весомости», Казань, 2012.